

ТРУДЫ
ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
МГУ

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ТРУДЫ
ИСТОРИЧЕСКОГО
ФАКУЛЬТЕТА
МГУ

Под редакцией С.П. Карпова

[20]

СЕРИЯ II
ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
(5)

МОСКВА
2001

ТРУДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

20

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

5

ФРАНЦУЗСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

2001

УДК 93/99
ББК 63.3
Ф84

Серии Трудов исторического факультета МГУ:

- ♦ Исторические источники ♦ Исторические исследования
- ♦ Instrumenta studiorum ♦ Биобиблиографии

Редакционный совет:

С.П. Карпов (председатель), А.Г. Голиков, В.Н. Гращенков,
В.И. Кузищин, Ю.С. Кукушкин, Л.С. Леонова, Г.Ф. Матвеев,
Л.В. Миров, А.И. Морозов, В.В. Пименов, Г.М. Степаненко, Н.С. Тимофеев,
В.А. Федоров, Е.Ф. Язьков, В.Л. Янин

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проект № 01-01-16006

Французский либерализм в прошлом и настоящем /
Ф84 Отв. ред. В.П. Смирнов. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001.
— 224 с. — (Труды исторического факультета МГУ:
Вып. 20; Сер. II, Исторические исследования: 5).

ISBN 5-211-04419-3

В коллективной монографии сотрудников кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки исторического факультета МГУ исследуется французский либерализм на основных этапах его исторического развития: от Великой французской революции конца XVIII века до наших дней. Главное внимание уделено его эволюции как политического течения, деятельности наиболее известных либералов, национальным особенностям французского либерализма.

Для преподавателей и студентов исторических и политологических специальностей, для всех интересующихся историей и современным состоянием либерализма.

УДК 93/99
ББК 63.3

ISBN 5-211-04419-3

©Изд-во Моск. ун-та, 2001

Конец XX в. ознаменовался возрождением экономических и политических теорий либерализма. Кризис кейнсианских рецептов государственного регулирования экономики, успех концепций “монетаризма”, мощная “консервативная волна”, охватившая Англию, США и другие страны Запада, падение коммунистических режимов в странах Центральной и Восточной Европы придали либерализму новую актуальность и привлекательность. Особенно бурный всплеск интереса к либеральным идеям произошел в России, где конец советской власти, отказ от марксизма-ленинизма, осуждение социализма и революции, стремление к политической свободе и рыночной экономике в небывалой степени подняли престиж либерализма.

Интерес к либерализму никогда не был только научным; его в значительной мере питала политическая борьба и политические пристрастия. Об этом наглядно свидетельствует судьба самих терминов “либералы” и “либерализм”. В дореволюционной России слово “либерал”, согласно толковому словарю Даля, означало “политический вольнодумец, мыслящий или действующий вольно, вообще желающий большей свободы народа и самоуправления”¹.

Появившийся позднее термин “либерализм” энциклопедические словари истолковывали как “стремление к общественным реформам, имеющим целью свободу личности и общества, а также к свободе человеческого духа от стеснений, налагаемых церковью, традицией и т.д.”². При этом отмечалось, что на практике либерализм часто “является консервативным”³, противостоит ра-

¹ *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II. М., 1995. С. 251.

² *Энциклопедический словарь* / Издатели Ф.А.Брокгауз, И.А.Ефрон. СПб., 1896. Т. 34. С. 632.

³ Там же. С. 633.

дикалам и “вырождается нередко в либеральничанье, хвастливое пустословие при самом низком образе действий”⁴.

В начале XX в. авторы известного энциклопедического словаря Гранат полагали, что “либерализм, поскольку он остается чистым, не признающим никаких компромиссов, учением, сведен в настоящее время к роли заскорузлой классовой доктрины наиболее непримиримых, наиболее отсталых кругов буржуазии”⁵.

Марксисты считали либерализм буржуазной идеологией, противостоящей демократии, социализму и революции и поэтому выступали против него. Ленин писал, что “либерализм боится демократии больше, чем реакции”⁶, называл его “разложившимся”⁷, “внутренне сгнившим”⁸. Либеральные деятели, или, как их именовал Ленин, “либеральные и демократические слюнтяи”⁹, вызывали у него глубокое отвращение.

Поскольку русские либералы и их главное политическое объединение — конституционно-демократическая партия (кадеты), — выступали против Октябрьской революции и советской власти, советское правительство и советские историки рассматривали их как злейших врагов — контрреволюционеров и “реакционеров”, а заодно и носителей таких неприглядных человеческих качеств, как политическая беспринципность и “соглашательство”. Сталин поносил “гнилой либерализм”¹⁰. Советские энциклопедии утверждали, что в эпоху империализма “буржуазный либерализм не мог не превратиться в социальную и политическую реакцию”¹¹, в “реакционное течение”, которое носит “антинародный характер” и уже потерпело “банкротство”¹². Малая советская энциклопедия подчеркивала, что в переносном смысле слова либерализм означает “склонность к уступкам идейному противнику, в противовес идейно-политической непримиримости, твердокаменности и принципиальности” большевиков¹³. Большая советская энциклопедия усматривала в либерализме “синоним примиренчества,

⁴ Энциклопедический всенаучный словарь, составленный под редакцией В. Ключникова. СПб., 1882. Ч. II. С. 63.

⁵ Энциклопедический словарь т-ва Бр. А. и И. Гранатъ и К°. Седьмое, совершенно переработанное издание. СПб., 1913. Т. 27. С. 110.

⁶ Ленин В.И. ПСС. Т. 20. С. 175.

⁷ Там же. Т. 22. С. 63.

⁸ Там же. Т. 23. С. 3.

⁹ Там же. Т. 16. С. 40.

¹⁰ Сталин И.В. Вопросы ленинизма. 11-е изд. М., 1952. С. 393.

¹¹ Малая советская энциклопедия. 2-е изд. М., 1937. Т. 6. С. 279.

¹² Большая советская энциклопедия. 2-ое изд. М., 1954. Т. 25. С. 71.

¹³ МСЭ. 2-е изд. Т. 6. С. 279.

терпимости к вредным отрицательным явлениям и действиям, наносящим ущерб интересам государства, народа”¹⁴.

Авторитетнейший словарь русского языка, изданный в 1958 г. Институтом русского языка АН СССР, дал термину либерализм классово выверенную формулировку: “политическое направление, отстаивавшее свободу буржуазии в феодально-крепостническую эпоху и в эпоху буржуазных революций, ставшее глубоко реакционным с установлением ее политического господства и развитием революционной борьбы пролетариата”. Толкование либерализма в смысле “свободолюбие, вольнодумство” составители словаря поместили термином “устаревшее”, и дали следующее разговорное значение этого слова: “излишняя снисходительность, вредное попустительство”¹⁵.

С началом “перестройки” в Советском Союзе, особенно после проведения социально-экономических реформ первой половины 90-х годов, которые печать называла либеральными, положение коренным образом изменилось. Хлынул целый поток публицистической, учебной и научной литературы, где либерализм рассматривался как высшее достижение общественной мысли, образец разумного экономического и политического устройства, пример для подражания. Иногда понятия “либерализм” и “либералы” трактовали столь широко, что к либералам можно было причислить кого угодно. Политическая партия, имеющая мало общего с либерализмом, назвала себя “либерально-демократической”; известный политический деятель уверял, что либерал — “это просто-напросто человек, который знает экономику, понимает ее законы. И более ничего”¹⁶.

В последние годы, в связи с разочарованием части российского общества в результатах “либеральных реформ”, восхищение либерализмом пошло на убыль; печать стала все чаще и чаще критиковать российских либералов-реформаторов. Некоторые публицисты думают, что уходит “либерально-реформаторский век”¹⁷, что “только ленивый в России сейчас не отпекает либерализм”¹⁸. Тем не менее либерализм остается в центре общественного внимания.

¹⁴ БСЭ. 2-е изд. Т. 25. С. 73.

¹⁵ Словарь русского языка в четырех томах. АН СССР. Институт русского языка. М., 1958. Т. II. С. 243.

¹⁶ Председатель партии экономической свободы К.Н.Боровой // Литературная газета, 20.05.98.

¹⁷ Смирнов С. Несколько слов в честь либерализма // Известия, 27.03.99.

¹⁸ Бабеева С. Чтобы поняли // Известия, 08.04.99.

В отечественной научной литературе 90-х годов исследовались основные черты и особенности либерализма как идейного и политического течения¹⁹, выяснялась его историческая роль в России и в других странах, в том числе в Англии²⁰, США²¹, Греции²², Франции²³. Новые исследования углубили, уточнили и расширили прежние представления о либерализме, ввели в обращение богатый фактический материал (особенно по истории российского либерализма)²⁴.

В 1995 г. сотрудники Института всеобщей истории РАН выпустили в свет первые обобщающие коллективные труды по истории западно-европейского либерализма, под редакцией В.В.Согрина²⁵ и С.П.Пожарской²⁶. В одном из них помещены две статьи Т.М.Фадеевой, впервые в отечественной литературе охватившие историю французского либерализма на всем его протяжении²⁷.

В 1997 г. кафедра новой и новейшей истории исторического факультета Московского государственного университета опубликовала коллективную работу "Либеральная традиция в США и ее творцы"²⁸, где американская разновидность либерализма была представлена в лицах, через биографии ее творцов — от Джефферсона до Клинтона.

¹⁹ См., например, дискуссию о либерализме и демократии в журнале "Полис" (1994, № 1, 2, 3) и серию статей о либерализме в журнале "Новая и новейшая история" за 1994—1998 гг.

²⁰ *Согрин В.В.* Британский либерализм: этапы развития и течения // Новая и новейшая история. 1996. № 4.

²¹ *Согрин В.В.* Идеология в американской истории: от отцов-основателей до конца XX века. М., 1995.

²² *Никитина Т.В.* Элефтериос Венизелос — идеолог и практик греческого либерализма (1864—1936) // Новая и новейшая история. 1995. № 2.

²³ *Федосова Е.И.* Франсуа Гизо: историк и государственный деятель // Новая и новейшая история. 1996. № 4; *Ревякин А.В.* Социализм и либерализм в середине XX в. М., 1999; *Тырсенко А.В.* Аббат Э.-Ж. Сийес (1748—1836). У истоков французской либеральной идеологии // Новая и новейшая история. 1998. № 6; *Он же.* Фельяны. У истоков французского либерализма. М., 1999.

²⁴ См.: *Иллерицкая Н.В.* Обзор новейшей литературы по проблеме "Российский либерализм в конце XIX — начале XX века" // Либеральная модель общественного переустройства России конца XIX века. М., 1994.

²⁵ Либерализм Запада XVIII—XX века / Под общей редакцией В.В. Согрина. М., 1995.

²⁶ Европейский либерализм в новое время: теория и практика / Под ред. С.П.Пожарской. М., 1995.

²⁷ *Фадеева Т.М.* Трудные судьбы французского либерализма // Либерализм Запада XVIII—XX века. М., 1995; *Она же.* Современная Франция: модель консервативного либерализма // Там же.

²⁸ Либеральная традиция в США и ее творцы / Отв. редакторы Е.Ф.Язьков, А.С.Манькин // М., 1997. — (Проблемы американистики. 10).

Ныне кафедра новой и новейшей истории публикует коллективную работу о другой национальной модели либерализма — французском либерализме. Не претендуя на всестороннее освещение проблемы, авторы предприняли конкретно-историческое исследование французского либерализма на некоторых важных этапах его исторического развития: от Великой французской революции конца XVIII века до наших дней. Главное внимание они уделили эволюции либерализма как политического течения, деятельности наиболее известных либералов, национальным особенностям французского либерализма.

Либерализм как политическое течение существует во Франции более 200 лет. Он появился позже, чем английский или американский либерализм, но раньше, чем либерализм в Германии или в Италии. Согласно исследованиям французских ученых, употребление слова “либеральный” в политическом смысле — “сторонник индивидуальных свобод в области политики” (вместо прежних значений “щедрый”, “великодушный”, “достойный свободного человека”) — впервые зафиксировано в 1750 г. в дневнике маркиза д’Аржансона²⁹. “Термин получает подлинные права гражданства вместе с Революцией и распространяется к 1800 году. Он применялся к сторонникам политических свобод и играл большую роль в XIX веке, когда *либеральная партия* противостояла консерваторам и монархистам, а потом также и социалистам (1848 г.)”³⁰. Термин “либерализм”, первоначально обозначавший доктрину либералов, возник позднее, в период Реставрации³¹. Считается, что его заимствовали из Англии и ввели в употребление известные писатели и общественные деятели Жермена де Сталь и Рене де Шатобриан³².

Общепризнано, что ключевым понятием для характеристики либерализма является “свобода”. Признание свободы высшей целью, высшим средством, высшим правилом человеческого общества всегда было сущностью этого идейного течения³³. Свобода, в первую очередь свобода личности, — главная ценность либерализма, а защита прав человека и гражданина, свободы слова, печати, религии, политической и экономической деятельности — его центральная тема.

Одним из важнейших прав человека либералы считали право частной собственности, которое, по их мнению, неотделимо от

²⁹ Le Grand Robert de la langue française. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française de Paul Robert. 2-e édition. T. V. Paris, 1991.

³⁰ Le Robert. Dictionnaire historique de la langue française. Sous la direction de Alain Rey. Paris, 1992.

³¹ Ibid.

³² Littré. Dictionnaire de la langue française. Paris, 1974. T. 3.

³³ См.: Европейский либерализм в новое время. С. 3.

свободы личности, служит фундаментом цивилизации и общественного прогресса. Из права собственности вытекает свобода экономической деятельности, невмешательство государства в экономику, поскольку лишь свободная игра экономических сил и конкуренция могут обеспечить прогресс и процветание нации.

Сохранение прав и свобод предполагает разделение властей, необходимое для того, чтобы предотвратить сосредоточение чрезмерных полномочий в одних руках; не допустить, — как говорили в XVIII веке, — “тирании” и “деспотизма”; обеспечить верховенство закона, защитить интересы личности. Очень большое значение либералы придавали принципу национального суверенитета, в соответствии с которым власть должна исходить от “нации” и осуществляться ее выборными представителями.

В научной литературе экономический и политический либерализм обычно рассматривают “как идеологии преимущественно промышленной буржуазии”, хотя он возник еще в XVII—XVIII вв., до того, как сложилось буржуазное общество³⁴.

Вопрос о национальных разновидностях либерализма слабо исследован. Специалисты выделяют “две исторически сложившиеся либеральные традиции: англо-саксонскую и континентально-европейскую”. Англо-саксонская традиция “ассоциировалась со свободной торговлей, интернационализмом, развитием конституционных норм и укреплением демократических ценностей”. В континентально-европейской традиции “акцент делался на процессы национальной консолидации и отказ от всех форм экономического, политического и интеллектуального авторитаризма”; причем “в каждой из стран либерализм обрел собственную окраску”³⁵.

Некоторые исследователи полагают, что, в отличие, например, от США, где сформировался “демократический вариант либерализма”, насквозь пронизанный “демократическим духом”³⁶, французский либерализм “никогда не был прогрессистским”. Он носил консервативный, “глубоко элитарный характер и не был связан ни с борьбой за демократию, ни за социальные права”³⁷.

Чтобы судить о степени обоснованности такой точки зрения, необходимо конкретно-историческое исследование французского либерализма.

³⁴ Черняк Е.Б. Либерализм и новое видение XIX века // Европейский либерализм в новое время. С. 17, 26.

³⁵ Гаджиев К.С. Либерализм: история и современность // Новая и новейшая история. 1995. № 6. С. 17

³⁶ Либеральная традиция в США и ее творцы. С. 11—12.

³⁷ Фадеева Т.М. Ук. соч. С. 215.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ИСТОРИИ ФРАНЦУЗСКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА

Идеи и ценности, которые легли в основу идеологии либерализма, появились гораздо раньше, чем возник либерализм как самостоятельное идейное и политическое течение, и раньше, чем вошли в употребление сами понятия “либералы” и “либерализм”¹. Историки связывают формирование либеральной идеологии с эпохой Просвещения², а иногда и с более отдаленными историческими периодами — Реформацией и даже античностью³. Несомненно, такие идеи Просвещения, как теории естественных и неотъемлемых прав человека, общественного договора, национального и народного суверенитета, разделения властей, свободы личности и свободы торговли, равенства граждан перед законом, были главным источником идеологии либерализма (как и некоторых других идейно-политических учений).

Особенно большое значение для формирования либерализма имели идеи свободы и равенства. Старшее поколение французских просветителей, прежде всего Монтескье и Вольтер, ставили во главу угла принцип свободы. Главное внимание они уделяли защите личности от посягательств со стороны государства, церкви и общества. Личность была для них наивысшим приоритетом; общество понималось как сфера сосуществования свободных индивидов, а общественный интерес — как совокупность частных интересов.

Просветители младшего поколения во главе с Руссо превыше всего ценили равенство. Они считали, что личность должна быть не только свободной, но и равной другим личностям (по крайней мере, юридически и политически). С их точки зрения, общество — это не простая совокупность индивидов, а особый “организм”, имеющий целью “общественное благо” и обладающий своими —

¹ *Фадеева Т.М.* Ук. соч. С. 53.

² Там же. С. 53—56.

³ См., напр.: Энциклопедический словарь / Издатели Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. СПб., 1896. Т. 34. С. 632—633.

общественными — интересами. Общественный интерес может не совпадать с частными интересами, в том числе и с правом частной собственности, которое, по мнению Руссо, является благоприобретенным, а не естественным правом; в таком случае предпочтение надо отдать общественным интересам.

Во второй половине XVIII в. противоречие между свободой и равенством носило умозрительный характер: идеи свободы и равенства сосуществовали, не вступая в конфликт и даже дополняя друг друга. Либерализм тогда еще не выделился в самостоятельное идейное или политическое течение: он лишь зарождался в лоне более широкой идеологии Просвещения; существовал как монастроение, как приверженность к “либеральным идеям”.

В качестве самостоятельного политического течения французский либерализм появился в годы Великой французской революции конца XVIII в., когда были заложены основы современной Франции, зародились главные идейно-политические направления, сложился определенный стереотип политического поведения, который во многом формировал ход последующих событий. В этот период поборники “либеральных идей” осознали себя особой политической силой и выделились в особые политические группировки (фельянов, жирондистов, термидорианцев), которые, несмотря на все различия между ними, проводили в жизнь те или иные элементы либеральных доктрин.

Их общей идейной платформой была знаменитая Декларация прав человека и гражданина 1789 г., легитимировавшая “те ценности, которые впоследствии стали важнейшими составляющими классического либерализма”⁴. Декларация 1789 г. торжественно провозгласила, что “люди рождаются и остаются свободными и равными в правах” (ст.1); что “цель каждого государственного союза составляет обеспечение естественных и неотъемлемых прав человека: свободы, собственности, безопасности и сопротивления угнетению” (ст.2); что “собственность есть право неприкосновенное и священное” (ст.17); что закон “должен быть равным для всех” (ст.6); что “общество, в котором не обеспечено пользование правами и не проведено разделение властей, не имеет конституции” (ст.16); что “источник суверенитета заждется по существу в нации” (ст.3).

Огромное принципиальное и практическое значение имели зафиксированные в Декларации 1789 г. важнейшие политико-юридические принципы: “Никто не может подвергнуться обвинению, задержанию или заключению иначе, как в случаях, предусмотренных законом, и при соблюдении форм, предписанных законом” (ст.7); “каждый предполагается невиновным, пока не уста-

⁴ Гаджиев К.С. Ук.соч. С. 16.

новлено обратное" (ст.9); "никто не должен испытывать стеснений в выражении своих мнений, даже религиозных" (ст.10).

Провозглашенные в Декларации "Принципы 89 года" содержали непреходящие общечеловеческие ценности; они вдохновляли не только либералов, но и всех революционеров, всех сторонников свободы и прогресса.

Накануне и в первые годы революции самыми известными приверженцами либеральных идей были виднейшие деятели Генеральных Штатов и Учредительного собрания — Сийес, Лафайет, Мирабо, Талейран, братья Ламетты и др.⁵, составившие впоследствии группировку фельянов. По социальному положению почти все они принадлежали не к буржуазии, а к дворянству, но выступали как вожди всего Третьего сословия против его врагов: "феодализма", "аристократии", "привилегий", "тирании" — за естественные и неотъемлемые права человека и гражданина, свободу экономической и политической деятельности, равенство граждан перед законом. Именно они сыграли главную роль в законодательном ниспровержении Старого порядка, уже потрясенного взятием Бастилии и крестьянскими бунтами лета 1789 г., в провозглашении свободы, равенства и братства девизом революции, а трехцветного флага — ее знаменем. Первоначально либеральные деятели Учредительного собрания выступали против Старого порядка совместно с другими революционерами, не выделяясь в особую политическую группировку. Размежевание в революционном лагере произошло в ходе революции, в 1789—1791 гг. при обсуждении вопросов государственного устройства Франции.

Либеральные вожди Учредительного собрания, как и подавляющее большинство революционеров 1789 г., были конституционными монархистами. Они полагали, что законодательная власть должна принадлежать избранному "нацией" Законодательному собранию, а исполнительная власть — королю, имеющему право налагать вето на его решения. Либеральная концепция прав человека и гражданина, продолжавшая традицию Монтескье и Вольтера, имела целью свободу, но не равенство граждан. Либералы считали само собой разумеющимся, что полноправными гражданами могут быть только богатые и образованные собственники, способные понять смысл гражданских и политических прав и заинтересованные в их защите. Неимущие и необразованные слои населения, склонные, по мнению либералов, к покушениям на собственность, к бунту, беспорядкам, анархии, могут, конечно, пользоваться предоставленными им правами, но они не должны участвовать в управлении государством.

⁵ О них см.: *Тырсенко А.В.* Аббат Э.-Ж.Сийес // Новая и новейшая история. 1998. № 6; *Черкасов П.П.* Лафайет. Политическая биография. М., 1991; *Манфред А.З.* Три портрета эпохи Великой французской революции. М., 1978.

Желая создать такое государственное устройство, в котором власть принадлежала бы собственникам и не подвергалась давлению со стороны “толпы”, конституционалисты предложили ввести имущественный ценз для избирателей, предоставив право голоса только “активным” гражданам, то есть собственникам, платящим налоги.

Либеральной концепции противостояла демократическая концепция государственного устройства и прав гражданина, восходящая к Руссо. Она придавала первостепенное значение равенству и ставила превыше всего интересы “народа”, а не собственников. Ее отстаивали поборники равенства, в том числе будущий вождь якобинцев Робеспьер. По мнению Робеспьера, каждый индивид имеет право участвовать в выработке закона и, следовательно, в выборах — “иначе было бы неверно, что все люди равны в правах”⁶. Робеспьер тогда еще был сторонником монархии, но считал, что королевское вето недопустимо потому, что воля нации, воплощенная депутатами Законодательного собрания, должна превосходить “любую индивидуальную волю”, в том числе и волю короля⁷.

11 сентября 1789 г. при обсуждении вопроса о королевском вето в Учредительном собрании сторонники вето сели справа, а противники — слева от председателя. Этот незначительный эпизод положил начало делению на правых и левых, которое проходит через всю последующую историю Франции. Правыми стали называть умеренных, а левыми — радикальных политических деятелей. Многие либеральные вожди Учредительного собрания оказались среди правых, то есть среди умеренных революционеров, считавших, что задачи революции выполнены и ее надо закончить принятием конституции.

Еще более важную роль в процессе самоидентификации либералов и их выделения из общего революционного потока сыграла борьба за республику. Летом 1791 года, после неудавшегося бегства короля Людовика XVI в Варенн, часть революционеров потребовала установления республики. 16 июля 1791 г. клуб якобинцев, в который первоначально входили революционеры разных взглядов, большинством голосов одобрил петицию, требовавшую отречения короля. В ответ часть депутатов Учредительного собрания во главе с Лафайетом и Ламеттами вышли из якобинского клуба и основали монархическое “Общество друзей конституции” — клуб фельянов, который современники называли “партией” фельянов⁸. На следующий день, 17 июля, Лафайет,

⁶ Робеспьер М. Избранные произведения. М., 1965. Т. 1. С. 111.

⁷ Там же. С. 101.

⁸ Подробнее см.: Тырсенко А.В. Фельяны. У истоков французского либерализма.

командовавший Национальной гвардией, приказал стрелять в демонстрацию республиканцев, собравшихся на Марсовом поле, и разогнать ее.

События 16 — 17 июля означали раскол революционеров на монархистов и республиканцев; на либералов и демократов. Либералы окончательно выделились в особое политическое течение, противостоящее как “аристократам”, то есть сторонникам Старого порядка, — справа, так и демократам — слева. Клуб фельянов стал первой политической организацией французских либералов — своеобразной “либеральной партией”, во многом предопределившей структуру, организационную форму и образ действий либеральных партий XIX века.

Сами фельяны не называли себя либералами, но по своим взглядам и положению на политической сцене они являлись предшественниками либералов XIX века потому, что наиболее полно и последовательно воплощали ту совокупность политических идей и ценностей, которые потом называли либерализмом. Они стояли у истоков французского либерализма, были основателями либеральной политической традиции во Франции.

Идеи фельянов нашли свое выражение в первой французской конституции, принятой Учредительным собранием 3 сентября 1791 года. Она включала как составную часть Декларацию прав человека и гражданина 1789 г., но истолковывала ее в духе либеральной концепции. Конституция сохраняла монархическую форму правления. Король получал право задерживающего вето. Выборы в однопалатное Законодательное собрание были двухстепенными: избиратели избирали выборщиков, а выборщики — депутатов. Право голоса ограничивалось имущественным цензом. Избирателями могли быть только “активные” граждане — мужчины не моложе 25 лет, платящие налог в размере не менее стоимости трех рабочих дней и не состоящие в услужении у других лиц. Выборщики должны были обладать имуществом, приносящим доход, равный стоимости 150—200 рабочих дней, то есть довольно значительным состоянием.

* * *

Восстание 10 августа 1792 г. привело к свержению монархии и отстранению от власти фельянов, но заложенная ими либеральная политическая традиция полностью не прервалась. Ее в той или иной мере продолжили противники фельянов — жирондисты, а позднее — термидорианцы.

В отличие от фельянов, жирондисты были республиканцами, а многие из них и “цареубийцами”, голосовавшими в Конвенте за казнь короля Людовика XVI. Если руководители фельянов принадлежали к либеральному дворянству, то жирондисты — к либеральной буржуазии. Им “были особенно близки чаяния и устремления собственно капиталистической деловой буржуазии, банкиров, промышленников, торговцев”⁹. Политические идеи жирондистов далеко не совпадали с либеральными идеями фельянов, но жирондисты, как и фельяны, руководствовались принципами экономического и, отчасти, политического либерализма. Не отвергая полностью протекционистских мер, они выступали против любых ограничений экономической деятельности; решительно возражая против вмешательства государства в экономику и социальные отношения¹⁰. “Всякое вмешательство правительства в какую-либо отрасль торговли, в какое-либо производство или предприятие всегда влекло за собой крупные издержки”¹¹, — утверждал один из лидеров жирондистов, министр внутренних дел Ж.-М.Ролан. Жирондисты твердо верили, что несмотря на начатую ими войну с Австрией и Пруссией, которая повлекла за собой упадок экономики, стремительный рост цен, спекуляцию, нехватку продовольствия, свобода торговли и конкуренции (говоря современным языком, рыночная экономика) автоматически выведут страну из тяжелого положения.

Справа жирондистам противостояли фельяны, а слева якобинцы и самые крайние революционеры — “бешеные”, которые понимали, что ни свобода торговли, ни конкуренция, ни политическая свобода, ни равенство граждан перед законом не могут спасти от дороговизны, нужды, голода. “Свобода лишь пустой призрак, когда один класс людей может морить голодом другой. Равенство — пустой призрак, когда богатый путем скупки получает право над жизнью и смертью своих ближних”¹², — говорил вождь “бешеных” священник Жак Ру, предвосхищая всю последующую аргументацию социалистов.

“Бешеные” требовали ограничить право собственности, установить “фактическое равенство”, ввести “максимум цен” и “максимум богатств”; казнить спекулянтов и обеспечить бедняков хлебом.

Якобинцы разгромили “бешеных”, но восприняли некоторые их требования. Робеспьер и Сен-Жюст осуждали богатство, счи-

⁹ Гусейнов Э.Е. Жиронда в период Законодательного собрания // Буржуазия и Великая французская революция. М., 1989. С. 90.

¹⁰ Подробнее см.: Там же. С. 89—90.

¹¹ Документы истории Великой французской революции / Отв. ред. А.В. Адо. М., 1992. Т. 2. С. 85.

¹² Там же. Т. 2. С. 307.

тали, что богачи, по самой своей природе, не добродетельны, предлагали вознаградить "неимущих патриотов" за счет контрреволюционеров и богачей. В апреле 1793 г. Робеспьер представил проект новой Декларации прав, где говорилось, что высшее право граждан — жизнь и свобода; право собственности "не может наносить ущерба безопасности, свободе, существованию собственности других людей"; "общество обязано обеспечить всех своих членов средствами к существованию", в том числе за счет тех, "кто обладает излишками"¹³. Общим лозунгом всех недовольных стало "равенство" и даже "фактическое равенство", то есть равенство в доходах и потреблении. Это означало, что прежние политические противоречия между монархистами и республиканцами, правыми и левыми дополнились чрезвычайно обострившимися социальными противоречиями — между богатыми и бедными, между имущими и неимущими. Жирондисты не могли и не хотели идти навстречу сторонникам фактического равенства. В тяжелейших условиях войны они не сумели облегчить положение масс, организовать армию и предотвратить иностранное вторжение. В результате восстания 31 мая — 2 июня 1793 года их уничтожили якобинцы, отказавшиеся от экономического и политического либерализма.

Принятая якобинцами, но фактически не применявшаяся конституция 1793 г. — первая республиканская конституция Франции, трактовала либеральные ценности в демократическом духе. Впервые целью общества было объявлено "общее счастье" (ст.1). Равенство заняло первое место в перечне естественных и неотъемлемых прав человека. За ним следовали свобода, безопасность и — на последнем месте — собственность (ст.2). Вопреки прежнему проекту Робеспьера конституция 1793 г. не ограничила право собственности, но зато указала, что "общество обязано давать пропитание неимущим, как приискивая им работу, так и обеспечивая средства существования лицам, не способным к труду" (ст.21).

Из прежнего проекта Робеспьера в конституцию 1793 г. перекочевало никем еще не виданное право народа "и каждой его части" на восстание, "когда правительство нарушает права народа" (ст.35), правда, без указания, как применить такое право, парализующее государственную деятельность.

Конституция 1793 г. отменила столь важный для либералов имущественный ценз и двухстепенные выборы. Впервые было введено всеобщее и прямое избирательное право (для мужчин не моложе 21 года). Конституция провозгласила, что "суверенитет зиждется в народе" (ст.25), то есть не во всей нации (как было

¹³ Робеспьер М. Ук. соч. М., 1966. Т. 2. С. 324—325.

сказано в Декларации 1789 г.), а только в ее лучшей части — “народе”, обожествляемом якобинцами.

Для утверждения конституции якобинцы впервые прибегли к “прямой демократии” — всенародному опросу (плебисциту). 99,3% избирателей, участвовавших в голосовании, одобрили конституцию, но никакого практического значения это не имело. В октябре 1793 г. якобинцы, ссылаясь на военную необходимость, ввели “революционный порядок управления”, который представлял собой диктатуру во главе с Робеспьером и не имел ничего общего ни с конституцией 1793 г., ни с Декларацией прав 1789 г., ни с либеральными ценностями.

Проявив колоссальную энергию и волю к победе, якобинцы добились перелома в войне, но созданная ими система массового террора и судебного произвола оказалась недолговечной. 27 июля 1794 г. (9 термидора по революционному календарю) якобинцев свергли; Робеспьер и его друзья отправились на гильотину.

Разнородную группировку победителей Робеспьера, прозванных термидорианцами, вряд ли можно целиком и без оговорок причислить к либералам. Они были республиканцами, почти все в прошлом — якобинцами и “цареубийцами”. При якобинской диктатуре они проводили в жизнь политику террора, осуществляли государственное регулирование цен и зарплаты (“максимум”), а придя к власти, подавляли своих противников вооруженной силой, создав обстановку “белого террора”.

Тем не менее, в двух отношениях термидорианцы напоминали либералов-фельянов. Во-первых, они противостояли как сторонникам Старого порядка, так и крайним революционерам — последователям якобинцев или “бешеных”. Во-вторых, термидорианцы придерживались не демократической, а либеральной концепции прав человека и гражданина. Принятая ими конституция 1795 г. была республиканской, но совершенно не демократической. Она провозглашала равенство граждан перед законом (ст.3), но гражданами считались только французы, платящие налоги (ст.8), то есть только имущие. Вместо однопалатного создавался двухпалатный парламент, состоявший из Совета старейшин и Совета пятисот. Опять, как в фельянской конституции 1791 г., вводились двухстепенные выборы и имущественный ценз для избирателей и выборщиков, причем ценз для выборщиков был гораздо более высоким, чем в 1791 г.¹⁴ Конституция гарантировала “неприкосновенность всякой собственности” (ст.358). Она подчеркивала, что не должно быть “ни привилегий, ни господства,

¹⁴ Подробнее см.: Бовыкин Д.Ю. “Глас народа” и Конституция 1795 года // Вест. Моск. ун-та. Серия 8. История. 1996. № 5.

ни ограничений свободы прессы, торговли, и развития промышленности и всех видов искусств" (ст.355).

Историки называли республику термидорианцев, как и республику жирондистов, "либеральной республикой" (в отличие от "демократической республики" якобинцев)¹⁵. Некоторые исследователи полагали, что "политические идеи термидорианцев лежат в основе нового либерализма", а "доктрина термидорианцев использует принципы 1789 г., чтобы гарантировать буржуазный порядок и принудить к молчанию неимущих"¹⁶.

В исторической перспективе фельянов, жирондистов и термидорианцев, несмотря на глубокие различия и борьбу между ними, можно рассматривать как следовавших друг за другом носителей некоторых либеральных идей; как представителей умеренного либерального крыла революции; как политических деятелей, стоявших у истоков французской либеральной традиции.

* * *

Важнейшим этапом становления французского либерализма была первая половина XIX в. — период Реставрации Бурбонов и Июльской монархии. Во время Реставрации либерализм окончательно сложился как политическое течение и закрепил за собой наименование "либерализм". В годы Июльской монархии либералы 18 лет управляли Францией, получив возможность осуществить свои идеи на практике. В это время они в наибольшей степени походили на классический английский образец, представляя собой сначала ведущую силу парламентской оппозиции, а затем своеобразную, слабо оформленную правящую партию.

Организационно французский либерализм первой половины XIX в. оставался скорее политическим течением, чем партией; он существовал в виде конгломерата слабо связанных между собой влиятельных личностей, общественно-литературных кружков и салонов, либеральных газет и журналов.

Решающую роль в формировании французского либерализма этого времени сыграл опыт революции и якобинской диктатуры, а затем Первой империи Наполеона Бонапарта. Десять лет гигантских революционных потрясений, народных восстаний, гражданских войн и войн с антифранцузской коалицией, массовый террор, термидорианский переворот, а затем еще 15 лет войн и военной диктатуры Наполеона I породили во французском обществе страх перед революцией и диктатурой. Революционная идео-

¹⁵ Собуль А. Первая республика. 1792—1804. М., 1974. С. 42, 104, 221.

¹⁶ Touchard J. Histoire des idées politique. Paris, 1975. Т. 2. Р. 467—468.

логия и связанная с ней идеология Просвещения потеряли прежний авторитет; революционные идеи равенства, братства, и даже, отчасти, идея свободы были дискредитированы. Казалось очевидным, что неограниченная свобода ведет к анархии, что равенство и братство на практике означают власть толпы; что Республика не является гарантией от диктатуры, и лишь наиболее легитимная власть — монархия способна обеспечить личную свободу и спокойствие.

Новое поколение либерально настроенных идеологов и политиков не хотело быть революционерами; их привлекали “разумные” либеральные реформы, спокойствие и порядок. Либеральные идеи приобрели новое звучание. Их стали противопоставлять не только “тирании” и диктатуре, но и революции; видели в них основу для того, чтобы объединить расколотое революцией общество; соединить “свободу” и “порядок”, обеспечить прочный мир.

Либеральные идеи в их новом, послереволюционном толковании восприняли даже некоторые вожди Реставрации.

Историки охотно повторяют известную фразу Талейрана: “Бурбоны ничего не позабыли и ничему не научились в изгнании”¹⁷; но это неверно. Бурбоны, в первую очередь король Людовик XVIII, занявший престол своего казненного брата, Людовика XVI, многому научились. Они поняли, что возвращение к Старому порядку и абсолютной власти короля невозможно, отказались от попыток насильственного передела собственности, согласились на конституционную монархию. Опубликованная Людовиком XVIII конституция — Хартия 1814 г. — не ссылалась на естественные и неотъемлемые права человека и гражданина, не упоминала о свободе, равенстве, братстве, но все же содержала либеральные статьи, напоминавшие фельянскую конституцию 1791 г. и термидорианскую конституцию 1795 г.: “Французы равны перед законом” (ст.1), “они все равно допускаются к гражданским и военным должностям” (ст.3). Всем французам гарантировалась свобода личности (ст.4), свобода вероисповедания (ст.5), свобода печати (ст.8). В очередной раз подтверждалось, что “все виды собственности неприкосновенны” (ст.9).

Согласно Хартии 1814 г., исполнительная власть находилась в руках короля, а законодательная осуществлялась совместно королем и двухпалатным парламентом: палатой пэров и палатой депутатов (ст.15). Палату пэров назначал король; палата депутатов избиралась двухстепенным голосованием. Король располагал правом вето, мог в любое время распустить палату депутатов и назначить новые выборы. Для избирателей и выборщиков вводился

¹⁷ См., напр.: История Франции. М., 1973. Т. II. С. 173.

очень высокий имущественный и возрастной ценз, более высокий, чем в 1791 или в 1795 г. Избиратели должны были иметь не меньше 30 лет и платить, по крайней мере, 300 франков прямых налогов. Выборщиками могли быть только лица, достигшие 40 лет и платившие не менее 1000 франков прямых налогов.

В результате право голоса получила лишь верхушка буржуазии и дворянства — примерно 95 тыс. человек из 30 млн жителей. Реальная власть на местах оказалась в руках “нотаблей”, то есть лиц, занимающих видное положение в социальной и общественной жизни, по преимуществу из среды аристократии и крупной буржуазии. В правящих кругах и среди депутатов парламента преобладали бывшие деятели революции и Первой империи, но немало было и бывших эмигрантов¹⁸.

“По своему содержанию Хартия явилась политическим и социальным компромиссом, отразившим новый этап в процессе слияния верхушечных слоев буржуазии с либеральным дворянством, начавшемся еще задолго до революции”¹⁹.

При Реставрации отношение к Хартии служило водоразделом для основных политических течений. Реакционеры-ультрароялисты, мечтавшие о возвращении к абсолютизму и Старому порядку, ненавидели Хартию за ее либерализм, называли ее “детischem безумия и мрака”. Напротив, республиканцы, демократы и пока еще немногочисленные социалисты критиковали ее за то, что она сохраняла монархию и давала право голоса только богачам. Большинство либералов, стремившихся, по их собственным словам, придерживаться “золотой середины”, одобряли Хартию как залог “свободы” и “порядка”, но часть из них считала нужным сократить избирательный ценз и предоставить более широкие полномочия парламенту.

В трудах главных идеологов французского либерализма первой половины XIX века: Мадам де Сталь, Констан, Ройс-Коллара, Гизо, — основное внимание уделялось свободе индивидуума, защите личности, частной жизни и собственности от посягательств со стороны государства и толпы. “Я защищаю свободу во всем: в религии, в литературе, в философии, в промышленности, в политике, а под свободой я понимаю триумф индивидуальности как над властью, склонной управлять деспотическими методами, так и над массами, которые требуют порабощения меньшинства

¹⁸ Подробнее см.: *Ревякин А.В.* Буржуазия после французской революции. (Первая половина XIX века) // *Буржуазия и Великая французская революция.* М., 1989. С. 179.

¹⁹ *Киселева Е.В.* Либералы “конституционалисты” в эпоху Реставрации Бурбонов во Франции. 1814—1830 гг. // *Европейский либерализм в новое время.* С. 155.

большинством”, — писал виднейший теоретик французского либерализма Констан²⁰.

Проповедники экономического либерализма (особенно Ж.-Б.Сэй) вели полемику против основоположников французского утопического социализма Сен-Симона и Фурье, которые пропагандировали “строй общности”, предполагающий коллективную собственность на орудия и средства производства и государственное регулирование потребления в интересах трудящихся. Сэй и его единомышленники доказывали, что социалистический строй, исключающий свободу конкуренции, будет экономически неэффективным, а политически чреватым опасностью диктатуры.

Наученные суровым опытом революции, либералы полагали, что всеобщее избирательное право, демократия и республика ведут к власти толпы и к деспотизму. Наилучшей гарантией свободы личности они (как и фельяны в 1791 г.) считали разделение власти между королем и Законодательным собранием, избираемым богатыми собственниками.

К революции либералы относились с опасением, но и с почтением. “Принимая принципы и результаты революции, они осуждали, однако, способы ее осуществления”²¹, особенно стихийные действия “черни”. Если ультрароялисты считали революцию “делом сатаны”, “преступным бунтом черни”, плодом зловещего заговора “злодеев”, временем бессмысленного кровавого террора, то Мадам де Сталь и молодые либеральные историки Тьер и Минье доказывали, что “французская революция — это одна из великих эпох общества”, которая закономерно вытекала из всего предшествующего исторического развития, способствовала “величию и улучшению рода человеческого”. Тьер и Минье прославляли Учредительное собрание 1789 г., которое, по их словам, “уничтожало заговоры аристократии”, “обуздывало деспотию и анархию”, “поддерживало порядок в толпе”, но критиковали якобинцев, правление которых считали “царством террора”, эпохой “ужаса и крови”. Непреходящие “принципы 89 года” они противопоставляли тираническим якобинским “принципам 93 года”, хотя и не отрицали, что энергия и беспощадность якобинцев спасли Францию от военного поражения²².

Политическая деятельность либералов ограничивалась выступлениями в печати и дебатами в Палате депутатов, где они образовали фракции “доктринеров” и “независимых”. В годы Реставрации в Палату депутатов избирались главные вожди либера-

²⁰ Цит. по: *Histoire de la France. Dynasties et révolutions de 1348 à 1852. Sous la direction de Georges Duby. Paris, 1988. P. 408.*

²¹ *Ревякин А.В. Ук. Соч. С. 179.*

²² Подробнее см.: *Смирнов В.П., Посконин В.С. Традиции Великой французской революции в идейно-политической жизни Франции. М., 1991. С. 36—40.*

лов: Б.Констан, Ройе-Коллар, Гизо. На выборах 1818 г. депутатом стал Лафайет, вернувшийся к политической деятельности после 20 с лишним лет вынужденного отсутствия — обвинения в измене, бегства из Франции, тюрьмы, эмиграции. Лафайет стал живым символом продолжения либеральной и революционной традиции — от Революции до Реставрации.

В печати и в парламенте либералы выступали против ультра-роялистов и защищали политические свободы, в первую очередь свободу печати. “Доктринеры” во главе с Гизо и Ройе-Колларом отстаивали Хартию и обычно поддерживали правительства, назначенные Людовиком XVIII. “Независимые”, главными лидерами которых были Констан и Лафайет, занимали более критическую позицию и нередко выступали против правительства²³.

Когда после смерти Людовика XVIII в 1824 г. на престол вступил его брат — близкий к ультрароялистам Карл X, “доктринеры”, присоединившись к “независимым”, перешли в оппозицию. Хотя в теории либералы были противниками насильственных революционных действий, они сыграли большую роль в революции 1830 г. Либералы решительно выступили против июльских ордонансов правительства Карла X, которые — в нарушение Хартии — предписывали распустить только что избранную Палату депутатов (где либералы располагали большинством), вводили новый избирательный закон с еще более высоким имущественным цензом и устанавливали дополнительные ограничения на выпуск газет.

Составленная по инициативе Тьера декларация либеральных журналистов, призывавшая население не подчиняться июльским ордонансам, дала первый толчок революции, которая в течение “трех славных дней” — 27, 28 и 29 июля 1830 г. — покончила с правлением Бурбонов. Либеральные депутаты и политики, возглавленные Тьером, Лафайетом, Перье, Лаффитом, возвели на престол близкого к либералам герцога Луи-Филиппа Орлеанского. Тьер составил манифест о призвании Луи-Филиппа на престол, а 73-летний Лафайет вновь, как в 1789 г., возглавивший Национальную гвардию, представил его народу с балкона Ратуши и вручил Луи-Филиппу трехцветное знамя революции, которое снова пришло на смену белому знамени Бурбонов. В Июльской монархии либералы стали главной опорой правительства, а их лидеры Лаффит, Перье, Тьер, Гизо не раз возглавляли его.

Новая французская конституция — Хартия 1830 г. — в основном повторяла Хартию 1814 г., но внесла в ее текст существенные изменения. Исчезла обширная преамбула со ссылками на “божественное провидение”, призывавшее к власти Бурбонов;

²³ Подробнее см.: *Киселева Е.В.* Ук. соч. С. 158—162.

король лишился права вето, официально запрещалась цензура (ст. 7). Имущественный и возрастной ценз были сокращены. Число избирателей увеличилось вдвое, но все еще оставалось очень ограниченным.

Придя к власти, либералы сочли, что их цель достигнута и либеральные принципы окончательно восторжествовали. Не только новые революции, но и сколько-нибудь существенные реформы казались им теперь излишними. По выражению известного французского историка Р. Ремона, среди либералов начался процесс “скольжения вправо”²⁴: противоречия с ультрароялистами и легитимистами (сторонниками Бурбонов) постепенно отходили на второй план; на первое место выдвигались противоречия с противниками слева — демократами, социалистами и республиканцами, которые после запрета республиканских ассоциаций в 1835 г. стали называть себя радикалами.

Лишь очень немногие либералы (в том числе Лафайет)²⁵ допускали возможность существования республики; подавляющее их большинство оставалось конституционными монархистами, приверженцами династии Орлеанов. Вожди либералов настолько тесно связали свою деятельность с династией Орлеанов, что их прозвали “орлеанистами”, а Июльскую монархию — считали воплощением либерализма²⁶.

Правящая элита Июльской монархии в основном состояла из крупной буржуазии: неогциантов, банкиров, промышленников, — и крупных земельных собственников буржуазного происхождения²⁷.

“Июльская монархия служила интересам буржуазии”²⁸, и поэтому либералы в глазах общественного мнения приобрели репутацию буржуазной и даже консервативной партии, стремившейся увековечить власть земельной и финансовой олигархии.

В конце Июльской монархии, когда правительство в течение 8 лет фактически возглавлял Гизо, либералы не проводили почти никаких реформ. Они не желали снижать имущественный ценз и, следовательно, предоставлять политические права промышленной буржуазии, рабочим и крестьянам; не хотели и слышать о “праве на труд”, которого требовали социалисты. Либеральные экономисты Дюнуайе и Шевалье продолжали полемику с социалистами — Бланом и Кабэ, — доказывая необходимость свободы торговли и

²⁴ Remond R. La droite en France. Paris, 1968. Т. 1. Р. 75.

²⁵ См.: Черкасов П.П. Ук. соч. С. 349.

²⁶ Remond R. Op. cit. Т. 1. Р. 90.

²⁷ Подробнее см.: Реалкин А.В. Ук. соч. С. 180—181.

²⁸ Remond R. Op. cit. Т. 1. Р. 82—83.

конкуренции, возражая против предлагаемой социалистами системы государственной организации труда и распределения²⁹.

Во внешней политике правительство Гизо отказалось следовать за романтически настроенными либералами (вроде Лафайета и генерала Ламарка), которые призывали к поддержке либеральных движений во всей Европе, и в основном проводило в жизнь политику невмешательства во внутренние дела других государств³⁰.

Гизо, по его собственным словам, считал своей главной задачей укрощение “демона революции” и сохранение “порядка”. Добиться этого ему не удалось. Революция 1848 г. опрокинула Июльскую монархию и отстранила либералов от власти.

* * *

С революции 1848 г. начинается постепенный медленный упадок французского либерализма, лишь время от времени прерываемый периодами его политического оживления. Революция 1848 г. не только свергла либералов-орлеанистов. Вместе с династией Орлеанов она отвергла предложенную либералами модель государственного устройства — конституционную монархию с имущественным цензом и двухстепенной системой выборов.

Конституция 1848 г. восстановила республику, причем не просто республику, а такую республику, которая “является демократической” (ст.2), с прямым всеобщим голосованием для мужчин (ст.27) без какого-либо имущественного ценза. Свобода, равенство, братство вновь стали “принципами” республики (ст.4). В косвенной форме было признано право на труд: ст.13 обещала гражданам “свободу труда и промышленности”, а ст.4 объявляла труд — наравне с семьей, собственностью и общественным порядком, — “основой” республики.

Либералы-орлеанисты оказались в оппозиции; их осуждали преобладавшие тогда республиканцы и демократы. Другая часть либералов сблизилась с буржуазными республиканцами, в значительной степени утратив свою политическую самостоятельность. Все они одобрили жестокую расправу над восставшими в июне 1848 г. парижскими рабочими, которой руководил буржуазный республиканец генерал Кавеньяк. В результате либералы потеря-

²⁹ Подробнее см. *Ревякин А.В.* Социализм и либерализм в середине XIX в. // “Новая и новейшая история”. 1997. № 4.

³⁰ Подробнее см.: *Федосова Е.И.* Либералы у власти. (Некоторые проблемы внешней политики Июльской монархии во Франции) // Европейский либерализм в новое время.

ли прежнюю репутацию защитников свободы и поборников прогресса; их стали воспринимать как правых, то есть консерваторов и реакционеров. Историческая инициатива, способность к выдвижению новых идей и к общественным преобразованиям перешла к левым группировкам, в первую очередь к республиканцам — радикалам и к социалистам.

Основные идеи либералов к этому времени были восприняты почти всеми политическими течениями; они больше не являлись отличительным признаком либерализма; их перестали воспринимать как специфически либеральные. Французское общество менялось. Все более и более важную роль играли новые классы и социальные слои: промышленная буржуазия, мелкая буржуазия, рабочий класс, с которыми либералы были мало связаны. В центр общественного внимания выдвигалась борьба за республику, за светскую школу, за социальные преобразования, в которой либералы выступали как консервативная сила. Большинство либералов не хотело установления республики; они считали опасными глубокие социальные преобразования, не предлагали никаких социально-экономических мер в пользу трудящихся, хотели оставить школу под контролем церкви. Авторитет в массах населения постепенно завоевывали другие, более динамичные и более соответствующие запросам времени группировки — республиканцы, демократы, а затем и социалисты. Основной политический водораздел теперь проходил между республиканцами и монархистами-клерикалами, а не между либералами и консерваторами. Республиканцы, взявшие на вооружение “принципы 89 года”, постепенно вытесняли либералов на обочину политической жизни.

Только в годы Второй империи, когда во Франции установился авторитарный режим личной власти императора Наполеона III, либералы отчасти восстановили свой политический и моральный авторитет. Захватив власть в 1851 г. в результате военного переворота, Наполеон III тем не менее считал полезным продемонстрировать приверженность популярным “принципам 89 года”. Конституции 1852 и 1870 гг., юридически оформившие его власть, одинаково начинались словами: “Конституция признает, подтверждает и гарантирует великие принципы, провозглашенные в 1789 г., которые являются основой публичного права французов”³¹.

Чтобы привлечь симпатии населения и создать образ “народного императора”, Наполеон III сохранил всеобщее голосование

³¹ *Duverget M. Constitutions et documents politiques. Paris, 1957. P. 152, 157.*

и парламентские учреждения. Он регулярно проводил выборы в Законодательное собрание, (переименованное в Законодательный корпус); четыре раза прибегал к плебисцитам (получая от 82 до 96% положительных ответов), но на деле парламент был безвластным учреждением, находившимся под контролем правительства и первоначально даже не имевшим права публиковать свои прения.

В такой обстановке борьба за расширение полномочий парламента, за политические свободы, за права человека и гражданина вновь приобрела решающее значение, и либералы внесли в нее большой вклад. Либералы-орлеанисты во главе с Тьером, избранные в Законодательный корпус, выступали там с требованиями политических свобод, парламентского контроля за деятельностью правительства, ликвидации цензуры.

Широкую известность получило программное выступление Тьера 11 января 1864 г., когда он высказался в защиту пяти “необходимых свобод”, а именно: свободы личности, свободы печати, свободы выборов, свободы национального представительства и, наконец, ответственности правительства перед законодательным корпусом, “так чтобы общественное мнение, выраженное здесь большинством, направляло действия правительства”³².

Постепенно либералы приобрели преобладающее влияние в Законодательном корпусе. Вместе с немногочисленными депутатами-республиканцами они способствовали переходу от авторитарной к “либеральной империи” 60-х годов, в которой ослабли цензурные ограничения и стала возможной политическая деятельность.

В результате поражения Франции в войне с Пруссией, революции 4 сентября 1870 г. и краха Второй империи либералы вновь вернулись к власти в ореоле борцов с авторитарным императорским режимом. Тьер возглавил правительство, которое учредило республику, но беспощадно подавило Парижскую коммуну 1871 г. — первую попытку парижских рабочих и ремесленников воплотить в жизнь идеалы социализма.

После расправы с коммунарами главной проблемой политической жизни Франции вплоть до конца XIX века оставалась борьба за республику, против монархистов и клерикалов, разделившая либералов. Либералы-орлеанисты во главе с герцогом де Брульи продолжали добиваться восстановления монархии, нередко блокируясь со своими бывшими противниками — легитимистами. Часть либералов склонялась к установлению республики. К ним

³² Histoire de la France. Les temps nouveaux de 1852 à nos jours. Sous la direction de Georges Duby. Paris, 1987. P. 108—109.

присоединился глава правительства Тьер — самый авторитетный лидер либералов того времени, в прошлом орлеанист. Он пришел к выводу, что республика — это такой государственный строй, который в наименьшей степени разделяет правящие круги, и “хотеть чего-то другого означало бы новую революцию и самую ужасную из всех”³³.

В результате принятия конституционных законов 1875 г., установивших Третью республику, победы республиканцев на последующих парламентских выборах и законов 80-х годов, закрепивших право граждан на политические и экономические свободы, основные идеи либерализма стали общепризнанной политической реальностью. Их воплотили в жизнь и обратили в свою пользу не либералы, а республиканцы. Либералы-орлеанисты опять остались среди побежденных с репутацией реакционеров, неспособных привлечь на свою сторону большинство населения. Не выдвигая никаких новых общественно-политических идей и проявляя полное равнодушие к волновавшим Францию социальным проблемам, либералы постепенно сходили с политической сцены. Слова “либералы” и “либерализм” становились непопулярными. Их не хотели употреблять даже такие политические группировки, воззрения которых можно с полным основанием отнести к либеральным. В начале XX в. термин “либеральный” сохранила в своем названии только небольшая группа “Либеральное народное действие”, не собиравшая на парламентских выборах и 5% голосов. В 1914 г. она исчезла, слившись с консерваторами.

Ведущей политической силой Третьей республики надолго стали буржуазно-республиканские партии: Республиканская партия радикалов и радикал-социалистов, Демократический альянс, Республиканская федерация. По своим теоретическим взглядам все они, не исключая сторонников радикализма, который некоторые историки называют “республиканской формой орлеанизма”³⁴, почти не отличались от либералов, но политически были противниками орлеанистов.

С начала XX в. растущее влияние стала приобретать Социалистическая партия, которая в программной “Хартии единства” (1905) поставила своей целью “социализацию средств производства и обмена, то есть превращение капиталистического общества в коллективистское, или коммунистическое общество”³⁵. Под напором социалистов, называвших себя “не партией реформ, а пар-

³³ Bouju P. et Dubois H. La Troisième République (1870—1940). Paris, 1975. P. 15.

³⁴ Touchard J. Op. cit. T.2. P. 673.

³⁵ Цит. по: Антохина-Московченко В.Н. История Франции. 1870—1918. М., 1963. С. 571.

тией классовой борьбы и революции”³⁶, буржуазно-республиканские партии начали проводить в жизнь социальные реформы, которые в Англии или в США были делом “социального либерализма”: сокращение рабочего дня, введение пенсий, страхование от несчастных случаев на производстве и т.п. Французы связывали такие реформы с агитацией социалистов, с деятельностью республиканцев, но вовсе не с либералами.

Экономический кризис 1929—1933 гг. и, особенно, вторая мировая война нанесли тяжелый удар доктрине экономического либерализма — одной из важнейших составных частей либеральной идеологии. Кризис наглядно показал, что нерегулируемый рынок может привести к экономическому и финансовому краху огромных размеров; к массовой безработице, к серьезным социальным потрясениям. Война с ее всеобъемлющим государственным регулированием, контролем над ценами, карточной системой снабжения, казалось, окончательно опровергла основные постулаты экономического либерализма и доказала необходимость “дирижизма”, то есть государственного руководства экономикой и социальными отношениями.

Почти все партии послевоенной Франции от коммунистов и социалистов до голлистов стали сторонниками “дирижизма”; выступали за частичную национализацию промышленности и банков, государственное планирование, государственную систему социального страхования. Программа Национального Совета Сопротивления, подписанная в 1944 г. всеми основными организациями движения Сопротивления, предусматривала не только восстановление всех политических свобод, но и “возвращение нации монополизированных основных средств производства, являющихся плодами общего труда”, а также право на труд, право на отдых, “полный план социального обеспечения”, с целью предоставить всем гражданам “средства существования”. Национальный Совет Сопротивления предлагал обеспечить “участие трудящихся в руководстве экономикой” и вести экономическую деятельность “в соответствии с государственным планом, принятым после консультации с представителями всех участников производства”³⁷.

Глава Временного правительства, а позднее президент Франции, генерал де Голль, заявил, что “французская демократия должна быть демократией социальной”. Он высказался за такую экономическую систему, при которой “основные источники обще-

³⁶ Там же.

³⁷ Programme du Conseil National de la Résistance (C.N.R.). Paris, 1945. P. 12—14.

ственного богатства будут принадлежать нации, а государственное руководство и контроль будут осуществляться при обязательном содействии со стороны рабочих и предпринимателей”³⁸.

После освобождения Франции от немецкой оккупации были национализированы пять крупнейших банков, угольная промышленность, производство электроэнергии, автомобильные заводы Рено, часть авиационной промышленности и морского флота. С 1947 г. стали действовать государственные планы экономического и социального развития.

Конституции Четвертой (1946) и Пятой (1958) республик в своих преамбулах торжественно подтвердили “права и свободы человека, освященные Декларацией прав 1789 г.”, а сверх того, “как особо необходимые в наше время”, право на труд, на профсоюзную деятельность и на забастовки, право на образование, охрану здоровья, материальное обеспечение, отдых и досуг; равенство прав мужчин и женщин. По существу, принципы политического либерализма были законодательно закреплены, а принципы экономического либерализма отвергнуты.

В послевоенной Франции политику экономического либерализма продолжали защищать, да и то с оговорками, лишь небольшие правые партии — остатки довоенных Демократического Альянса и Республиканской федерации: Республиканская партия свободы, Крестьянская партия, а затем группа, принявшая традиционное для либералов наименование “независимых”. Под лозунгом “свободы” они вели борьбу против правительственного “дирижизма” и против левых партий — социалистов и коммунистов, в первую очередь против Коммунистической партии, которая с 1945 по 1958 г. была самой крупной партией Франции. В отличие от своих предшественников периода Третьей республики, они признавали себя либералами, но подчеркивали, что выступают за “новый либерализм”, который допускает вмешательство государства в экономику и социальные отношения в “разумных”, то есть минимальных, пределах.

В годы Пятой республики часть “независимых” во главе с президентом Франции Жискар д’Эстеном призвала к созданию “передового либерального общества”, способного, по их мнению, преодолеть устаревшие идеологии XIX века — классический либерализм и марксизм³⁹. Жискар д’Эстен полагал, что в новых условиях “вмешательство государства может, в конечном итоге, представлять не угрозу для свободы, а подлинную гарантию свободы для самых слабых”⁴⁰. Он основал новое политическое объе-

³⁸ Голль Ш. де. Военные мемуары. М., 1960. Т. 2. С. 679.

³⁹ Giscard d’Estaing V. Démocratie française. Paris, 1976. P. 38–48.

⁴⁰ Ibid. P. 45.

динение — “Союз за французскую демократию”, сторонники которого именовали себя “либералами, центристами, европеистами”. Избранный в 1974 г. президентом, Жиска́р д’Эсте́н провел ряд реформ, которые современники называли либеральными: возрастной ценз для избирателей был снижен до 18 лет, облегчена процедура развода, разрешено добровольное прерывание беременности, уравниены в правах “законные” и “незаконные” дети. Термин “неолиберализм” постепенно входил в употребление в исторической литературе⁴¹, особенно в применении к идеологии и политике Жиска́р д’Эсте́на⁴². “Союз за французскую демократию” стал одной из двух главных правых партий Франции (наравне с голлистами), но он все же не превратился в собственно либеральную партию, оставшись союзом нескольких разнородных групп.

В 80-е и 90-е годы произошла частичная реабилитация экономического либерализма, связанная с экономическим кризисом середины 70-х годов, отказом от идеи “государства всеобщего благосостояния”, подъемом “консервативной волны” в Англии и США и падением коммунистических режимов в бывших социалистических странах. Во Франции начался процесс “либерализации” экономики: сокращался государственный сектор, свертывалось государственное планирование, уменьшались социальные расходы. Эти меры проводились разными правительствами на протяжении 80-х и 90-х годов.

В 1983 г. политику “жесткой экономии” начало осуществлять правительство социалистов во главе с Ф. Миттераном. Сменившее его правительство правых во главе с лидером голлистов Ж. Шираком прибегло к распродаже национализированных предприятий. По существу, социалисты и голлисты эволюционировали в сторону экономического либерализма. Неолиберализм в той или иной форме стал преобладающим идейно-политическим течением современной Франции.

⁴¹ *Touchard J. Op. cit. T. 2. P. 823—826.*

⁴² *Dictionnaire historique de la vie politique française au XX-e siècle / Sous la direction de J.-F. Sirinelli. Paris, 1995. P. 589.*

СТАНОВЛЕНИЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА: ФЕЛЬЯНЫ

Французская революция конца XVIII в. стала воплощать на практике теоретические построения просветителей. С началом революции ее идеологи искали ответ на вопрос, как связать преобразования французского общества, которое они мыслили исходя из идеалов Просвещения, с революционными событиями. Ведь просветители никогда не призывали к революции, а их целью являлось предохранение общественного порядка от социальных потрясений путем его постепенного реформирования. Они связывали необходимые преобразования с деятельностью государства, с “просвещенной” политикой. Как раз “просвещенная” политика призвана была, по их мнению, воплотить в современной им Франции гуманистический идеал “разумного” общества, в котором были бы гарантированы естественные и неотъемлемые права и свобода его членов. Однако осуществление этого идеала оказалось невозможным без революции.

События весны—лета 1789 г. — кризис абсолютистского режима, созыв Генеральных штатов и конституирование их в Национальное, а затем и в Учредительное собрание, взятие Бастилии, подъем массового народного движения, упразднение декретом 4—11 августа Старого порядка, наконец, принятие 26 августа 1789 г. Декларации прав человека и гражданина — все это воспринималось их участниками как осуществление воли суверенного народа, реализующего свое право на заключение общественного договора с целью восстановить и гарантировать естественные права человека, поскольку, как говорилось в Декларации, “забвение прав человека и пренебрежение к ним являются естественными причинами общественных бедствий”.

“Принципы 1789 года” сразу же оказались в центре общественно-политической борьбы не только между революционными и контрреволюционными силами, но и между различными течениями в революционном лагере. Борьба основных политических группировок, действовавших в ходе революции — фельянов, жирондистов и якобинцев, — являлась, по сути, выражением борьбы за те или иные пути становления Нового порядка во Фран-

ции, а сами политические группировки были носителями политических традиций, восходящих еще к идеологии Просвещения. Деятельность фельянов являлась примером идеологии и практики либерализма эпохи революции. Фельяны в наиболее ортодоксальной форме олицетворяли “принципы 1789 года” и в известной мере представляли либеральную альтернативу демократическому движению в ходе политической борьбы знаменательного года Французской революции (лето 1791 — лето 1792 г.), завершившегося свержением монархии и установлением Первой Республики во Франции.

* * *

Политическая группировка фельянов или, как ее называли современники, “партия” фельянов, сформировалась в русле политики, проводимой “деятелями 1789 г.” — либеральными политиками, пришедшими к власти летом—осенью 1789 г., их политика была направлена на завершение революции компромиссом между социальными элитами французского общества — дворянством, буржуазией и, шире, собственническими верхами третьего сословия на базе “принципов 1789 г.”. Это по сути означало ограничение революционных преобразований упразднением юридической структуры Старого порядка и утверждением либерального общества. Практическое средство осуществления этой цели они усматривали во введении монархической и цензовой конституции, гарантировавшей политическое верховенство собственнических слоев французского общества. По мнению “деятелей 1789 г.”, только представители социальных верхов, воспитанные на идеях Просвещения и владевшие собственностью, были заинтересованы в общественном прогрессе и призваны утвердить в общественной жизни “принципы 1789 г.”.

Но уже осенью 1789 г. стало очевидно, что революция идет по пути радикализации. В современной исторической науке существует несколько объяснений этого процесса. Для классической историографии революции радикализация революции объяснялась социальной борьбой и подъемом массовых народных движений. Современный североамериканский историк Сазерлэнд связывает радикализацию революции с борьбой революционных и контрреволюционных сил¹. Последние исследования Т.Такетта также показывают, что правые организовались раньше, чем левые². Для

¹ См.: *Sutherland D.M.G.* France 1789—1815. Revolution and Counterrevolution. Fontana Press, 1985.

² См.: *Tackett T.* Par la volonté du peuple. Paris, 1997.

Ф.Фюре и П.Гениффе³ радикализация революции была связана со стремлением ее лидеров овладеть радикальным дискурсом и тем самым одержать верх над своими противниками. Наконец, М.Гоше⁴ вслед за Б.Гротхейсеном⁵ считает, что возможность ее радикализации заложена в самих “принципах 1789 года”, дающих широкий просмотр для их все более и более радикальной интерпретации.

Все эти точки зрения описывают различные факторы, оказывавшие воздействие на развитие революции.

Выделение “партий” фельянов шло по пути постепенного и нарастающего размежевания с демократическим движением, берущим свое начало в конце 1789 г. и выступавшим за дальнейшую радикализацию революции, за отмену цензового режима и, иногда, за реализацию социально-уравнилельных требований. В то же время будущие фельяны дистанцировались и от правых противников революции.

На эту тенденцию выделения политического центра, представленную осенью 1789 г. Мунье, Малуз и их сторонниками, а затем “Обществом 1789 г.”, в конце 1790 г. указывал либеральный журнал “Друг патриотов” (“*Ami des Patriotes*”), предупреждая об опасности, грозившей революции, как со стороны аристократов, контрреволюции, так и со стороны демократов: “Благонамеренным людям следует остерегаться как друзей народа, так и друзей короля и твердо следовать Конституции... скоро станет очевидно, что те, кто превозносят демократию, являются настоящими аристократами... кто хочет сегодня народоправства, на самом деле являются теми, кто выступает за королевский деспотизм”⁶.

Окончательный разрыв между либералами и демократами произошел во время Вареннского кризиса лета 1791 г., когда, в связи с бегством Людовика XVI и его семьи из Парижа, закончившимся арестом беглецов в Варенне, со всей остротой встали вопросы о судьбе короля, монархии и, шире, о судьбе революции — должна ли она завершиться или же она еще не достигла своих исторических границ.

Либеральные политики — депутаты Учредительного собрания и члены Якобинского клуба, возглавляемые так называемым триумвиратом — А. Барнавом, А. Дюпором и Ал. Ламетом, — видели в неприкосновенности личности Людовика XVI и сохранении за ним трона залог общественной стабильности, а также средство

³ См.: Furet F. *Penser la Révolution*. Paris, 1978.; Guéniffey P. *La politique de la Terreur*. Paris. 2000.

⁴ См.: Gauchel M. *La Révolution des droits de l'homme*. Paris, 1989.

⁵ См.: Groethuysen B. *Philosophie der Französischen Revolution*. Berlin, 1971.

⁶ L'Ami des Patriotes. 1790.Déc. 18.

завершить революцию, сохраняя все ее достижения. Левые же члены Учредительного собрания и Якобинского клуба — Робеспьер, Петитон, Бюзо, Бриссо и другие — под воздействием республиканско-демократического движения во главе с Клубом кордельеров выступали за смещение Людовика XVI с помощью конституционных средств. С прямыми призывами установить республику выступили Ф. Робер, Т. Пэн, Кондорсэ.

В этих условиях 303 якобинца-депутата Учредительного собрания, стоявшие на позициях триумvirата, вышли из Якобинского клуба и основали в противовес ему “Общество друзей конституции”, которое обосновалось в бывшем монастыре ордена фельянов.

Этот раскол в Якобинском клубе, происшедший 16—17 июля, а затем расстрел 17 июля республиканской манифестации на Марсовом поле частями Национальной гвардии во главе с генералом Лафайетом знаменовали раскол, совершившийся в революционном лагере. Его либеральное и демократическое течения окончательно политически и организационно обособились друг от друга; первое отныне олицетворяли фельяны, а второе — якобинцы.

Барнав, один из главных действующих лиц происшедшего раскола, в своей знаменитой речи в Учредительном собрании 15 июля 1791 г. фактически резюмировал политическую позицию собственнических слоев французского общества, еще недавно разделенных сословными барьерами и объединившихся теперь с целью защитить монархию и собственность, а также завершить революцию. “Сегодня господа, — говорил Барнав, — вы должны почувствовать, что общий интерес заключается в том, чтобы революция остановилась... Еще один шаг по пути к свободе означал бы уничтожение королевской власти, по пути к равенству — уничтожение собственности”⁷. Барнав хотел, чтобы фельяны “стали центром революционной партии, чтобы они могли оказать в первое время поддержку Конституции и чтобы они стали непреодолимым препятствием для второй революции”⁸. В его бумагах сохранились и наброски учредительных документов нового политического общества, “преданного равенству и правам человека”, цель которого состояла бы в том, чтобы “объединить хороших граждан путем переписки и образовать против... усилий их врагов мощную организацию”⁹.

Новый клуб, несмотря на первоначальные трудности — отток в августе большинства его членов к якобинцам (у фельянов оста-

⁷ Archives parlementaires. T. 28. P. 330.

⁸ Barnave A. De la Révolution et de la Constitution. Grenoble, 1988, P. 146.

⁹ Archives Nationales (dальше — A.N.). W.13. P. 109.

валось только 56 депутатов Учредительного собрания) и присоединение к якобинцам 442 провинциальных клубов (к фельянам отошло только 60)¹⁰ – к осени стал значительной политической силой. На выборах в Законодательное собрание фельяны одержали победу в 16 департаментах. В Париже в их состав вошли члены Клуба 1789 г., а бывшие лидеры уже исчезнувшего с политической сцены Клуба друзей монархической конституции оказывали им поддержку в Учредительном собрании. Возросла и численность Клуба фельянов: на 4 октября 1791 г. он насчитывал 175 депутатов Законодательного собрания и 712 других членов.

С началом работы Законодательного собрания Клуб фельянов стал ядром сложившейся к тому времени политической группировки, которой он дал свое название. В ее состав входили клубы в департаментах (их максимальное число достигало 83). С центральным клубом они поддерживали связь посредством переписки. Кроме того, существовали организации, примыкавшие к группировке фельянов, наиболее крупными из которых являлись Клуб выборщиков Сент-Шапель, члены которого во время выборов в Законодательное собрание голосовали за фельянских кандидатов, а также Клуб Массиак, объединявший в своих рядах представителей французской колониальной элиты. Интересы последней активно защищал триумвират, члены которого в Учредительном собрании выступали против предоставления прав “активных” граждан свободному цветному населению французских колоний.

В своей практической деятельности фельяны опирались на поддержку полутора десятков изданий, предназначенных как для образованных слоев французского общества (напр., “Logographe”, “L’Argus patriote”, “Gazette universelle”), так и адресованных народным низам (напр., “Babillard”, “Chant du Coq”). Близкой фельянам была газета, предназначенная для крестьян (“Feuille villageoise”). Тематически фельянская пресса ранжировалась от бульварных газеток, типа “Feuille du jour”, до изданий, содержащих аналитический обзор важнейших политических проблем (“Journal de Paris”, “L’Ami des Patriotes...”, “L’Indicateur ou Journal des causes et des effets”). Фельянская периодика зачастую тайно субсидировалась из средств королевского гражданского листа (такие издания, как “Logographe”, “Babillard”, “Chant du Coq”, “L’Ami des Patriotes...”, “L’Indicateur ou Journal des causes et des effets”)¹¹.

Наиболее популярными лидерами фельянов были генерал Лафайет, А. Барнав, А. Дюпор и А. Ламет. Эти политические деяте-

¹⁰ *Maintenant J.* Les jacobins à l'épreuve. La scission des Feuillants (été 1791) // *Cahiers d'histoire de l'institut Maurice Thorez*. Trim 4. 1979. P. 97.

¹¹ *Hatin E.* Histoire politique et littéraire de la presse périodique en France. Paris, 1860. T. 4. P. 293.

ли пользовались общенациональной известностью. Вместе со своим ближайшим окружением, куда входили влиятельные среди фельянов лица, в основном депутаты Учредительного и Законодательного собраний, они играли ключевую роль в деятельности этой группировки. Лафайета, по словам современного его биографа, “несомненно надо отнести к числу «практиков», пытавшихся реализовать либеральные принципы и идеи в жизнь”¹². Триумvirат действовал как единое целое. По словам Ф.Туллонжона, знавшего А.Барнава, А.Дюпора и А.Ламета, “роли были разделены: Дюпор думал, что нужно сделать, Барнав это говорил, а Ламет это делал”¹³. Сторонниками Лафайета — “файетистами” — были депутаты Учредительного собрания: генералы Латур-Мобур, Кастеллан, адвокаты Ле Шапелье, Бомец, Эммери; депутаты Законодательного собрания: писатель и ученый Рамон, адвокаты Бёньо и Даверу, Станислав Жирарден, известный своей дружбой с Ж.-Ж.Руссо в последние годы его жизни, а также бывший маркиз Грасье. Группу политических деятелей из окружения триумvirата (“ламетистов”) представляли депутаты Учредительного собрания: д’Андре, Лаборд-Меревиль-младший; депутаты Законодательного собрания: бывший граф Вьено-Воблан, старший брат Александра Ламета Теодор Ламет, генерал Матье Дюма, адвокаты Дюмолар, Бекке, Жокур.

Внутри названных групп, или течений, “ламетистов” и “файетистов” формировались кружки наиболее тесно сплоченных людей, иногда называемые “комитетами”¹⁴. Их значение особенно возросло в связи с прогрессирующим упадком Клуба фельянов, начиная с первых месяцев 1792 года. На этих собраниях принимались важнейшие политические решения. Так, в одном из “комитетов”, включавшем Барнава, Дюпора, Александра Ламета и д’Андре, обсуждалось предложение королевы Барнаву стать тайным советником двора. Предложение было принято. Политические рекомендации триумvirата в виде записок при посредничестве графа Жержайеса и его жены де Лаборд — придворной дамы королевы — передавались Марии-Антуанетте вплоть до января 1792 года¹⁵. Роль данного комитета в жизни группировки еще более возросла, когда, благодаря связи с двором, его члены получили определенную возможность влиять на высшую исполнительную власть в лице короля, и в частности на назначение министров. Иногда важность стоящей перед группировкой проблемы

¹² Черкасов П.П. Лафайет. М., 1991. С.126.

¹³ Toulangeon F.E. Histoire de France depuis la Révolution de 1789. P., 1801-1810. T.I. P.109.

¹⁴ Marie-Antoinette et Barnave. Correspondance secrète. Paris, 1934. P.40.

¹⁵ В январе 1792 г. Барнав уехал в Гренобль. В бумагах Марии-Антуанеты есть сведения о продолжении его переписки с Дюпором, но ее следов не найдено.

требовала встречи “ламетистов” и “файетистов”. Так было, например, весной 1792 г., когда речь шла о необходимости внести изменения в конституцию с целью усилить исполнительную власть. Собрания проходили либо у Дюпор¹⁶, либо в салоне мадам де Сталь. У нее в доме “файетисты” и “ламетисты” также встречались с жирондистами Гаде, Жансонне, Петионом, Бюзо¹⁷.

Не всегда обоим течениям внутри руководящей верхушки фельянов удавалось поддерживать согласие. Однако противоречия между ними носили тактический характер и отчасти объяснялись личным соперничеством. (В 1791 г. в руководстве “партии” преобладали “ламетисты”, а в 1792 г. лидерство перешло к “файетистам”.) Вспоминая в 1797 г. об этом периоде, Александр Ламет подчеркивал в письме к Лафайету превалирование в группировке центростремительных сил над центробежными: “Общим между нами было желание защитить конституцию (имеется в виду Конституция 1791 г. — А.Т.)... а также не допустить, по возможности, гибельных разногласий”¹⁸.

Сходную ретроспективную оценку противоречий между “файетистами” и “ламетистами” дал в своих мемуарах Теодор Ламет: “Эти две партии... часто находились, в оппозиции друг к другу, но немедленно объединялись, когда свободе грозила опасность”¹⁹.

Организационные принципы “партии” фельянов носили противоречивый характер. С одной стороны, фельяны выступали против политических организаций, в которых они не без основания видели орудие продолжения революции, с другой — они не могли их полностью отвергнуть, так как именно политические организации во многом способствовали ее успеху. В опубликованной в 1792 г. “Декларации фельянов” была определена их средняя позиция по организационным вопросам. Там говорилось, что фельяны “рассматривают ассоциации граждан как чрезвычайно благоприятствующие развитию общественного сознания, совершенствованию общественных добродетелей, но они считают, что в эпоху, когда великая революция создала конституцию, торжественно провозглашенную всеми гражданами государства, эти общества должны принять самые строгие меры, чтобы [...] не выступать в качестве влиятельной силы между нацией и избирателями”²⁰. Устав Клуба фельянов следующим образом определил

¹⁶ *Glagan H. Die Französische Legislative und der Ursprung der Revolutionskriege. Berlin, 1896. S.299.*

¹⁷ *D'Abrantes L. Junot. Histoire des Salons de Paris. Paris, 1824; T.2. P.378, 393, 397, 399.*

¹⁸ Цит. по: *Lameth Th. Mémoire. Paris, 1913. P. 141.*

¹⁹ *Lameth Th. Notes et Souvenirs. P. 99.*

²⁰ *Déclaration des Amis de la Constitution, ci-devant réunis aux Feuillants. Paris, 1792.*

тип организации, созданной ими: "Клуб может обсуждать только вопросы, связанные с его собственной деятельностью: он будет лишь обществом для обсуждения" (ст.2)²¹. Высокий годовой взнос — 106 ливров — сделал из Клуба фельянов общество, ориентированное на социальные элиты французского общества. Как отмечал А. Ламет: "Клуб фельянов представлял собой внушительное собрание гражданских добродетелей, значительных состояний, выдающихся талантов... но ему не хватало единства, энергии и той постоянной твердости, без которой он был обречен стать жертвой революции"²².

Тип организации, созданный фельянами, вписывается в либеральную интерпретацию феномена "партии", сформулированную позднее Б.Констаном: "Партия — это объединение людей, разделяющих одну и ту же доктрину"²³. В отличие от политической группировки якобинцев, рассчитанной на активную политическую активность всех ее звеньев и имевшей "мобилизационный" характер, фельяны не создали подобного типа организации, несмотря на то, что они заимствовали у якобинцев их организационную структуру — центральный клуб с сетью зависимых клубов на местах: он не соответствовал формам политического поведения выходцев из элитарных социальных слоев, составлявших основную массу членов фельянской группировки. В результате фельянам не удалось создать действенный противовес якобинцам и мобилизовать собственников в поддержку Конституции 1791 г. "Фельяны, — писал А. Барнав, — были по большей части депутаты, уделяющие слишком большое внимание своим частным делам, чтобы быть заинтересованными в успехах общества, которое они не замедлили покинуть... Собственнический и мирный класс в целом был еще не настолько решителен, чтобы выступить в поддержку новых учреждений, чтобы можно было его заставить пренебречь какими-либо опасностями и мобилизовать... на их защиту..."²⁴.

* * *

Историки так называемого "ревизионистского" направления во главе с Ф.Фюре долго выступали против рассмотрения Французской революции как чисто социального конфликта, однако

²¹ Les statuts du club.

²² Lameth A. Histoire de l'Assemblée constituante. Paris. 1821. Т.1, P.433.

²³ Цит. по: Duverger M. Les partis politiques. Paris, 1974. P. 19.

²⁴ Barnave A. Op. cit. P. 146—147.

следует согласиться с мнением Тимоти Такетта²⁵, что социальный подход к изучению революции вполне правомерен. В политических конфликтах революционной эпохи существенную роль играли различия в состоянии, в социальных статусах, образовании, возрасте, т.е. социо-культурные различия.

В случае с фельянами мы располагаем данными, позволяющими реконструировать социально-профессиональный состав членов клуба, исходя из их списка, составленного 4 октября 1791 г., после возобновления деятельности клуба в связи с началом заседаний Законодательного собрания. Из 887 членов клуба для 601 удалось определить социальные характеристики. 101 человек принадлежали к бывшим привилегированным сословиям (духовенство — 33, дворянство — 68), 242 относились к социальным верхам бывшего третьего сословия (держатели упраздненных должностей Старого порядка, банкиры, негодичанты, военные, фабриканты), 212 представляли либеральные профессии и только 46 были выходцами из средних слоев третьего сословия²⁶.

Таким образом, фельяны снискали симпатии как среди собственных слоев бывшего третьего сословия, так и среди части бывших привилегированных, а в самом социальном облике фельянов можно увидеть не только элитарную политическую организацию, но и прообраз нового общества социального компромисса между всеми имущими слоями французского общества, независимо от их прежнего сословного статуса. Сами фельяны в ряде оценок и высказываний подтверждали этот тезис. Предпосылки для сближения в общественных верхах между привилегированными и элитой третьего сословия, по мнению А. Ламета, сложились еще в последние годы Старого порядка. Ламет относил истоки данного процесса к тому времени, когда в многочисленных общественных организациях Старого порядка — академиях, салонах, масонских ложах — стала собираться “элита всех классов граждан; это было самопроизвольное слияние (*fusion*), подготовившее слияние законное, которое утвердила первая ассамблея”²⁷. Под слиянием элит А. Ламет, по сути, понимал буржуазно-дворянский компромисс на основе либеральных ценностей, следствием которого стало бы установление контроля этих социальных сил над политической властью, — контроля, основанного на их господст-

²⁵ *Tackette T.* *Par la volonté du peuple.* Paris, 1997. P. 282.

²⁶ Для определения социально-профессиональных статусов фельянов мы использовали следующие биографические словари: *Arnault A.V.* *Biographie nouvelle des contemporains.* Paris, 1820–1829; *Robert A., Congny G., Bourlalon E.* *Dictionnaire des parlementaires.* Paris, 1891; *Robinet J.-F.-E.* *Dictionnaire historique et biographique de la Révolution et de l'Empire, 1789–1815.* Paris, 1898; *Kuscinski A.* *Les députés à l'Assemblée législative de 1791.* Paris, 1900; *Lemay E.-H.* *Dictionnaire des Constituants, 1789–1791.* Paris, 1991.

²⁷ *Lameth A.* *Histoire de l'Assemblée constituante.* T. 2. P. 6.

ве в обществе. Резюмируя свою точку зрения, он подчеркивал, что отказ аристократии “от своих привилегий и добровольное признание ею Нового порядка поставило бы ее во главе среднего класса, самой влиятельной части цивилизованной нации”, открыло бы путь для осуществления власти совместно с нотаблями третьего сословия²⁸... “Невозможно было бы отрицать, — продолжал он далее свою мысль, — что великодушное и мудрое решение, принятое дворянством и духовенством (т.е. юридическая отмена сословий. — *А.Т.*), снискало бы им общественное признание как основоположникам целой системы, которую можно считать системой свободы, сравнивая ее с режимом произвола, царившим на протяжении стольких лет”²⁹.

Придавая новое содержание отношениям господства, фельяны тем самым пытались разрешить один из ключевых вопросов Французской революции — о передаче всей полноты власти в руки собственников вне зависимости от их прежнего сословного статуса. Вот как этот вопрос был сформулирован современным французским историком Луи Бержероном: “... что такое Французская революция? Решительная и удавшаяся попытка в русле общей социальной стратегии... уничтожить сословные барьеры, которые препятствовали восходящей мобильности к более высоким социальным стратам... Это желание установить на уровне правящей элиты замкнутую социальную общность, право доступа в которую предоставляли отныне только собственность и компетентность”³⁰. Фельяны сами представляли собой фрагмент новой правящей элиты. Относясь в подавляющем большинстве по своему происхождению к социальным верхам французского общества, они занимали видное место в высших органах государственной власти. 394 члена Клуба фельянов были депутатами Учредительного или Законодательного собраний, а 175 принимали непосредственное участие в деятельности администрации и судов разных уровней.

* * *

Свои политические установки фельяны заимствовали из идейного наследия Просвещения. При этом необходимо иметь в виду опосредованный характер связи революционной идеологии и идеологии Просвещения. Как отмечал видный историк интеллектуальных истоков Французской революции Даниэль Морнэ: “Ис-

²⁸ *Ibid.* Т. 2. Р. 1.

²⁹ *Ibidem.*

³⁰ *Bergeron L. L'épisode napoléonien. Aspect intérieur 1799–1815. Paris, 1972. P.147.*

токи революции — это одна история; история революции — другая”³¹. Более того, исходя из реальных событий, участники революции начали разрабатывать более или менее стройные доктрины, синтезируя в них, в зависимости от складывавшихся условий, различные элементы политической мысли XVIII в. В этом смысле верным представляется тезис Роже Шартье, для которого стройная концепция Просвещения является в такой же мере продуктом революции, как и революция — продуктом Просвещения³². Вот почему, в то время как представители революционно-демократического течения во главе с Якобинским клубом все более энергично оспаривали умеренное применение “принципов 1789 г.”, возникла необходимость вернуться к определению и обоснованию принципов либерального общественно-политического устройства, выдвинутых в начале революции в Декларации прав человека и гражданина. Решая эту задачу фельяны обращались к теориям, представлявшим подчас различные тенденции внутри социально-политической мысли Просвещения — от либеральной до демократической (среди наиболее почитаемых ими авторитетов — Локк и Вольтер соседствуют с Руссо и Мабли)³³.

Осмысление фельянами с помощью унаследованных от Просвещения теорий новых социально-политических реальностей и исторического опыта означало в определенной мере и развитие этих теорий. Либеральная трактовка прав человека и гражданина, которой придерживались фельяны, противостояла интерпретации этих прав демократической мыслью. Либералы и демократы в теории исходили из разных традиций, сложившихся в общественно-политической мысли XVIII в. и различавшихся противоположными взглядами на общество и права личности. Если согласно либеральной традиции, идущей от Локка, Вольтера и физиократов, в обществе существуют два вида прав — коллективные права, выражающиеся в осуществлении сообществом граждан политической власти, и права личности, не подвластные сообществу и являющиеся собственностью индивидуумов, то демократическая традиция, яркими представителями которой были Ж.-Ж.Руссо и Г.-Б.Мабли, предусматривала “полное отчуждение каждого члена ассоциации в пользу всей общины”³⁴, т.е. ограниче-

³¹ *Mornet D.* Les Origines intellectuelles de la Révolution française. Paris, 1933. P. 471.

³² *Chartier R.* Les origines culturelles de la Révolution française. Paris, 1990. P. 5, 87-89.

³³ Observation sur l'état passé, présent et futur de la Nation...par Mounier. P., s.d. (BN-Lb49/801). P. 7, 8.

³⁴ Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969. С. 161. “Каждый из нас, — писал Ж.-Ж.Руссо, — передает в общее достояние и ставит под высшее руководство общей воли свою личность и свои силы, и в результате для нас всех вместе каждый член превращается в нераздельную часть целого” (Там же).

ние и подчинение прав личности решениям сообщества граждан, коллективного суверена. Иными словами, либеральная мысль представляла общество как сосуществование частных интересов, тогда как согласно демократической традиции общество — это сплоченная общность граждан, где частный интерес подчинен общему. Поэтому, обращаясь к идейному наследию Просвещения при осмыслении привнесенного революционным временем нового исторического опыта, либеральные политики отстаивали неприкосновенность неотъемлемых прав личности, т.е. ее свободу, тогда как демократы ради достижения общественного прогресса в ходе революции считали возможным и даже необходимым ограничивать свободу личности во имя равенства.

Выделяя либеральную и демократическую традиции, необходимо сразу же оговориться, что Локк и Руссо стали антиподами уже в последующей интерпретации их учений. Так, в “Общественном договоре” Руссо в главе, посвященной гражданскому состоянию (гл. 8), подчеркивается, что вхождение каждого человека в общественное состояние не сопровождается утратой его естественной свободы. Общество позволяет только наилучшим образом сохранить естественные права граждан. С другой стороны, Локк во второй главе “Двух трактатов о гражданском правлении” о прерогативах (параграф 14) подчеркивал, что прерогативы являются атрибутами исполнительной власти, которая может действовать по своему усмотрению при чрезвычайных обстоятельствах, в силу медлительности законодательной власти и невозможности в короткий срок принять соответствующий закон. Поэтому возможность применения чрезвычайных мер не чужда и либеральной традиции, однако, в отличие от последней, демократическая традиция предполагала известную абсолютизацию чрезвычайных мер управления, ставших актуальными в эпоху революции.

Следуя либеральной традиции, фельяны настаивали на неотчуждаемости гражданских прав. А. Дюкенуа в “L’Ami des Patriotes” прямо указывал: “Природа даровала людям естественные права, необходимые для их самосохранения. Я бы даже прибавил, если хотите, гражданские права. Общество организуется с целью их гарантии каждому”³⁵. Депутат Учредительного собрания Брио-Бометц развил эту концепцию неприкосновенности гражданских прав в одном из своих выступлений: “Я требую по возможности объединить естественные и гражданские права, принадлежащие всем людям, которых никакая Конституция не может лишить и которые Конституция только гарантирует всем тем, кому природа их преподнесла в вечный дар”³⁶. Наконец,

³⁵ L’Ami des Patriotes, 1791, Juill. 23.

³⁶ Archives parlementaires. T.29. P. 362.

Сийес подчеркивал, что “общество может быть только добровольной и свободной ассоциацией людей, объединяющихся ради общего интереса... однако это не означает, что они передают в общее ведение все свои интересы”³⁷.

Хотя фельяны ссылались на теорию естественного права, следует отметить, что они постепенно от нее дистанцировались, следуя уже не естественноправовой логике, предполагавшей дальнейшее развитие революции и утверждение принципа равенства, ведущего к ограничению собственности, к равенству политических прав и к установлению демократической республики, а логике позитивного права. Именно социально-политические институты, утвердившиеся к 1791 г. и закрепленные в Конституции, по их мнению, должны были стать основой Нового порядка. “Ошибка всех резонеров,— писал *“L’Ami des Patriotes”*, — заключается в том, что они всегда путают естественное и общественное состояния. Хотя они похожи друг на друга так мало, что в некотором смысле общественное состояние есть состояние противоестественное. Все то, что необходимо для сохранения общественного состояния, справедливо в силу одного этого факта”³⁸.

Именно поэтому право собственности является для фельянов основополагающим правом общества. Оно предшествует обществу, не зависит от него и от каких-либо событий. Собственность — это вечное право. Фельян Дези утверждал в Законодательном собрании: “Нация сама по себе или же через своих представителей... имеет неотъемлемое право изменять форму своего правления и отменять все установления и его различные сферы; но распространить эти права на гражданские законы, определяющие частную собственность, значило бы ниспровергнуть основные принципы общественного договора. Ибо тогда собственность приобрела бы иллюзорный характер, поскольку зависела бы от революции... а известно, что прочность, безопасность и сохранение собственности являются одной из главных основ всякого политического общества”³⁹. Предложенная фельянами концепция собственности включала два аспекта. С одной стороны, собственность объявлялась имманентно присущей всякому человеческому обществу, с другой — предполагалось, что только при Новом порядке она может освободиться от груза опутавших ее злоупотреблений. И эта вторая сторона подразумевала радикальный разрыв с унаследованной от феодального общества юридической системой Старого порядка, узаконивавшей личностные общественные свя-

³⁷ A.N. 284 A.P.5, dl. (1).

³⁸ *L’Ami des Patriotes*. 1791, Juillet. 23.

³⁹ *Archives parlementaires*. T.44. P.114.

зи. Ее место должна была занять юридическая система, утверждавшая свободную частную собственность.

Эта концепция делала в принципе возможным компромисс между бывшими привилегированными и собственническими слоями третьего сословия. Господствующий класс старой Франции получал право не только войти в новое, бессословное общество, поскольку после гибели сословной иерархии права личности были гарантированы всем и никто не властен был их ограничить, но и занять лидирующие позиции благодаря своему богатству при том, что частная собственность становилась базой социальной организации. В предложениях фельянов можно увидеть попытку найти разрешение порожденной сословно-корпоративной системой "социальной напряженности" в верхах общества и пути к "примирению элит" на основе частной собственности⁴⁰. В сущности, именно в этом будет заключаться социальный смысл того режима "нотаблей", т.е. специфической формы социально-политического верховенства буржуазии и крупных землевладельцев, который утвердился во Франции позднее, в первой половине XIX в.⁴¹

Собственность, таким образом, являлась в политическом дискурсе фельянов основополагающей ценностью любого общества. "Нет собственности — нет и общества", — подчеркивал *"Journal de Paris"*⁴². При этом фельяны проводили параллель между реальной, т.е. вещной, собственностью и собственностью каждого индивида на самого себя, которая восходит к физиократам, впервые во французской либеральной традиции определившим права личности как неотъемлемую и неотчуждаемую ее собственность. Свобода, равенство, безопасность становились, таким образом, необходимыми дополнениями собственности, которая их подчиняла и определяла. В результате индивидуализм практически сводился к экономическому содержанию, к экономическому индивидуализму. На трибуне Законодательного собрания М.Дюма прямо заявил: "Итак, общественный договор... не определяет время и обстоятельства, когда французские граждане были бы лишены права распоряжаться самим собой и своей собственностью"⁴³. При этом он повторил формулу аббата Сийеса, опреде-

⁴⁰ Bergeron L. Chaussinand-Nogaret G. Les "masses de granit". Cent mille notables du Premier Empire. Paris, 1978. P. 46—63.

⁴¹ См.: Ревякин А.В. Буржуазия после Французской революции // Буржуазия и Великая Французская революция. М., 1989; Bergeron L. L'épisode napoléonien. Aspects intérieurs 1799—1815. P., 1972; Tudexq A.J. Les Grands notables en France (1840—1849). Bordeaux, 1964. Т. 1—2; Tudexq A.J., Jardin A. La France des notables (1815—1849). P., 1973. Т. 1—2.

⁴² Journal de Paris. 1792. Avril. 18.

⁴³ А.Р. Т. 34. Р. 320.

лившего еще в 1789 г. содержание либерального индивидуализма: "Свободен тот, кто не стеснен в пользовании самим собой и своей реальной собственностью"⁴⁴.

Отсюда следовала и важнейшая идея экономического либерализма о саморегулировании общества под воздействием свободной игры рыночных сил, сформулированная Дюкенуа на страницах "L'ami des Patriotes". "У Бюффона есть блестящая идея, — отмечал Дюкенуа, — он считает, что вечный геометр не расставил по местам все части мира, которые составляют универсум, а сообщил материи движение и сказал: организуйся сама. То же следует делать и законодателю. Пусть он скажет народу: будь свободен, и пусть он ему позволит действовать; тогда все уладится и все придет в порядок; каждый займет свое место"⁴⁵. Более того, механизм, который призван установить соотношения между потребностями членов общества, т.е. рыночный механизм, является, согласно Сийесу, единственным регулятором социальных отношений: "Человек, с которым вы входите в контакт, как и вы, стремится воспользоваться преимуществами социального порядка и как и вы с этой целью приходит в общество. Вы делаете для него все от вас зависящее, уступая ему на рынке то, что принадлежит ему. Такой ценой достигаются социальные преимущества"⁴⁶. В конечном счете, этот механизм может сам организоваться в рамках оптимальных отношений между потребностями людей и средствами их удовлетворения. Сверх того, рынок есть гарантия свободы в обществе и ее защита от социальных потрясений. Эту важную идею Сийес сформулировал следующим образом: "Порядок представления потребностей и средств их удовлетворения гарантирует свободу и невозможность революций. Я не вижу больше свободы у того, кому вы даете Б, когда он нуждается в А"⁴⁷. Поэтому только в общественном состоянии свобода и права человека гарантированы: "В общественном состоянии человек верит в моральные и физические средства и в то, что он не будет подвержен многочисленным тревогам, которые сопровождают пользование ими. Так что было бы справедливо сказать — свобода является наиболее полной и цельной в общественном состоянии, каковой она никогда не могла быть в состоянии, называемом естественным"⁴⁸.

Таким образом, для фельянов статус собственника определял не только экономическую позицию, этот статус включал целую

⁴⁴ *Rials S. La Déclaration des droits de l'homme et du citoyen. Paris, 1988. P.596.*

⁴⁵ *L'Ami des Patriotes, 1791, 29 oct.*

⁴⁶ *Idées d'une Constitution... Devoirs. 284 APS, d.1(6).*

⁴⁷ *Principes d'une Constitution, l'an III. Op. cit.*

⁴⁸ *Idées sur la la Constitution Droits de l'homme. Op. cit.*

систему социальных и моральных ценностей, необходимых для новой правящей элиты: просвещенность, заинтересованность в общественном благе, независимость состояния. Таковы, согласно Барнаву, должны были быть качества "среднего класса", обладающего избирательным правом⁴⁹. Такими же качествами должна была отличаться элита, которую Андре Шенье назвал "буржуазия": «Должно было бы заметить, что класс, который обозначают словом "буржуазия", находящийся на равном удалении как от пороков чрезмерного богатства, так и от пороков нищеты, между расточительностью роскоши и крайней нуждой, составляет в основном массу настоящего народа... что этот класс самый мудрый, самый умеренный, ему наиболее свойственно все то хорошее и достойное похвалы, что подразумевает честный промысел, что, когда этот класс чем-либо недоволен, необходимо осудить пороки в законах и в правительстве»⁵⁰.

* * *

Вопрос о социально-политической элите был тесно связан с организацией политической власти. В основу организации политической власти Учредительное собрание положило принципы национального суверенитета и политического представительства. В соответствии со ст. 6 Декларации прав человека и гражданина, согласно которой "закон есть выражение общей воли" и "все граждане имеют право участвовать лично или через своих представителей в его образовании", все органы государственной власти (исключая только высшую исполнительную власть в лице короля и назначаемых им министров) формировались на основе выборов. Сами выборы стали символом и неотъемлемой частью обретенного французами суверенитета, ранее принадлежавшего королю. Учредительное собрание утвердило бессословное и индивидуализированное (т.е. независимое от групповых, местных интересов) участие в выборах, призванное обеспечить независимость как избирателям, так и их представителям во всех уровнях власти.

Вместе с тем законодательство Учредительного собрания о выборах было противоречивым. С одной стороны, оно предполагало формирование политической власти демократическим путем выборов, с другой – демократия подвергалась в нем существенному ограничению. Так, признание независимости национальных представителей означало, что они в своей деятельности не дол-

⁴⁹ А.Р. Т. 29. Р. 366.

⁵⁰ Chénier A. Oeuvres en prose. Paris, 1872. P.128.

жны следовать предвыборным наказам или своей политической программе, а беспристрастно выражать национальные интересы, которые могли быть отличными от устремлений их избирателей. В итоге сложился своего рода “парламентский абсолютизм”, когда представители нации получили монопольное право выражать ее волю, принимать от ее имени законы и быть свободными в своих действиях от контроля избирателей. Кроме того, Учредительное собрание ввело деление граждан на активных, пользующихся политическими правами, и пассивных граждан, не имеющих политических прав, отделяя тем самым гражданские права, равные для всех граждан, от политических, обусловленных имущественным цензом. Учредительное собрание установило не прямые, двухстепенные выборы национальных представителей, разделив право избирать и право быть избранным, различные размеры ценза для выборщиков и для тех граждан, которые могли быть избранными.

Законодательство Учредительного собрания о выборах, таким образом, предполагало в соответствии с критерием собственности выделение социально-политической элиты, отличной от остального общества и управляющей от его имени. Политика оказалась делом наиболее зажиточных слоев общества. Вместе с тем электоральная система вела к власти людей с новыми принципами, которые были тем более способны утвердить эти принципы (“принципы 1789 г.”) в общественной жизни, потому что они были независимы от своих избирателей. И на самом деле выборщики и национальные представители могли противостоять общественному мнению, быть революционными, когда вокруг царила апатия или же контрреволюционные настроения.

Фельяны в целом поддерживали систему политического представительства, введенную Учредительным собранием, направленную против прямой демократии, которую они отождествляли с непосредственным осуществлением суверенитета. “Если вы, — писал А. Дюпор, — уничтожите политическое представительство, вы тем самым уничтожите свободу”⁵¹. Фельяны также четко разделяли гражданские и политические права и отвергали тезис демократов об их единстве, означая, что каждый человек обладает равными с другими людьми политическими и гражданскими правами. По словам Дюкенау, повторявшего знаменитую формулу Сийеса, политические права принадлежат только “акционерам” общества, которые участвуют в его жизни путем уплаты налога⁵². Гражданское равенство устраняет природное неравенство, “делающее одних слабыми, а других — сильными”. “Каждый по-

⁵¹ L'Indicateur ou Journal des causes et des effets. 1792. Aout. 5.

⁵² L'Ami des Patriotes... 1791. Juill.23

лучает равные права на свои владения и свои качества; отсюда следует, что равенство гражданских прав является основой любого общества и, следовательно, любой конституции. Поэтому общественный договор подразумевает пакт между его участниками, а не соглашение об учреждении политического правления. Руссо ввел нас в заблуждение, подхваченное многими другими. Мечтатели, глупцы, видя усталость от парламентов, дворянства и нашего Старого порядка, считают, что пришло время распространить абсурдную систему равенства политических прав. Политические права, собственно говоря, являются только обязанностями, службой, осуществляемой от имени общества и только в его интересах. Разумеется, могут получить право их осуществлять только те, кому это можно доверить»⁵³.

С попытками ввести прямую демократию фельяны связывали и республиканскую форму правления. Правда, летом 1791 г. в тревожные дни Вареннского кризиса «файетисты», видя в бегстве короля измену делу революции, высказывались за республику⁵⁴. Однако проект республики, предложенный М.-Ж. Лафайетом и его сторонниками, коренным образом отличался от проекта демократической республики, тогда же предложенного кордельерами. Сам Лафайет называл свою республику «политической», а республику кордельеров — «анархической». В проекте «файетистов» вся конституционная система, разработанная Учредительным собранием, оставалась неприкосновенной, речь шла лишь о необычной идее — заменить короля наследственным президентом. Кордельеры же предлагали демократическую республику с участием всех граждан в управлении, с императивным депутатским мандатом и слиянием законодательной, исполнительной и судебной властей в одну, так как «суверенитет неотчуждаем и неделим»⁵⁵.

Признанный авторитет в области конституционных теорий Учредительного собрания и один из первых членов Клуба фельянов Сийес в полемике на страницах «*Moniteur*» с Томасом Пейном, предлагавшим установить во Франции республику, утверждал, что только при монархии может быть соблюден принцип ответственности, поскольку его носителем являлось одно лицо — монарх, а при республиканском правлении такого лица нет. Кроме того, демократическая республика несла угрозу правам личности и контролю над ней. Такую республику Сийес назвал «новой тотальной» (*ré-totale*), замечая: политическое общество может быть только добровольной и свободной ассоциацией. «Сам акт

⁵³ L'Indicateur ou Journal des causes et des effets. 1792. Juill. 2.

⁵⁴ См.: *Lafayette M.-J. Mémoires*. Paris, 1837—39. T. 5. P. 123—124.

⁵⁵ *Reinhard M. La chute de la Royauté*. Paris, 1969. P. 132.

политической ассоциации не означает передачи всего в общее ведение; в общее ведение передается только то, что необходимо для цели ассоциации... Когда объединяются между собой люди одинаково мыслящие, то они, прежде всего, хотят предохранить свой труд, свои усилия, свое богатство”⁵⁶.

Вместе с тем, продолжая быть сторонником монархии, Сийес оставлял вопрос о личности монарха открытым. В своих записях, датированных 30 июня — 16 июля, он отмечал, что “Людовик XVI должен оставаться пленником общественной безопасности” и что “Национальная ассамблея должна начать дискуссию относительно всех элементов, составляющих королевство, и относительно наилучшего соединения всех этих элементов, наиболее благоприятного для французской Конституции”⁵⁷. В бумагах Сийеса сохранилась и сделанная его рукой копия петиции Якобинского клуба Учредительному собранию, в которой речь шла о замене Людовика XVI на троне при использовании всех конституционных средств, т.е. при сохранении института монархии⁵⁸. И только благодаря усилиям лидеров “ламетистов” — А.Дюпора, А.Барнава и А.Ламета — разногласия относительно организации исполнительной власти удалось преодолеть — конституционный комитет Учредительного собрания поддержал своим решением восстановление монархии с Людовиком XVI на троне, временно отстраненным от власти во время вареннских событий. Разногласия между “ламетистами” и “файетистами” по вопросу организации исполнительной власти фактически были исчерпаны и в дальнейшем не возобновлялись.

Еще одним пунктом разногласий между “файетистами” и “ламетистами” являлась организация законодательной власти. К августу 1791 г. как “ламетисты”, так и “файетисты” разделяли идеи Мунье, Малуэ и их сторонников в Учредительном собрании о двухпалатном парламенте⁵⁹. На причину обращения фельянов к идее двухпалатного парламента указывал Адриен Дюпор. Дело в том, что фельяны пытались решить проблему соотношения политического единства и многообразия частных интересов, сформулированную Сийесом в 1789 г. в знаменитой брошюре “Что такое третье сословие”. Вместе с тем в условиях напряженной политической борьбы выделение двух палат означало и известное ограничение законодательной власти. “Учредительное собрание, писал Дюпор, — ...вынуждено было замкнуться среди нескольких

⁵⁶ A.N. 284 A.P.5, d.1 (1).

⁵⁷ A.N. 284 A.P.4, d.7.

⁵⁸ A.N. 284 A.P.4, d.7.

⁵⁹ *Sutherland D.M.G. France 1789—1815. Revolution and Counterrevolution. Fontana Press, 1985. P 131*

простых принципов... таких, как народный суверенитет, равенство и единство”⁶⁰. По его мнению, Учредительное собрание придало этим принципам одностороннее толкование: “Национальная воля едина, закон един, законодательный корпус тоже должен быть единым”. Но, указывая Дюпон, необходимо иметь в виду, что “единство должно присутствовать не в политической машине, а, если можно так выразиться, в результате ее деятельности”⁶¹. Иными словами, “будет ли закон менее един, если в его составлении будут принимать участие многие? И какое значение имеет тот факт, что они будут разделены в разные палаты? Напротив, определяя обычные жизненные ситуации, частные законы, регулирующие отношения между гражданами, создаются всеми заинтересованными сторонами и становятся еще более прочными, когда выражают соглашение различных интересов”⁶².

Вплоть до весны 1792 г. фельяны не могли прийти к соглашению по фактически второстепенным вопросам организации нового парламента. Эти расхождения сводились к следующему: 1) “ламетисты” в отличие от “файетистов”, выступавших за организацию верхней палаты в форме сената, избираемого на определенный срок, склонялись к наследственной или, по крайней мере, пожизненной верхней палате парламента; 2) “ламетисты” стремились провести изменения в устройстве парламента, используя надвигавшийся политический кризис, тогда как “файетисты” такие изменения считали неприемлемыми в экстремальных условиях и откладывали их на будущее⁶³.

В целом, оценивая позиции сторонников Лафайета и Ламетов по важнейшим вопросам конституционного устройства следует отметить, что обе фракции фельянов, хотя и имели определенные расхождения, тем не менее были едины в главном. И эту общую их позицию резюмировал в июле 1791 г. в Учредительном собрании А.Барнав, который считал, что правление во Франции должно быть “представительным и монархическим”, а не “республиканским и демократическим”⁶⁴.

Против идеи республики А.Барнав, как и Е.Сийес, использовал ставший классическим аргумент, который исторически связывал республиканскую модель с прямой демократией, предполагавшей обязательное участие каждого гражданина в выражении суверенной воли нации и строгое подчинение частных интересов

⁶⁰ L'Indicateur ou Journal des causes et des effets, №75, 1792, 2 août.

⁶¹ Ibidem.

⁶² Ibidem.

⁶³ Politische Korrespondenzen aus dem Jahre 1792 // Glagau H. Die Französische Legislative und der Ursprung der Revolutionskriege. Berlin, 1896. S.299.

⁶⁴ A.P. T.28. P.327; A.N. W13. N10.

интересам всего гражданского коллектива. Кроме того, считалось, что республика может существовать только в небольших государствах. Представительное же правление, по мысли Барнава, давало гарантии “свободного правления” в монархии и было противоположно прямой демократии. В Учредительном собрании он обвинял республиканцев в том, что “им неизвестны основные принципы правительств”: “... когда они приходят в Учредительное собрание с тем, чтобы противопоставить чистые демократии представительному правлению... я их спрашиваю еще раз, неужели они забыли уроки истории, свидетельствующие, что чистая демократия одной части народа может существовать только благодаря гражданскому, политическому, абсолютному рабству другой части народа... я утверждаю, что представительное правление — первое, самое свободное и самое возвышенное”⁶⁵.

Прямая демократия предполагала неограниченный народный суверенитет, т.е. возможность изменения общественно-политического устройства, и дальнейшую радикализацию революции. Ставя своей задачей завершение революции, фельяны усматривали ее разрешение в ограничении народного суверенитета. Поэтому они вернулись к сформулированной еще в 1789 г. Сийесом, Мунье и Барнавом идее о разделении двух властей — конституирующей и конституированной. В соответствии с логикой такого разграничения нация обладает двумя властями, которые восходят к общему для них источнику — принципу народного суверенитета. В силу конституирующей власти нация вправе учредить представительные органы власти, т.е. принять конституцию. Закрепленная в конституции конституированная власть будет принимать решения от имени нации, без права их пересмотра.

Конституционными представителями нации фельяны считали короля и депутатов Законодательного собрания. Обе власти — законодательная и исполнительная, — по их мнению, должны были быть независимыми друг от друга. В то же время они должны были иметь возможность взаимно ограничивать друг друга: король наделялся правом отлагательного вето, а министерство, назначаемое и отзываемое согласно Конституции 1791 г. королем, должно было быть ответственным перед Законодательным собранием (Барнав). Однако обе власти имели различные источники легитимности. Если Законодательное собрание являлось легитимным в силу выборов, то король был наследственным представителем нации. Фельяны, в частности Барнав, рассчитывали, что противоречие между ними может быть преодолено, если королевская власть будет поддержана общественным мнением⁶⁶. Чтобы сохра-

⁶⁵ А.Р. Т.29. Р.366.

⁶⁶ Marie-Antoinette et Barnave... Р.101.

нить независимость властей, Дюпор 21 июня 1792 г. предлагал ввести третью, охранительную власть, названную им “трибунат”, по аналогии с органом, призванным блюсти закон и законодательную власть, который описал Руссо в “Общественном договоре”⁶⁷. Но времени на введение в политический механизм третьей, законодательной власти у них не оставалось. Начавшееся противостояние властей в условиях возросшей внешней опасности и политической и социальной борьбы внутри страны привело к падению монархии и установлению Первой Республики.

* * *

Свои политические установки фельяны пытались воплотить в политике национального примирения, достижимого, по их мнению, на основе компромисса между всеми имущими слоями общества независимо от их прежнего сословного статуса. Поиск широкого общественного согласия являлся характерной чертой политической группировки фельянов в политической жизни того времени. В октябре 1791 г. близкий к фельянам мэр Парижа Ж.-С. Байи четко сформулировал их политический курс в виде наказа депутатам Законодательного собрания: “Вы должны, господа, все объединить и все примирить. Революция окончена”⁶⁸. Достичь национального примирения предполагалось в рамках того, что дала Французская революция к середине 1791 г., на основе принятой в сентябре этого года монархической, цензовой Конституции. И хотя фельяны считали ее несовершенной, все же она отражала их идейные устремления, и они рассчитывали на эволюцию введенного ею режима по пути к парламентаризму, с ответственным перед законодательной властью правительством. Поэтому лозунг “Конституция, вся Конституция, ничего, кроме Конституции” стал их девизом⁶⁹.

Однако резко обострившееся противостояние между революционными и контрреволюционными силами — используя понятие эпохи — между “демократами” и “аристократами”, левыми и правыми, делало реализацию замыслов фельянов трудноосуществимой. Сами фельяны называли себя “умеренными” и пытались примирить обе стороны, следуя политике “золотой середины”. Наиболее ярко поиски фельянами этого компромисса проявились в их позиции по двум важнейшим вопросам, доставшимся в

⁶⁷ L'Indicateur ou journal des causes et des effets. №33. 1792. 21 juin.

⁶⁸ A.P. T.34. P.114.

⁶⁹ Déclaration des amis de la constitution ci-devant réunis aux Feuillants. P., 1792. P.2.

наследство от Учредительного Законодательному собранию, — об эмигрантах и о не присягнувших священниках.

В решении первого вопроса фельяны предполагали, с одной стороны, принудить эмигрантов, которые к тому времени создали собственные вооруженные силы и активно действовали против революционной Франции при европейских дворах, прекратить их враждебную Франции деятельность, с другой — создать благоприятные условия для их возвращения. Предложенные фельянами законопроекты против эмигрантов (Вернье, Дюкастеля, Седийе) предусматривали в качестве меры воздействия на них троюкратное обложение налогом доходов с собственности эмигрантов в пользу нации⁷⁰. Таким образом, репрессивные меры против эмигрантов не затрагивали их собственность и личность (частичному секвестру подлежали только доходы). Планы фельянов вписывались в либеральные представления о возможности применения временных чрезвычайных мер.

С тех же позиций решался фельянами вопрос о священниках, не принявших введенное Учредительным собранием гражданское устройство духовенства. Фельяны оставляли на усмотрение каждого священника решение вопроса, приносить или не приносить гражданскую присягу, предусмотренную Конституцией для любого гражданского чиновника, в число которых, согласно решению Учредительного собрания, входили и священнослужители. Отказ от присяги означал бы и отказ священника от государственной службы. Преследование не присягнувших священников фельяны рассматривали как ограничение их личной свободы, поскольку никто из граждан не может преследоваться за отказ от присяги и, следовательно, за отказ от государственной службы⁷¹. “Декрет, который предписывает принесение присяги, является нарушением права на свободу мнений, — указывал “L'Ami des Patriotes...” — Требовать присягу означает заставить того, кто ее приносит, поддерживать мнение, которое он и не разделяет. Присяга необходима лишь для тех, кто хочет оставаться государственными служащими; тот, кто этого не хочет, должен иметь право на безопасность”. Кроме того, подчеркивала газета, отказ от присяги не может повлечь за собой лишения священников жалованья, поскольку жалованье духовенству рассматривалось фельянами как государственная компенсация за национализированное 2 ноября 1789 г. церковное имущество⁷². В противовес насаждению государственного религиозного культа и, таким образом, покушению на свободу совести они предлагали, провозгласить равенство

⁷⁰ А. Р., Т.29. Р.84, 85, 134; Т.34. Р.701—703; Т.38. Р.303.

⁷¹ Marie-Antoinette et Barnave... Р.172.

⁷² L'Ami des Patriotes... 1791. Déc.10.

культов, как государственного, так и негосударственного (Баэр, Жокур, Лемонтэ, Рамон)⁷³. Наиболее последовательные фельяны — Андре Шенье и Тевено де Моранд — предлагали, кроме того, сделать религию частным делом путем отделения церкви от государства. Вот что писал по данному поводу Андре Шенье: "Национальная ассамблея предоставит каждому полную свободу следовать той религии, которая ему более подойдет... каждый будет оплачивать тот культ, какому он захочет следовать, и не будет оплачивать никакой иной... необходимо издать закон, согласно которому никакой гражданский акт не будет затрагивать церковную организацию"⁷⁴.

Точка зрения фельянов не нашла поддержки в Законодательном собрании, где якобинская левая собрания добилась принятия декретов — о конфискации имуществ эмигрантов и о преследовании не принесшего гражданскую присягу духовенства. Вето, наложенное Людовиком XVI на оба декрета при поддержке фельянов, еще больше подорвало престиж короля в глазах общественного мнения.

Таким образом, демократическая левая Законодательного собрания не допускала компромисса на основе либеральных принципов, к которому стремились фельяны. Она могла опереться в борьбе с фельянами на массовые движения крестьян и санкюлотов. Борьба крестьян за окончательное упразднение сеньориального порядка и за землю, достигшая невиданного ранее размаха к весне 1792 г., эгалитарные лозунги санкюлотов находились в явном противоречии с социально-политическим курсом фельянов.

Идя на уступки крестьянам, фельяны в Законодательном собрании весной 1792 г. поддерживали предложение Комитета феодальных прав об отмене казуальных повинностей (т. е. подлежащих уплате при смене владельца земли) без компенсации их обладателям, если последние не предоставят доказательств того, что эти права не происходят из первоначальной уступки земли сеньором держателю. Но если докладчик Комитета Латур де Шатель, поддержанный левой Законодательного собрания, настаивал на предоставлении сеньорами первоначальных титулов, т. е. документов (где были записаны лежавшие на крестьянах повинности), что практически было очень сложно, то фельяны заняли более мягкую позицию по отношению к бывшим сеньорам, предложив позволить им в случае отсутствия первоначального титула о земельной уступке заменить его двумя письменными свидетельствами (Дорлиак), или тремя письменными актами о бесспорном

⁷³ А.Р. Т.34. Р.333, 356, 377, 509.

⁷⁴ *Moniteur*. 1791. Août 19; (точку зрения Андре Шенье разделял и Тевено де Моранд, см.: *L'Argus patriote*. 1791. Oct.12.)

владении в течении 40 лет (Дюмолар). Фельяны предложили распространить принятую схему выкупа на все аграрное законодательство Учредительного собрания. И хотя в решении аграрного вопроса они предусматривали сохранение в силе законодательства 1789—1790 гг. о выкупе “реальных” сеньориальных повинностей, сама выкупная операция переводилась в иную плоскость. Во-первых, предполагалось удовлетворить требование крестьян о предоставлении сеньорами доказательств на право владения повинностями (ранее незаконность той или иной повинности должен был доказать крестьянин, так называемая презумпция в пользу сеньора). Во-вторых, после регистрации выкупаемых повинностей выкупная операция должна была перейти в руки государства, которое должно было выплатить сеньору стоимость повинностей и получать с крестьян соответствующие выкупные платежи⁷⁵.

В напряженной политической обстановке конца весны — начала лета 1792 г. фельянам не удалось реализовать свои замыслы относительно последовательной отмены принципа презумпции в пользу сеньора, принятого в аграрном законодательстве Учредительного собрания. Более того, по вопросу об отмене казуальных прав демократическая левая Законодательного собрания добилась 14—18 июня радикального решения об их отмене, если сеньор не предоставит подлинный “титул”, свидетельствующий о происхождении этих прав из первоначальной уступки земли сеньором держателю. Сам же принцип презумпции будет законодательно отменен жирондистами в августе 1792 г. после того, как “партия” фельянов прекратила свое существование. Кроме того предложения фельянов уже не могли удовлетворить требований крестьян, выступавших за окончательную ликвидацию сеньориального порядка, в том числе и за безвозмездное упразднение сохранившихся к тому времени повинностей.

В конечном счете, возможность компромисса отвергалась как слева, так и справа. С одной стороны, якобинцы и жирондисты усматривали в грядущем политическом кризисе реальную возможность утвердиться у власти и поэтому они отвергали компромисс с фельянами.

С другой стороны, предполагавшийся фельянами компромисс отвергался и правыми — эмигрантами и их сторонниками внутри Франции, — королем, а также поддерживающими их иностранными дворами. Они все больше и больше склонялись к открытому военному вмешательству как к единственному средству восстановить дореволюционный порядок во всей его полноте. Остро вставшая в связи с этим в конце осени — зимой 1791—1792 гг. проблема

⁷⁵ А.Р. Т.41. Р.486—487.

войны с Австрийской империей, а затем и с Пруссией внесла раскол в ряды самой фельянской группировки. Если “ламетисты” считали, что война приведет к росту революционных настроений внутри страны и поставит под угрозу существующий режим, то “файетисты”, напротив, хотели упрочить его авторитет в короткой победоносной войне. Начавшаяся в апреле 1792 г. война изменила ситуацию. Первые неудачи на фронте и приближение нового революционного кризиса лета 1792 г. не только заставили фельянов вновь объединиться, но и побудили к действиям, которые ускорили их падение. В мае фельяны вступили в переговоры с австрийцами с целью заключить перемирие и повернуть армию под командованием Лафайета на Париж, чтобы защитить конституционный порядок⁷⁶. Но ни в этот раз, ни позже, уже в разгар кризиса, им так и не удалось использовать армию, командование которой находилось в их руках, для обеспечения стабильности государственного устройства, введенного Конституцией 1791 г.

В то время как перед революцией встала задача дать отпор открытой военной интервенции, деятельность фельянов препятствовала проведению в жизнь мер общественного спасения, зачастую идущих вразрез с конституционными принципами. Стремясь не допускать отхода от них и пресечь рост политического влияния демократических сил, фельяны выступали против таких мер, как роспуск королевской гвардии, создание лагеря федератов под Парижем, объявление отечества в опасности. Проводимая ими политика оказалась в очевидном противоречии не только с дальнейшим движением революции, но и с национальными задачами, вставшими перед страной. Восстание 10 августа 1792 г., свержение монархии, отмена Конституции 1791 г. устранили их с исторической сцены.

Вместе с тем исторический опыт фельянов не был лишен перспектив. Их идеи верховенства среднего класса, либерального государства (“свободного правления”), политики “золотой середины” внесли весомый вклад в становление либеральной традиции во Франции.

⁷⁶ Lacretelle Ch. *Hipster de l'Assemblée législative*. P., 1824. P. 157. Molleville B. *De Mémoires*. P., 1823. T.2. P. 86.

ЛИБЕРАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ И ОПЫТ РЕВОЛЮЦИИ

Большую роль в формировании либеральных ценностей сыграла Декларация прав человека и гражданина 1789 г. Именно она постулировала основные права личности¹, на которые государство не только не имеет права покушаться, но и обязано их защищать; если же этого не происходит, то личность имеет возможность легитимно сопротивляться подобному угнетению.

Эта первая Декларация прав базировалась, по большей части, на основе учения просветителей, т.е., в сущности, на теории, а не на реальном опыте. И первый вопрос, который возникает при анализе этого документа, — чем он был для законодателей революционной эпохи?

Как правило, отечественные авторы, касаясь этой проблемы, либо рассматривают ее в чисто идеологическом ключе, говоря, что Декларация “явилась одновременно и итоговым и программным документом, фиксировала уже достигнутые результаты, [...] намечала ориентиры для дальнейшей борьбы”², либо и вовсе ограничиваются лишь лаконичной и во многом бездоказательной оценкой, подчеркивая, что “Декларация прав была творением буржуазной мысли и носила на себе печать буржуазной ограниченности”³.

Что касается западных историков социалистического и марксистского направления, то, например, Альбер Матъез считал, что “Декларация была одновременно и определенным осуждением прежних злоупотреблений, и философским катехизисом нового порядка”⁴; то же выражение — “катехизис нового порядка” — употребляет и Альбер Собуль⁵. Одновременно начинает звучать и

¹ Здесь и далее тексты всех Деклараций цитируются по изданиям: *Les Constitutions de la France depuis 1789*. Paris, 1994; *Документы истории Великой Французской революции*. М., 1990. Т. 1.

² *Даниленко В.Н.* Декларация прав и реальность. М., 1989. С.23.

³ *Ревуенков В.Г.* Очерки по истории Великой французской революции 1789—1814 гг. СПб., 1996. С.91.

⁴ *Матъез А.* Французская революция. Ростов-на-Дону, 1995. С.86.

⁵ *Soboul A.* La Révolution française. Paris, 1983. P.184.

иной мотив. После принятия Декларации 1789 г., отмечает М. Пертюэ, “право окончательно интегрировалось во власть”. И добавляет: “Замысел любой декларации — наилучшим образом обосновать политические обязательства”¹.

Иными словами, одновременная направленность Декларации 1789 г. и в прошлое, и в будущее споров не вызывает. Несколько удивляет при этом, что почти никто не касается проблемы сопряжения текстов Деклараций и Конституций, начало которому будет положено уже в 1791 г. Но к этой теме мы еще вернемся.

Итак, новое право начало пронизывать собой власть. Но в 1789 году это было не просто право, а естественное право. Разумеется, сам этот тезис не вызывает сомнений, однако в последние десятилетия историки школы Собуля склонны придавать этому особое значение. «Само название “Декларация прав человека и гражданина”, — подчеркивает Флоранс Готье, — во всей своей силе показывает два вида существования: это естественное состояние человечества и состояние гражданства. [...] Естественный закон и его политическое выражение в естественном праве утверждают первенство естественного состояния человека по отношению к искусственному, политическому обществу. Колоссальная находка философии естественного права заключается не только в тезисе о том, что хорошее общество возможно, но и в жестком ограничении сферы политики естественным правом. Вот почему первый же акт, оформляющий это общество, *провозглашает* это естественное право”. Кроме того, добавляет она, “что особенно важно, власти взаимоподчинены: законодательная власть, власть высшая, не независима, она подчинена провозглашенным принципам, составляющим естественное право, а власть исполнительная напрямую подчинена законодательной”².

Таким образом, суть Декларации — это провозглашение некой доминанты (в данном случае естественного права), которой затем будут подчинены законодатели, а следовательно, и вся политическая жизнь страны. С этой точки зрения, логично, чтобы подобная доминанта оставалась неизменной независимо от политической конъюнктуры.

Изучение работ другой французской исторической школы, которая долгое время именовалась *ревизионистской*, дает иную пищу для размышлений. “Речь шла о том, чтобы основать новую власть *в недрах* старой, — отмечает Марсель Гоше. — Говоря иначе, необходимо было примирить установление легитимности нации с сохранением и уважением к легитимности короля”³. Сле-

¹ Pertué M. Déclarations des droits de l'homme et du citoyen // Soboul A. Dictionnaire historique de la Révolution française. Paris, 1989. P. 331—332.

² Gauthier F. Triomphe et mort du droit naturel en Révolution. Paris, 1992. P. 17.

³ Gauchet M. Droits de l'homme // Furet F. Ozouf M. Dictionnaire critique de la Révolution française. Paris, 1988. P. 689.

дую этой логике, очевидно, что с исчезновением королевской власти и Декларация неизбежно должна была измениться. Ф. Фюре, признанный глава этой школы, подчеркивает и еще один аспект. По его мнению, Декларация знаменовала в то же время и решительный разрыв с прошлым, поскольку должна была "основать новый общественный договор в рамках естественного права", тогда как Старый порядок противился самой идее договора. Отсюда, в отличие от американской Декларации независимости 1776 г., "сопряжение этих естественных прав с правом позитивным": "именно закон, исходящий из суверенной нации, становится верховным гарантом прав"⁹.

Однако нам кажется, что, хотя Декларация 1789 г., несомненно, повлияла на законодательство первых лет революции, заявленные принципы воспринимались скорее как цель, к которой необходимо стремиться для достижения гармонии в обществе, как некий "закон природы", который человек не в силах изменить¹⁰, чем как руководство к непосредственному действию¹¹. Этим, с нашей точки зрения, объясняется и то, что Декларация стала преамбулой Конституции 1791 г., которая в немалой степени ей противоречит¹²: законы, по которым *должно* жить общество, известны и продекларированы, но сразу же перейти от "деспотизма", как нередко называли тогда французский Старый порядок, к их исполнению вряд ли возможно. Однако трудно не заметить четко выраженное движение в этом направлении: хотя Конституция 1791 г. и отрицала равенство людей при выборах в органы власти, она, тем не менее, гарантировала всем свободу слова, передвижения, собрания, петиций, защищала права собственников.

К 1793 году, когда Конвент принял новую Конституцию, ситуация кардинально изменилась. И дело даже не только в том, что ушла в прошлое государственная машина Старого порядка, а Франция стала республикой. Смена политической элиты обще-

⁹ Furet F. La Révolution. Paris, 1988. P. 88—89.

¹⁰ Ср. у Монтескье: "Мир разумных существ далеко еще не управляется с таким совершенством, как мир физический, так как, хотя у него и есть законы, по своей природе неизменные, он не следует им с тем постоянством, с которым физический мир следует своим законам". О духе законов. I.1. Цит. по изд.: *Монтескье Ш.-Л. Избранные произведения*. М., 1955. С. 164.

¹¹ Ср. у А. Олара: "Что касается [...] точки зрения, с которой Декларация является программой общества, подлежавшего реорганизации, то члены Учредительного Собрания охотно оставили эту сторону Декларации в полутени, так как она отчасти противоречила тому буржуазному порядку, который они готовились установить". Политическая история французской революции. М., 1918. С. 32.

¹² Так, например, избирательный ценз, положенный в основу Конституции, *de facto* отрицает равенство людей в правах.

ства позволила идеологии, которая являлась мощной направляющей силой если не для якобинцев в целом, то, по крайней мере, для их руководителей, во многом подчинить себе политические требования момента. Меняется и Декларация прав, которая начинает рассматриваться не как идейная антитеза Старому порядку, а как идеологический фундамент нового режима.

При этом либеральная основа Декларации прав 1789 г. не отрицается, хотя и видоизменяется. Если ранее сохранение естественных прав было целью “каждого политического объединения”, то теперь эта задача возлагается на правительство¹³ (ст. 1), а сами права все те же — “свобода, безопасность, собственность” (ст. 2), хотя и в ином порядке. На месте права на сопротивление угнетению в ст. 2 оказывается равенство, однако само это право не исчезает, будучи закрепленным в ст. 33, и даже эволюционирует в право на восстание (ст. 34, 35). Также провозглашается, что “все люди равны от природы и перед законом” (ст. 3).

Поскольку в 1789 году существовала необходимость примирить заявление о том, что “источник любого суверенитета зиждется по существу в Нации” (ст. 3), с сохранением королевской власти, в Конституции были вынуждены записать, что “Нация, которая единственная является источником всех властей, может осуществлять их лишь путем делегирования”, поясняя, что именно она делегировала власть королю. В тексте 1793 г. понятие “нация” фактически заменяется на понятие “народ-суверен” — “суверенитет зиждется в народе; он един, неделим, неотъемлем и неотчуждаем” (ст. 25). Над избирательной системой более не довлеет имущественный ценз, законы должны выноситься на обсуждение народа, а законодательная и исполнительная власти становятся в равной мере избираемыми. Иными словами, Конституция 1793 г. намного более соответствует Декларации 1789 г., чем Конституция 1791 г.

Однако при всей важности ее анализа, с точки зрения эволюции французского либерализма, необходимо учитывать, что она так никогда и не была введена в действие, оставшись лишь “декларацией о намерениях”. И в 1795 году во Франции принимается последняя революционная Декларация — Декларация прав и обязанностей человека и гражданина, предварявшая Конституцию III года Республики. К тому времени революция продолжалась уже шесть лет и революционный опыт стал неотъемлемой частью законодательного процесса. Не случайно в своей знаменитой речи, прозвучавшей перед обсуждением в Конвенте проекта новой Конституции, Буасси д'Англа говорил: “Мы прожили за

¹³ В широком смысле слова (gouvernement).

шесть лет шесть веков. Пусть этот опыт, доставшийся столь дорогой ценой, не будет вами утрачен”¹⁴. Иными словами, идеи, высказанные в 1795 году, представляются нам тем более интересными, что они являются, с одной стороны, синтезом, а с другой — переосмыслением идей 1789 г., пропущенных через призму революционного опыта.

Отдавая себе отчет в том, что строгого канонического определения либеральных идей не существует, очертим тот круг проблем, который нас будет интересовать. В первую очередь это, безусловно, то понимание прав человека, которое сложилось к 1795 году. Помимо этого речь пойдет не только о правах человека “в чистом виде”, но и о расстановке акцентов внутри триады человек—общество—государство; эволюции тех либеральных ценностей, которые мы уже видели в предыдущих Декларациях.

Начнем с того, что исторические условия к 1795 году претерпели значительные изменения; иным стал и сам текст Декларации. Более того, анализ дискуссии вокруг принятия Конституции III г. Республики¹⁵ показывает, что ряд депутатов ставил под сомнение саму ее необходимость.

Открывая в Конвенте обсуждение новой Декларации прав, Дону, докладчик Комиссии одиннадцати, ответственной за разработку конституционного проекта, счел необходимым подчеркнуть, что Комиссия “хотела не создавать новую декларацию прав, а убрать из первой (1789 г. — *Д.Б.*) все, что в ней было роялистского, а из последней (1793 г. — *Д.Б.*) — анархического, чтобы создать настолько совершенное единство, насколько возможно”¹⁶. Таким образом, необходимость изменений была продекларирована с самого начала.

Однако прежде, чем обсуждать сам проект, депутат Майль сразу же поставил вопрос: “Какова ваша цель составления декларации прав человека и гражданина? Будет ли эта декларация обязательной или же она будет представлять лишь блистательную череду философских абстракций?”¹⁷. Это выступление во многом было спровоцировано тезисом Буасси д’Англа о том, что “эта де-

¹⁴ Réimpression de l'Ancien Moniteur (далее — Moniteur). Т. 25. Paris, 1854. P.81.

¹⁵ Проект Конституции прошел в Конвенте два чтения. Первое длилось с 16 мессидора III г. (4 июля 1795 г.) по 25 термидора (12 августа), второе — с 25 по 30 термидора (12—17 августа). Конвент одобрил проект 5 фрюктидора (22 августа), первичные собрания собрались 20 фрюктидора (6 сентября), а 1 вандемьера (23 сентября) об одобрении Конституции народом было торжественно объявлено с трибуны Ассамблеи.

¹⁶ Moniteur. Т.25. P.148.

¹⁷ Ibidem.

кларация — не закон, [...] она должна быть собранием всех принципов, на которых зиждется социальная организация: это необходимая преамбула всякой свободной и справедливой конституции; это наставление для законодателей”¹⁸. Иными словами, по мысли создателей Конституции III года, Декларация не должна была быть законом прямого действия, однако она и не теряла своего значения, поскольку ею был обязан руководствоваться всякий член Законодательного корпуса.

Но нужна ли она тогда, спрашивал Майль, если заложенные в ней принципы не являются обязательными для исполнения? По его мнению, поддержанному депутатом Бэйлелем, необходимо определить ее “природу, предмет и действие”, заложить в нее некое “изначальное правило, основу правления”¹⁹. А пока этого нет, депутаты предлагали перейти к обсуждению самой конституции. Однако взявший вслед за ними слово депутат Рузе поставил проблему иным образом: Декларация была нужна в 1789 году в качестве антитезы тем основам, на которых покоился Старый порядок. Не возражая против ее теоретических основ, Рузе говорил: “Пусть все наши законы будут основаны на самых лучших принципах, но воздержимся же от того, чтобы придавать характер закона этим самым принципам”. Главная задача депутатов, по его мнению, — это выработка законов, но поскольку “мы еще не до конца излечились от мании преамбул”, то пусть какая-нибудь преамбула и будет, лишь бы она не претендовала на обязательное исполнение²⁰.

Однако Дону, отвечавший на эти реплики, был уверен, что Конвенту не простят отказ от Декларации прав. Не возражая по существу, он призывал: “Не дадим террористам”²¹ и недоброжелателям возможности сказать, что мы растоптали Хартию прав человека и гражданина”. После этого Конвент перешел к обсуждению текста Декларации.

Что же имели в виду депутаты, говоря, что необходимо определить “природу” и “предмет” Декларации? Вернемся к этому вопросу, рассмотрев, предложения Комиссии одиннадцати.

Первая статья Декларации 1795 г. звучала следующим образом: “Целью общества является всеобщее счастье. Правительство учреждается для того, чтобы гарантировать человеку пользование своими правами”²². Итак, исчезла ст. I Декларации 1789 г.: “Все

¹⁸ Ibid. P.109.

¹⁹ Ibid. P.149.

²⁰ Ibid. P.150.

²¹ Так при Термидоре нередко называли сторонников робеспьеристского режима.

²² Moniteur. T.25. P.150.

люди рождаются и остаются свободными и равными в правах”²³. А та статья, которая теперь стала первой, изменилась и по сравнению с 1793 годом, когда отмечалось, что “правительство учреждается для того, чтобы гарантировать человеку пользование его естественными и неотъемлемыми правами”.

Обратим внимание: “естественные права” в новой Декларации уже не упоминаются. Но споры вызвало даже сохранение понятия “всеобщее счастье”, поскольку депутат Буасьё потребовал определить, что же это такое. Ответ Ланжюине, члена Комиссии одиннадцати, был весьма характерен: “За две тысячи лет можно насчитать 288 определений счастья; вряд ли мы можем надеяться сегодня дать самое лучшее, так что давайте откажемся от этой статьи”. Его предложение поддерживается депутатом Шенье: “Какова цель правительства, чье существование свидетельствует о наличии цивилизованного общества? Гарантировать права, которые каждый привнес с собой, входя в общество”²⁴. В итоге первая статья приобрела следующий вид: “Правами человека в обществе являются свобода, равенство, безопасность, собственность”.

Отметим, что уже тогда Жан Дебри предлагал включить в список этих прав право на труд, которое в XIX в. стало одним из главных требований демократов и социалистов, но его предложение было отклонено. Как сказал Ланжюине, “это не право человека, это скорее обязанность общества по отношению к каждому из своих членов”. Чего оказалось достаточно, чтобы дискуссия сошла на нет²⁵.

В исторической ретроспективе эта небольшая часть дискуссии оказывается принципиально важной в двух аспектах. С одной стороны, мы можем наблюдать за кристаллизацией как либеральных ценностей, так и, в определенной мере, либерального идейного и политического течения. Оно во многом ассоциирует себя с идеями 1789 г., но решительно дистанцируется как от правых (роялистов), так и от левых (якобинцев).

С другой стороны, Конвент решается не только убрать из Декларации упоминание о естественных правах, но и вообще переориентировать ее только на признание прав человека *в обществе*.

Кроме того, Декларация постепенно избавляется от абстракций, которые каждый мог толковать по-своему (например, якобинцы толковали ее в духе фактического равенства), приобретая недвусмысленные формулировки касательно того, что общество *действительно* должно было гарантировать человеку. На первый взгляд, это знаменовало решительный разрыв с предшествующей революционной традицией.

²³ В 1793 г. она звучала следующим образом: “Все люди равны по природе и перед законом” (ст. 3).

²⁴ *Moniteur*. T.25. P.150—151.

²⁵ *Ibid*. P.151.

Однако прежде чем делать какие-либо выводы, рассмотрим подробнее, что понимали термидорианцы²⁶ под свободой, равенством, безопасностью и собственностью.

Начнем с понятия “свобода”. Сама статья Декларации, непосредственно касающаяся свободы, выглядела следующим образом: “Свобода состоит в возможности действовать не во вред правам другого” (ст. 2). При сравнении с Декларацией 1789 г. становится заметно, что если первая часть ее четвертой статьи воспроизведена практически дословно²⁷, то вторая часть в тексте 1795 г. оказалась опущена — исчезла фраза: “Таким образом, осуществление естественных прав каждого человека имеет лишь те границы, которые обеспечивают прочим членам общества пользование теми же самыми правами. Границы эти могут быть определены только законом”. В Декларации 1793 г. эта статья звучала следующим образом: «Свобода есть присущая человеку возможность делать все, что не причиняет ущерба правам другого; ее основу составляет природа, а ее правило — справедливость; обеспечение свободы есть закон. Нравственную границу свободы составляет следующее правило: “Не причиняй другому того, что нежелательно тебе самому от других”» (ст. 6).

Иными словами, в Декларации 1795 г. отсутствуют как всякое упоминание о естественных правах человека, так и абстрактные морально-нравственные аспекты.

Особое место термидорианцы отводили свободе печати. В первоначальном проекте Декларации даже была специальная статья (ст. 4): “Каждый человек свободен выражать свои мысли и свои мнения. Свобода печати и любого другого способа обнародовать свои мысли не может быть ни запрещена, ни приостановлена, ни ограничена”²⁸. Однако сразу же было замечено противоречие с предыдущей статьей, где свобода вообще все-таки ограничена. К тому же не совсем ясно, почему “возможность действовать не во вред правам другого” не подразумевает печать. Так может быть, специальная статья про свободу печати и вовсе не нужна? Нет, возражает Буасси, “это право столь существенно, столь драгоценно и столь священо, что можно не бояться сказать слишком много, чтобы его сохранить”²⁹. Был предложен и иной выход — сделать из двух статей одну и сформулировать ее следующим об-

²⁶ Оговоримся, что мы используем это слово без всякого презрительного оттенка, с которым его нередко употребляют, имея в виду лишь политическую элиту 1794—1795 гг., пришедшую к власти благодаря перевороту 9 термидора II года Республики (27 июля 1794 г.), свергнувшему Робеспьера и его соратников.

²⁷ По предложению депутата Эрмана добавлено лишь слово “правам” (*Moniteur*. Т. 25. Р. 151).

²⁸ *Moniteur*. Т. 25. Р. 151.

²⁹ *Ibid.* Р. 152.

разом: "Свобода состоит в праве делать, говорить, печатать и обнародовать все, что не идет во вред правам другого". Но и этот вариант отклонили, поскольку он подразумевал создание некоего органа, выясняющего, что же именно "не идет во вред правам другого"; иначе говоря, установление цензуры³⁰. В итоге было решено вовсе отказаться от этой статьи, поскольку депутаты нашли, что данное ранее определение свободы и ее границ ничем не противоречит свободе печати.

Столь важное место, отводившееся термидорианцами свободе печати, объясняется, с нашей точки зрения, двояко. С одной стороны, поскольку в Конституции 1795 г. отсутствовало положение об утверждении законов непосредственно народом, именно на печать и на общественное мнение возлагалась обязанность хотя бы в какой-то мере влиять на законодателей. С другой стороны, к 1795 г., после опыта якобинской диктатуры, большинство депутатов прекрасно представляли себе, что значит утратить возможность свободно высказывать свои мысли.

Количественный и лексический анализ выступлений депутатов Конвента, прозвучавших в ходе дискуссии по проекту Конституции, наводит на следующие размышления. Для термидорианцев свобода лежала в основе большинства (если не всех) иных прав человека — она коррелируется и с правами человека в целом, и с равенством, и с собственностью, и с правом высказывать свои мысли. При этом она упоминается практически всегда в положительном контексте, хотя и прослеживается четкое понимание того, что у свободы должны быть определенные границы. "Вы хотите неограниченную свободу? — задавал риторический вопрос Ланжюине. — Ну что ж, вы получите вместе с ней анархию³¹, хаос и угнетение. Потребуется, чтобы она была ограничена правами другого? Вы получите социальный порядок, благотворное правление законов и истинную свободу"³².

Хочется также отметить, что в дискуссии, как и в самой Декларации, свобода ни разу не рассматривается как естественное право. Напротив, ее залог видят в разумном государственном устройстве (мудрой конституции, разделении властей, их обновлении, республике в целом). В то же время указывается, что ей угрожают деспотизм, партии³³, тирания, анархия, т.е. опять же то, что угрожает и стабильности в обществе.

³⁰ Ibidem.

³¹ В 1795 г. под "анархией" чаще всего понималось не ее классическое, античное определение, а диктатура якобинцев.

³² *Moniteur*. Т. 25. Р. 152.

³³ Отрицательное отношение к партиям во время революции во многом вызвано представлением о единстве народного суверенитета. Соответственно, под "партиями" нередко понимали "клику", "группу заговорщиков".

Из большого круга понятий, связанных у термидорианцев со свободой, видно, что с ней ассоциировалось все самое лучшее — и высшее благо, и равновесие властей, и независимость, и законность, и справедливость, и политический порядок. В то же время несовместимыми со свободой они считали понятия, окрашенные отрицательно, — неограниченную демократию, частые изменения в конституции, невежество и честолюбие.

Анализ других документов эпохи дает некоторые дополнительные нюансы. Так, например, в одном из проектов, присланных в Комиссию, требовалось декларировать не только свободу делать что-либо, но и свободу не делать — в пример приводился негр-раб, который должен иметь свободу не работать на своего хозяина³⁴. Не совсем обычное определение свободы дает в своих записях Э.-Ж. Сийес: "Свободный человек — тот, кто повинуетя лишь собственной воле. Если он повинуетя общему закону, ему нужно помогать это делать"³⁵.

Следующее понятие, включенное термидорианцами в список прав человека, это равенство, служившее одной из идейных основ якобинской диктатуры и внушавшее немало опасений новым собственникам. Из анализа дискуссии видно, в какой тесной связи находились для термидорианцев понятия "равенство" и "свобода", "равенство" и "права человека". Многие выступления термидорианцев с трибуны Конвента были пронизаны мыслью о том, что равенство необходимо, но не абсолютное, "химера и иллюзия", а равенство прав, равенство гражданское и политическое, равенство перед законом³⁶. Добавим также, что существовала и настоящая потребность точно определить, что же такое равенство. "Плохо объясненное равенство — краеугольный камень здания терроризма и анархии", — писал в Комиссию один из ее корреспондентов³⁷.

Ст. 3 Декларации 1795 года трактовала равенство следующим образом: "Равенство состоит в том, что закон является единым для всех как в тех случаях, когда он охраняет, так и в тех случаях, когда он карает. Равенство не допускает никаких различий в за-

³⁴ Archives Nationales (далее — А.Н.), С. 227, d.183 bis * 3/3, doc.84.

³⁵ Таким образом, у Сийеса получается, что, повинаясь существующим в обществе законам, человек утрачивает свободу, однако общество заинтересовано в том, чтобы всячески такого человека поддерживать (А.Н., 284 AP 5, d.1, doc.2).

³⁶ В сходном плане равенство рассматривают авторы многих памфлетов и проектов. См., например: А.Н., С 228, d.183 bis * 4/1, doc.22; Ibid., С 229, d.183 bis * 6/2, doc.64; *Quelques pourquoi la nouvelle déclaration des droits de l'homme*. S.I., s.d., p.4; *Catéchisme révolutionnaire*..., p.14—16; *Catéchisme de la déclaration des droits de l'homme et du citoyen*. Bruxelles, III, p.18; *Catéchisme des décades, ou Instruction sur les fêtes républicaines, établies par La Convention Nationale*. Commercry, III.

³⁷ А.Н., С 228, d.183 bis * 4/2, doc.78.

висимости от рождения, никакой наследственной власти". Определение едва ли не более полное, чем было дано в 1789 и 1793 гг. Чем же вызвана подобная тщательность? По большому счету, опытом предыдущих лет Революции.

Принимавший участие в дискуссии американец Томас Пейн как-то писал: "Причина всех раздоров, которыми была охвачена Франция по мере продвижения Революции, не в принципе равных прав, а в нарушении этого принципа"³⁸. Не ставя этот принцип под сомнение, термидорианцы постарались определить его так, чтобы исключить возможность различных толкований в эгалитаристском духе. Как говорил Буасси д'Англа, "гражданское равенство — вот все, что человек разумный может требовать. Абсолютное равенство — химера; чтобы оно существовало, необходимо, чтобы существовало полное равенство в умственных способностях, добродетельности, физической силе, образовании, удачливости всех людей"³⁹.

Однако этого обоснования оказалось недостаточно для того, чтобы не возник вопрос о том, почему уже привычное положение Декларации прав 1789 г. о том, что "все люди рождаются и остаются свободными и равными в правах", все же отсутствует. Когда Дефермон поднял этот вопрос при первом чтении, Ланжюине, участвовавший еще в обсуждении Декларации прав 1789 г., довольно-таки резко ему ответил: "Мне кажется, что Декларация прав уже составлена, и нам не стоит себя развлекать, составляя вторую, в соответствии с совершенно иной системой — иначе мы погрузимся в бесконечные дискуссии". После чего следует весьма значимое дополнение: "Если бы я хотел входить в детали статьи, которую предлагает Дефермон, то я мог бы сказать, что она была придумана лишь для того, чтобы запретить дворянство. Это было последнее средство, которое у нас с Петионом оставалось⁴⁰ и которое мы употребили, чтобы уничтожить эту привилегированную касту; но с тех пор, как она более не существует, мне кажется, что статья лишилась своего предмета"⁴¹. Иными словами, вновь звучит тот же мотив: то, что было полезно и актуально в 1789 году, совершенно не обязательно повторять теперь, по прошествии шести лет революции.

³⁸ *Paine Th. The Complete Writings of Thomas Paine. N.-Y., 1945. Vol. I. P. 585.*

³⁹ *Moniteur. T. 25. P. 92.*

⁴⁰ Ланжюине имеет в виду эпизод дискуссии вокруг принятия Декларации прав 1789 г., когда Мунье, видный деятель Учредительного собрания, предложил сформулировать ст. I следующим образом: "Все люди рождаются свободными и равными в правах". Однако Ланжюине и Петион, считавшиеся в то время "левыми", настояли на добавлении слов "и остаются", мотивируя это тем, что родиться-то можно свободным, а вот дальше жить в рабстве (*La déclaration des droits de l'homme et du citoyen. Présentée par Stéphane Riols. Paris, 1988. P. 222—223.*)

⁴¹ *Moniteur (T. 25. P. 157—158).*

Несмотря на то, что дискуссия была закрыта, депутаты так или иначе вновь и вновь возвращались к этому вопросу, по большей части высказывая негативное отношение к присутствию подобной статьи в конституции. Так, например, 21 мессидора (9 июля) тот же Ланжюине говорил: “Если исходить из принципа, что люди рождаются свободными и равными в правах, я хочу спросить всех творцов системы, что они будут делать с бешеными, сумасшедшими, женщинами, детьми и иностранцами”⁴².

При втором чтении уже Майль возражал тем, кто требовал восстановления этой статьи, “люди рождаются равными, — говорил он, — но они не остаются таковыми даже в естественном состоянии, поскольку ничто не гарантировано до учреждения общества; в этом состоянии нет иного права, кроме права силы. И в общественном состоянии люди сохраняют полученное при рождении право на равенство не более чем в природном, поскольку, вырастая, они не приобретают равную долю силы, равную долю разума и других возможностей”. Ведь и право гражданства, продолжал Майль, дается не всем людям⁴³. А депутат Гарран вообще не видел в конституции никакого несоответствия принципу равенства, так как ограничения накладываются на всех без исключения, следовательно, все остаются равны. Вилетар пытаясь успокоить недовольных, утверждал, что право не теряется, не будучи провозглашенным, а Ланжюине подчеркнул возможность народного восстания в случае восстановления в декларации этой статьи и предложил прекратить дискуссию, поскольку, раз неамериканец не может претендовать на то, чтобы пользоваться правами, провозглашенными американской конституцией, значит уже не все люди на земле остаются равными в правах, а следовательно, и вопрос исчерпан⁴⁴.

Любопытно посмотреть, что думали об этом некоторые современники за пределами Конвента? “Люди равны, слышим мы, — писал популярный в то время публицист А. де Лезэй-Марнезия. — Физически? Великан докажет вам, что он не равен карлику. Морально? Сократ будет отрицать, что он равен отцу Дюшену. Интеллектуально? Локк никогда не поверит, что он равен Ноэль-Пуанту⁴⁵. В природе? Если бы это было так, то так бы и осталось.

⁴² То есть со всеми категориями населения, которые не имели в то время избирательных прав (Moniteur. T. 25. P. 196).

⁴³ Ibid. P. 497.

⁴⁴ Разумеется, Америка здесь была приведена лишь для примера, хотя и достаточно авторитетного. Имелось в виду, что в принципе граждане одной страны, находящиеся на территории другой, защищены там законом, но не пользуются при этом рядом прав, например правом избирать органы власти (ibid. P. 497–499).

⁴⁵ Пуант Ноэль (1755–1825), депутат Конвента от департамента Роны-и-Луары, монтаньяр. Чем именно он заслужил противопоставление с Локком, не совсем понятно.

Наконец, в обществе? Да, но и здесь, послушайте-ка. Бесспорно, в обществе те, кто вносит одинаковый взнос, имеют одинаковое право на государственную собственность и на доходы с нее и в этом плане равны между собой. Это очевидно, но будут ли им равны те, кто, не внося тот же вклад, захочет присоединиться к ним в пользовании правами? Не будет ли настоящей привилегией возможность получить оттуда, куда ничего не внес?" Эти люди "находятся в природном состоянии под защитой государства, никак не более того [...]; это иностранец, защищенный законом, но подчиняющийся законам той страны, где путешествует"⁴⁶.

А вот мнение автора одного из присланных в Комиссию проектов новой Конституции, Экеля: "Именно во имя равенства разбойники стали хозяевами самой прекрасной империи мира, на много веков назад отбросили науку и искусство, развязали войну со своими же соотечественниками, послали тысячи людей на эшафот, стреляли в них и топили их. Именно этому губительному равенству мы обязаны всеми бедами, которые обрушились на Францию за последние пять лет"⁴⁷.

"Никакой закон, — считает другой известный публицист, Ж.-Ж. Ленуар-Лярош, — никакое человеческое могущество не могут сделать, ни чтобы Анит⁴⁸ стал Сократом, ни чтобы глупец — гением". Вплоть до наших дней, продолжал он, легче "поместить Марата в Пантеон, чем дать ему голову Ньютона или Монтескье"⁴⁹. Об этом же пишут и во многих письмах, полученных Комиссией одиннадцати⁵⁰.

В конце концов депутаты решают не включать спорную статью в Декларацию; Термидор расстается с эгалитаристскими устремлениями якобинцев, сохраняя лишь равенство перед законом.

Безопасность, стоящая третьей в списке прав человека, особых дискуссий не вызвала. Депутаты согласились с предложенной Комиссией формулировкой, которая гласила: "Безопасность основывается на содействии всех в обеспечении прав каждого" (ст. 4).

⁴⁶ *Lezay-Marnetia A. de. Les ruines ou voyage en France. Paris, 1795. P. 35—36.* Здесь очевиден отзвук дискуссии о том, кому следует предоставлять право гражданства и возможно ли при этом ввести имущественный ценз, не нарушая принципа равенства.

⁴⁷ *Hékel J.M. Nécessité des loix organiques, ou La constitution de 1793, convaincu de Jacobinisme. Paris, III. P.3—4.* Здесь уже очевидно влияние воспоминаний о правлении якобинцев.

⁴⁸ Греческий политический деятель V—IV вв. до н.э., один из обвинителей Сократа.

⁴⁹ *Lenoir-Laroche J.J. De l'esprit de la Constitution qui convient à la France, et examen de celle de 1793. Paris, III. P. 93.*

⁵⁰ См., напр.: А.Н., С 227, d.183 bis * 3/1, doc.26, p.28.; *Ibid.*, d.183 * bis 3/3, doc.104; *Ibid.*, С 228, d.183 bis * 5/1, doc.20; *Ibid.*, d.183 bis * 5/3, doc.89.

А вот собственность, названная последней в числе прав человека, вызвала целую бурю эмоций. "Право собственности — это право пользоваться и распоряжаться своим имуществом, своими доходами, плодами своего труда и своих умений (*industrie*)". Так эта статья была сформулирована в проекте, и именно так она вошла в итоговый текст Декларации (ст. 5). В принципе, включение собственности в число прав человека не содержало в себе ничего нового. Еще в Декларации 1789 г. она называлась правом "неприкосновенным и священным" (ст. 17). Декларация 1793 г. включала собственность в число "естественных и неотъемлемых прав" (ст. 2), а ее 16-я статья легла в основу только что процитированной статьи 1795 г. Впоследствии депутат Бодо писал об этом: "Национальный Конвент всегда рассматривал собственность как основополагающую часть социального строя, и я никогда не слышал, чтобы хотя бы один член этой Ассамблеи произнес или сделал предложение, противное этому великому принципу"⁵¹.

Однако, хотя во время обсуждения самой Декларации вопрос о праве собственности и его трактовке не возник, Конвент посвятил не один час его обсуждению в связи с положением о гражданстве. Проект, предложенный Комиссией, исходил из того, что возраста в 21 год и годичного проживания на территории республики недостаточно, для того чтобы стать гражданином. Надо еще и быть налогоплательщиком. Поскольку поначалу институт выборщиков не предусматривался, то для депутатов требовался более серьезный имущественный ценз, который в результате дискуссии оказался переложенным на выборщиков⁵².

И именно имущественный ценз стал настоящим камнем преткновения при обсуждении вопросов гражданства и выборов в законодательный корпус. Самым резким выступлением в этой дискуссии была, несомненно, речь Томаса Пейна, произнесенная 19 мессидора (7 июля). Решительно выступив против ценза, Пейн обвинил депутатов в том, что они пытаются изменить саму основу революции: "от принципов к собственности". Если гражданами будут называться не все, "какое же имя получит оставшаяся часть народа?" — спрашивал он и подчеркивал, что подобный ценз противоречит трем первым статьям Декларации: объявляю-

⁵¹ Baudot M.-A. Notes historiques sur la Convention Nationale, le Directoire, l'Empire et l'exil des votants. Genève, 1974. P. 93.

⁵² Интересный парадокс: с одной стороны, декларировалось, что поскольку имущественный ценз вводится для выборщиков, то для депутатов он необязателен — их можно избирать и по талантам. С другой, как обмолвился Крезе-Лауш, бывший членом Комиссии одиннадцати, "я признаю, что большая часть законодателей выйдет из выборщиков" (Moniteur. T. 25. P. 307).

щей целью общества всеобщее благо, провозглашающей равенство и определяющей свободу. Его выступление вызвало настолько резкое противодействие, что даже опубликовать речь решили лишь потому, что каждый депутат имел право печатать собственное мнение о проекте конституции⁵³.

Однако по сути дела возражений приведено не было. Мерлен из Дуэ лишь с горячностью отметил, что отнюдь не только собственник может быть гражданином, а любой платящий налоги, и выразил уверенность, что депутаты не захотят вручить судьбу государства “людям, которые ничего из себя не представляют и ничего не производят”⁵⁴. Были и другие аргументы. Так, Байлей отметив, что ведь человек может и начать платить налог, если хочет стать гражданином, подчеркнул: “Мы отнюдь не хотим исключить ни почтенного отца семейства, ни трудолюбивого ремесленника, ни уважаемого рабочего”⁵⁵. Не углубляясь в дискуссию об имущественном цензе, отметим, что он в Конституции сохранился, хотя для граждан был весьма невелик, фактически ограничиваясь требованием платить какой-либо налог⁵⁶.

В то же время сама проблема была, несомненно, шире этой конкретики; здесь столкнулись две противоположные концепции. Как писал Янник Боск, французский историк, посвятивший не один год изучению проблем, связанных с теорией прав человека и ее применением в революции, “если принять в качестве цели общества гарантирование права собственности, то логично отдать его под управление собственников и признать за собственностью самой по себе моральное превосходство; если же, напротив, считать, что общество должно гарантировать право на существование, то быть собственником — уже не показатель добродетельности и отправление права собственности не должно давать никаких особых преимуществ управлять обществом”⁵⁷.

К 1795 г. признание исключительной роли собственников в управлении страной стало среди термидорианской политической элиты настолько общим местом⁵⁸, что было бы удивительно, если бы составители проекта Конституции не учли этого. Многие по-

⁵³ *Moniteur*. Т. 25. Р. 171—173. Более подробно о точке зрения Т.Пейна см. работы Я. Боска, например: *Bosc Y. Paine et Robespierre: propriété, vertu et révolution // Robespierre. De la Nation artésienne à la République et aux Nations. Actes du Colloque. Lille, 1994. Р. 245—251.*

⁵⁴ *Moniteur*. Т. 25. Р. 195—196.

⁵⁵ *Ibid.* Р. 197.

⁵⁶ Ценз для выборщиков был значительно выше.

⁵⁷ *Bosc Y. Wahnich S. Les voix de la Révolution. Paris, 1990. Р.297.*

⁵⁸ Ни в одном из писем или проектов, присланных в Комиссию одиннадцати, это не оспаривается.

литические сочинения того времени недвусмысленно это подчеркивают. Приведем лишь несколько высказываний.

Фрерон: “Собственность — единственный фундамент и единственная гарантия хорошего правления. [...] Собственность — основа общества”⁵⁹. Лезэй-Марнезия: “Только собственник имеет право распоряжаться своей собственностью, и только собственники имеют право управлять страной”⁶⁰. Дюпон де Немур: “Очевидно, что собственники, без согласия которых никто в стране не может ни жить, ни есть, в высшей степени граждане. Они — суверены милостью Божьей, милостью природы, их работы и успехов их предков”⁶¹.

Собственность казалась термидорианцам одной из немногих основ для устойчивости, стабильности режима. С одной стороны, люди имущие, как правило, являлись противниками дальнейшего перераспределения собственности, а значит, и противниками продолжения Революции. С другой — собственники поддержат только тот режим, который будет гарантировать их от подобного перераспределения. Они не пойдут ни за монтаньярами с их эгалитарными тенденциями, ни за ультрароялистами — из опасения перед возвращением эмигрантов. Буасси д’Англа даже счел необходимым подчеркнуть, что “бедность неимущих имеет такое же право на защиту, как и изобилие богатых; произведенное ремесленником, как и урожай земледельца”⁶². Без сомнения, часто цитируемая фраза: “мы должны управляться лучшими” (под которыми понимались люди, обладающие собственностью) была им произнесена, однако он тут же мотивировал свое мнение: “Лучшие более образованы и более заинтересованы в поддержании законов; итак, за малыми исключениями, вы найдете достойных людей лишь среди тех, кто, обладая собственностью, привязаны к стране, в которой живут, к законам, которые их защищают”⁶³.

В плане защиты собственности характерно, что помимо включенного в Декларацию положения о том, что никто не может продавать себя или быть продан (ст. 15), было предложено добавить и еще одну статью, почти дословно взятую из текстов 1789 и 1793 гг.: “Никто не может быть лишен своей собственностью без его согласия, кроме случаев, когда этого требует законным образом установленная общественная необходимость, и лишь при

⁵⁹ Цит по: *Peltier J.-G. Paris pendant l'année 1795. Londres, 1795. Vol. I. N 7, 18. VII. 95. P. 417—418.*

⁶⁰ Цит по: *Peltier J.-G. Op. cit. Vol. 2. N 16, 19. IX. 95. P. 503—505.*

⁶¹ Цит по: *Anlard A. La Constitution de l'an III et la République bourgeoise // La Révolution française. Paris, 1900. T. 38. N 2. P. 123.*

⁶² *Moniteur. T. 25. P. 93.*

⁶³ *Ibid. P. 92.*

условии справедливого возмещения". При этом депутаты сразу же обратили внимание на исчезновение в проекте уточнения того, что это возмещение обязательно должно быть предварительным. И только благодаря выступлению депутата Гаррана, напомнившего, что государство иногда вынуждено действовать без промедления, текст решили не менять⁶⁴.

Закончив рассказ о том, каким образом интерпретировались в Декларации 1795 г. права человека и гражданина, напомним, что, как известно, кроме прав, туда были включены и обязанности, суть которых сформулирована в двух предложениях: "Не делайте другому того, что вы не хотите, чтобы сделали вам. Постоянно делайте другим то доброе, что вы хотели бы получить сами" (ст. 2). При этом сама идея отнюдь не была нова и оригинальна. Она восходит к Новому Завету и уже предлагалась Камю в 1789 году и Раффроном в 1793-м. Тогда эти предложения были отклонены, теперь же они прошли после простого выступления депутата Фора 11 мессидора (29 июня)⁶⁵. Видимо, опыт революции убедил депутатов, что прав без обязанностей не существует. Ведь как писал Т. Пейн в том же 1795 г., "когда мы говорим о правах, мы должны всегда объединять их с идеей об обязанностях: права становятся обязанностями. Право, которым я пользуюсь, оборачивается моей обязанностью гарантировать его другому, а его — мне..."⁶⁶. Много предложений дополнить права обязанностями было и в различных проектах⁶⁷.

Теперь, рассмотрев Декларацию, нам хотелось бы снова вернуться к пониманию вопроса, который нам представляется крайне важным: чем же она была для термидорианцев? Имея в виду вопрос более широкий: чем были для революционеров того времени эти принципы и как они сопрягались с практикой?

Лучше всего об этом сказал, пожалуй, депутат Конвента Камбасерес: "Декларация прав — это, так сказать, вдохновитель (*le patron*) конституции, а она сама — не более чем собрание регламентирующих законов, основанных на Декларации"⁶⁸. Иными

⁶⁴ *Moniteur*. T. 25. P. 157.

⁶⁵ *Ibid.* P. 111. Хотя Тибодо в своих мемуарах и утверждает, что большинство членов Комиссии были за Декларацию обязанностей (*Thibaudeau A.-C. Mémoires sur la Convention et le Directoire*. Paris, 1824. Vol. I. P. 180), в проекте, предложенном Комиссией Конвенту, она не фигурирует.

⁶⁶ *Paine Th. Op. cit.* Vol. I. P. 579—580.

⁶⁷ См., напр.: A.N., C 228, d.183 bis * 4/3, doc.86; *Ibid.*, d.183 bis * 5/2, doc.70; *Ibid.*, C 232, d.183 bis * 12, doc.35; Dupont de Nemours. P. S. Du pouvoir législatif et du pouvoir exécutif, convenables à la République française. Paris, III. P.8; Delaplanche. Plan d'organisation applicable à la Constitution qui convient le mieux à la République Française. P., III. P. 101—103; Quelques pourquoi sur la nouvelle déclaration des droits de l'homme. S.l., s.d. P.6.

⁶⁸ *Moniteur*. T. 25. P.151.

словами, предполагалось, что законодатели будут руководствоваться Декларацией в качестве моральной основы для составления законов (и Конституции в том числе), но сама она, как об этом и говорилось выше, силы закона иметь не будет.

Вне всякого сомнения, на подобном решении сказался и личный опыт политиков, прекрасно помнивших о временах якобинской диктатуры и Декларации 1793 г., в которую было включено казавшееся совершенно неприемлемым при Термидоре право на восстание⁶⁹. Однако люди 1795 г., как иногда называли себя термидорианцы, все еще чувствовали себя обязанными платить по счетам 1789 г. И когда в самом конце дискуссии, 26 термидора (13 августа), депутат Арди решил было расставить все точки над *i*, предложив отдельную статью, в которой говорилось бы: "Декларация прав и обязанностей — не закон; она должна рассматриваться только как база общественного договора", Дону, один из творцов Конституции, немедленно отреагировал: "Вы все чувствуете, граждане, насколько опасно было бы объявлять, что Декларация прав — не закон"⁷⁰. Судя по всему, это чувствовали действительно все: предложение Арди было отвергнуто без дальнейших обсуждений.

Как писал известный историк Бронислав Бачко, "Термидор — это ключевой момент, когда Революция должна нести бремя своего прошлого и признавать, что она не сдержит всех своих изначальных обещаний"⁷¹. От некоторых из этих обещаний, как, например, от закрепленных в Декларации 1793 г. прав на образование и на общественное призвание, в 1795 году отказались без лишнего шума, прекрасно понимая их неосуществимость на практике (разумеется, для того времени). Несколько по-иному обстояло дело с естественными правами и философскими абстракциями.

Поскольку тексты Деклараций и Конституций и 1789 и 1793 г. постоянно присутствовали в сознании термидорианцев, то и для нас будет правомерным вопрос: была ли Конституция III года республики разрывом с предыдущей традицией или же ее продолжением? Следует ли ее рассматривать как возврат в 1789 г. или как его отрицание? Мнения историков отнюдь не однозначны.

⁶⁹ В Декларации 1793 г. содержались крайне размытые формулировки этой статьи: "Когда правительство нарушает права народа, восстание для народа и для каждой его части есть самое священное из прав и самая неотложная из обязанностей" (ст. 35). При этом не уточнялось, ни что понимается под "правительством", ни сколько человек имеет право считать себя "частью народа", ни кто должен судить о том, нарушаются права народа или нет.

⁷⁰ По всей видимости, Дону не хотел привлекать лишнего внимания к статусу Декларации, которая раньше многими воспринималась как неотъемлемая часть конституции, т.е. именно как закон (*Moniteur*. Т. 25. Р. 501).

⁷¹ *Baczko B. Comment sortir de la Terreur*. Paris, 1989. Р. 353.

Первая и, пожалуй, доминирующая точка зрения: 1795 г. на новом этапе подхватывает знамя, под которым велась законодательная работа в 1789—1791 гг. “Революция возвращалась на круги своя, — пишет Ф. Фюре. — Она вновь обсуждала Декларацию прав, суверенитет народа, представительство. Она старалась составить текст, который сделал бы невозможным всякий возврат к революционному правительству, которое называли “анархией”, режимом без законов, и закончить, наконец, 1789 год Республикой, управляемой разумом и собственностью”. В новой Декларации, по его мнению, “мы находим верховенство закона, выражение всеобщей воли как гарантии прав. Равенство, как всегда, в числе прав человека, вместе со свободой, безопасностью, собственностью, но оно вновь обретает свой статус 1789 г., определенный одними и теми же правами каждого гражданина перед лицом закона”. Были и некоторые различия: наряду с правами, появились обязанности, в чем Учредительное собрание отказало монархистам в июле—августе 1789 г.; вновь был рассмотрен вопрос о народном суверенитете⁷².

Сходную точку зрения защищает Д. Воронов: “Если Конституцию 1793 г. можно определить с позиций ее демократических и эгалитарных устремлений, то новые институты базировались на двух принципах: собственность и свобода. Тем самым термидорианцы вновь обрели связь с Конституцией 1791 г., иными словами, с доминирующей идеологией века. Вне всякого сомнения, равенство обеспечено, но заключено в границы равенства гражданского”⁷³.

Противоположные взгляды исповедуют сторонники марксистского историографического направления. “Конституция III г. порывала с политической теорией революции естественных прав человека и гражданина, начатой в 1789 г.”⁷⁴, считают они; она знаменовала собой разрыв не только с 1793 г., который, по их мнению, находился в русле той же теории, но и с 1789-м.

“Буасси д’Англа и термидорианский Конвент, который проголосовал за Декларацию и Конституцию 1795 г., старались не вернуться в 1789 г., а, напротив, избежать этого возвращения, — пишет Я. Боск. — Нужно повторить, что общее место в историографии, считающей, будто Декларация III г. воспроизводила в основных чертах текст 1789 г., — это ошибка. Напротив, именно

⁷² F. Furet. Op. cit. P. 171.

⁷³ Woronoff D. La République bourgeoise de Thermidor à Brumaire. 1794–1799. Paris, 1972. P. 40–41.

⁷⁴ Gauthier F. Fraternité // Les droits de l’homme et la conquête des libertés. Actes du colloque de Grenoble-Vizille. Grenoble, 1988. P. 93.

потому, что она порывала с 1789 г., термидорианский Конвент порывал с 1793-м»⁷⁵. «Легитимность правительства отныне была основана не на абстракции естественных прав, а на позитивном праве, укорененном в истории революции»⁷⁶.

Таким образом, преемственность сохранялась только в 1789–1794 гг. В Конституции III г. нет упоминания о естественных правах человека, которые общество, по мнению просветителей и людей 1789 г., должно было реализовать; нет цели общества, нет гарантий прав человека — права на сопротивление угнетению, как в 1789 г., или же на восстание, как в 1793-м. Отсутствие предложенной Дону статьи о том, что цель общества — всеобщее благо и правительство (*gouvernement*) конституируется для гарантии прав человека, лишает, с точки зрения Я. Боска, этот текст не только внутренней логики, но и самого смысла существования, «*raison d'être*». Коль скоро закон не становится безоговорочно выражением всеобщей воли, а народ делегирует представителям свои права бесконтрольно, Декларация прав 1795 г. знаменует резкий разрыв со своими предшественницами⁷⁷.

И дело отнюдь не в нескольких отмененных статьях Конституции 1793 г., которые казались термидорианцам наиболее одиозными; речь идет о разрыве логической цепи, начатой в 1789 г.⁷⁸ «Новая политическая теория, — отмечает Ф. Готье, — не признавала более ни принципа народного суверенитета, ни первоначального акта добровольного объединения. Гражданство, не будучи более естественным правом, потеряло свой универсальный характер. Термидорианцы установили аристократию богатых мужчин, уплачивающих прямой налог, которая, в частности, исключала бедняков, безработных, неграмотных и домашнюю прислугу»⁷⁹. «Термидорианская республика не была более основана на принципах, которые служили оружием для отмены Старого порядка»⁸⁰.

На первый взгляд, формально и Ф. Готье и Я. Боск правы. Однако нам кажется, что сами термидорианцы мыслили несколько по-иному. Декларация прав 1789 г., которая кажется нам сегодня каноническим текстом и памятником политической мысли, была для них документом, принятым всего лишь шесть лет назад

⁷⁵ Bosc Y. Boissy d'Anglas et le rejet de la Déclaration de 1793 et l'an III // L'an I et l'apprentissage de la démocratie. Colloque. St Ouen, 1995. P. 401.

⁷⁶ Bosc Y. Le citoyen contre l'homme? // Recherches sur la Révolution. Paris, 1991. P. 132.

⁷⁷ Bosc Y. La Déclaration des droits de 1795 et le projet politique thermidorien. Université Paris I, 1988—1989. P. 16, 31, 36ss, 48.

⁷⁸ Bosc Y. Boissy d'Anglas... P. 397.

⁷⁹ Gauthier F. Triomphe et mort du droit naturel... P. 252.

⁸⁰ Bosc Y. Le droit naturel: enjeux d'une référence dans le débat sur la déclaration de l'an III // Langages de la Révolution (1770—1815). Actes du colloque. Paris, 1995. P. 294.

и без колебаний измененным в 1793 г. Для многих из них 1795 г., безусловно, повторял 1789-й (не случайно термидорианцы любили называть себя “патриотами 1789 г.”), но *на новом витке, на новом этапе*. Те права, которые именовались в начале Революции естественными — свобода, собственность, безопасность — остались и в Декларации 1795 г. Правда, исчезло право на сопротивление угнетению, но изменились требования времени: королевской власти, дворянства, сословной системы более не существовало, и прежняя формулировка потеряла свою актуальность.

С нашей точки зрения, аналогично обстоит дело и с *естественными* правами. В 1789 г., когда основы нового политического порядка закладывались, необходимо было опереться на прецедент, на нечто существовавшее и до французской тысячелетней монархии. И здесь приходили на помощь сформулированные философами естественные права, идея о природном состоянии и другие абстрактные категории. В 1795 г. Революция могла уже черпать легитимность в своих собственных творениях.

Как писал Ж.-Ж. Лемуар-Лярош, “философы слишком много рассуждали о природном состоянии. Оно не существует даже у дикарей, поскольку эти народы уже объединены”⁸¹. А вот что говорил, например, Ланжюине, когда обсуждалась проблема равенства: “Пусть философы имеют дело со столь деликатным предметом [...]. Мы же озабочены лишь тем, чтобы дать нашей стране прочную и долговременную конституцию”⁸². Иными словами, термидорианцы сделали все, чтобы убрать из Декларации прав абстракции, которые рассматривались ими как опасные и двусмысленные. Либеральный комплекс прав человека, по сути дела, сохранился, только теперь это были права человека в обществе, т.е. именно в той среде, которой и должны, по мнению депутатов, уделять внимание законодатели.

Какова же роль Термидора в становлении либеральных ценностей? Во многом 1795 г. принял эстафету у 1789-го. По-прежнему провозглашались права индивидуума, на которые общество не только не вправе посягать, но и обязано их защищать. Но на этот раз эти права индивидуум получал не в силу сотворенной философами традиции (естественное право), а в силу закона (право позитивное). В 1795 году право частной собственности не только было декларировано, но стало окончательно рассматриваться в качестве основы всего политического здания. Именно тогда произошел отказ от идеи прямого участия народа в обсуждении и принятии законов в пользу идеи народного представительства.

⁸¹ Lenoir-Laroche J.-J. Op. cit. P. 85.

⁸² Moniteur. T. 25. P. 499.

После периода диктатуры вновь провозглашались экономические и политические свободы.

При этом консолидация происходила не в тиши кабинетов, а в ожесточенной идейной и политической борьбе. Сторонникам появляющегося на свет либерализма приходилось определять свое отношение как к движениям, уже существовавшим на политической арене, так и к идеологическим ценностям, появившимся в ходе революции; выступать против приверженцев резких социальных изменений, будь то якобинцы или контрреволюционеры.

Революция не оправдала всех надежд, которые возлагали на нее ее сторонники. Но то, что она смогла реально сделать, надолго пережило революционное десятилетие и легло в основу новых политических учений, в том числе и теории либерализма.

ЛИБЕРАЛЬНАЯ МЫСЛЬ В ПЕРИОД РЕСТАВРАЦИИ

В первой половине XIX в. либерализм сыграл огромную роль в развитии общественного самосознания и общественной инициативы. Зародившись в конце XVIII в. и являясь тогда носителем общих, характерных для всего антифеодального движения идеалов, французский либерализм как общественно-политическое течение в первые десятилетия XIX в. претерпел значительные изменения. Связано это было с общим кризисом просветительской идеологии, с мощной антипросветительской реакцией, вызванной последствиями Французской революции конца XVIII в. Революционный опыт, в частности, показал, что многие либеральные принципы могут обернуться своей противоположностью и оказаться чрезвычайно опасными для свободы личности.

Либералы начала века как бы заново открывали огромное значение культуры и цивилизации в процессе формирования образа жизни и мыслей человека. Споры о природе человека привели либералов к выводам об исключительном положении человека в окружающем материальном мире, о его божественной сущности. Проблема исторической преемственности, осуждение разрыва в развитии человеческого общества, поиск духовных и нравственных ориентиров — постоянная тема французских либералов начала века.

Для идеологов либерализма этого времени характерно негативное отношение к революционному слову старых государственных форм: по их мнению, во всем существующем есть что-то, что следует сохранить, а что-то совершенствовать, преобразовывать путем реформ. Это не означает, что либералы не приняли революцию конца XVIII в. Они ее приняли, но не хотели повторения революционных потрясений в будущем. Либералы не отрицали позитивной роли государства по защите прав и свобод граждан. Крайне негативно относились они к демократии, считая ее опасной для свободы.

Эти черты французского либерализма первых десятилетий XIX в. позволили историкам говорить о его консервативности¹ и даже аристократичности². Однако по своему глубинному содержанию французский либерализм этого периода не был консервативным или аристократичным. Можно говорить лишь об умеренности его требований, стремлении к компромиссу во избежание конфронтации в обществе, только что пережившем испытание революцией. Причем эта умеренность имела свои пределы: никогда не ставились под сомнение основные завоевания французской революции конца XVIII в.

* * *

Как оформившееся политическое течение французский либерализм появился в первые годы Реставрации Бурбонов. Тогда же во Франции получил распространение и сам термин “либерализм”. Либеральная мысль этой эпохи была сосредоточена, прежде всего, в знаменитой паре — Жермена де Сталь³ и Бенжамен Констан. В годы реставрации Б.Констан возглавил в Палате депутатов группировку либералов, которые называли себя “независимые”, подчеркивая тем самым свою оппозицию деятельности того или иного министерства, а иногда и всему режиму Реставрации. Кроме Констан в нее входили генерал Лафайетт, А.Мануэль, Ж.Лафитт, К.Перье и др. Вторая влиятельная группировка либералов в парламенте получила название “доктринеров”. Это были П.Ройе Коллар, Ф.Гизо, Г. де Барант, В. де Брольи, П.-Ф. де Серра, Ш.Ремюза. Они играли довольно активную роль в политике этого времени, охотно входили в состав различных правительственных кабинетов. Никто из современников не мог точно сказать, почему их стали называть “доктринерами”. По предположению Одилона Барро, видного политического деятеля 30—40-х годов XIX в., причиной явилась их тяга к широким обобщениям и к “догматизации” политических правил⁴. Франсуа Гизо считал, что группа была так названа из-за той идеи, которой они придерживались, — каждое общество должно быть создано на основе определенных теорий государства и права⁵. Группа “доктринеров” была малочисленной, их количество никогда не

¹ См. *P. Chaunu. La liberté. P., 1987. P. 271—275.*

² *Фадеева Т.М. Трудные судьбы французского либерализма // Либерализм Запада XVII—XX века. М., 1995. С. 63.*

³ Ж. де Сталь умерла в 1817 г.

⁴ *Barro O. Mémoires posthume. V. 1. P., 1875. P. 79.*

⁵ *Guizot F. Mémoires pour servir a l'histoire de mon temps. P., 1858. V. 1. P. 155—159.*

превышало десяти человек. По меткому замечанию одного из ее членов, Ш.Ремюза, все они могли разместиться на одном диване. Этот образ был создан Ремюза в шутиливой, придуманной им песенке. Себя он, как самого молодого, не посадил на этот “почетный диван”, довольствуясь “приставным стульчиком”. Впоследствии Гизо называли “диванным Монтескье”.

“Доктринеры” являлись не просто парламентской группировкой, они были представителями интеллектуальной элиты французского общества. При этом их связывали крепкие узы дружбы: их общение выходило за рамки деловых встреч политических единомышленников. Французский историк Ж.Тушар так описывает взаимоотношения членов кружка “доктринеров”: они “представляли собой скорее компанию, круг друзей, чем партию. Либералы посещали одни и те же салоны, отдыхали в одних и тех же местах. Они вместе ужинали, вместе отмечали дни рождения, торжественно чествовали своих супругов, беспокоились о будущем своих юных дочерей и испытывали радость, когда они делали хорошую партию. Либералы жили одной большой семьей”⁶.

В эпоху Реставрации, которую называют “героическим периодом” французского либерализма, либералы были защитниками и вождями новой Франции, рожденной революцией 1789 г. Они выдвинули тезис об исторической правомерности французской революции, ее прогрессивности с точки зрения тех принципов, которые она утверждала, и брали под защиту рожденный ею бессословный гражданский строй. Общая идея для всех либералов — ее активно и талантливо проповедовал Ф.Гизо в Сорбонне — заключалась в том, что революция — стадия вековой эволюции, ведущей к установлению общества более совершенного, нежели предыдущее.

Однако отношение либералов к революции конца XVIII в. было довольно сложным. Для них были совершенно неприемлемы те способы, при помощи которых проводилась революция; они осуждали политику террора и дух якобинства.

Либеральные воззрения того времени были связаны с верой в исторический прогресс, в возможность достижения гармонии в человеческом обществе в результате развития идей и целенаправленной законотворческой деятельности человека. В основе прогресса, согласно этим воззрениям, лежит развитие личности, ее культурный рост, расширение ее прав и свобод. Поэтому народный, демократический характер Французской революции, а главное, политическая практика якобинцев вызывали страх у либеральных политиков эпохи Реставрации. Они считали, что установление политической властью контроля над обществом и лич-

⁶ Цит. по: *Jardin A. Histoire du libéralisme politique*. P., 1987. P. 248.

ностью недопустимо; необходимо предотвратить такое развитие событий. Один из тезисов либеральных политиков эпохи, сформулированный мадам де Сталь, гласил: необходимо видеть разницу между духом революции 1789 г. и духом, рожденным в период революции, — один созидает, другой разрушает.

Жермена де Сталь... Любимым словом этой удивительной женщины было слово СВОБОДА. Нескончаемые призывы всех ее сочинений к чувству человеческого достоинства, его неотъемлемых прав, величия природы человека, вера в огромные возможности его духа и тяга к нравственному совершенствованию — сделали имя Ж. де Сталь бессмертным. “Она, — писал французский историк А. Сорель, — воплощение благороднейшей стороны французского духа”⁷. Мадам де Сталь называли “крестной матерью” французского либерализма и парламентаризма.

Деятельность Ж. де Сталь чрезвычайно многогранна — это и литературные труды, размышления по философии, истории, это и романы, которыми зачитывалась вся Франция. Ее салон, собиравший крупных политических деятелей эпохи, представлял собой явление в жизни Парижа конца XVIII в. Ей же принадлежит и одна из первых попыток осмыслить характер и итоги Французской революции — “Размышления об основных событиях французской революции” — работа, написанная в начале эпохи Реставрации. Характерен эпиграф, который подобрала мадам де Сталь к своему труду: “Революции, которые потрясают великие страны, не могут являться ни случайными явлениями, ни капризом народов” (эти слова принадлежали крупному политическому деятелю Франции начала XVII в. Сюлли)⁸.

Главная идея этого произведения — защитить революцию 1789 г., обосновать ее правомерность в стране, в которой установился абсолютистский режим, каким был, как ей представлялось, Старый порядок. Французская революция не случайное явление, она подготавливалась веками, это плод постепенной эволюции идей, развития просвещения и непреодолимой тяги человека к свободе; и революция сделала Францию свободной, считала де Сталь.

Вступление на политическую арену новых социальных групп населения, по мнению де Сталь, вызвало прогресс в деле просвещения и цивилизации в целом. Благодаря революции просвещение перестало быть уделом немногих, оно охватило массы людей, что, конечно, не могло не привести к временному “ухудшению вкуса”, но затем непременно даст новый импульс развитию и со-

⁷ Сорель А. Госпожа де Сталь. М., 1892. С. 130.

⁸ Staël de G. Considérations sur les principaux événements de la Révolution française. P., 1816.

вершенствованию духовной, нравственной жизни человека. Ужасы времен Французской революции Сталь объясняла тяжким, бесправным положением простого народа во Франции, тем, что ему было недоступно просвещение. Отсюда, считала она, и такая рознь между различными социальными группами. Во многих случаях Сталь винила французскую аристократию, которая встала в оппозицию революционным процессам.

Политический идеал мадам де Сталь — конституционная монархия. О конституционной монархии, в ее защиту, было создано много работ. Еще в 1785 г. в “Размышлениях о внутреннем мире” де Сталь писала: “В конституциях всего мира есть три основных вопроса, так как, к счастью, политических истин весьма мало и в этой науке изобретение — чистое детство, а практика — верх совершенства. Разделение законодательного корпуса, независимость исполнительной власти и, прежде всего, собственность — вот три простые идеи, образующие план любой конституции, так как они заложены в природе вещей”⁹.

Ж. де Сталь приходит к выводу, что можно создать “великую нацию, в которой изысканная атмосфера изящных искусств, науки и литературы, так культивируемая при монархии, сочеталась бы с порядком, свободой и независимостью, столь характерными для республики”¹⁰. К этому, пишет она, должен стремиться каждый законодатель, даже если достижение идеала не представляется возможным. Единственный критерий для организации управления в идеальном государстве — ум, просвещение, талант (талант обогащения ею также отмечался); власть должна быть вверена “аристократии таланта”. Право быть избранным в законодательные органы, по мысли де Сталь, принадлежит прежде всего людям выдающимся и имущим¹¹. В конечном итоге она признала идеальной формой правления английскую конституцию. Вообще англomania характерная черта французского либерализма этого времени.

В мировоззрении Жермены де Сталь политика, мораль и религия неразрывно связаны. Особое значение она, в отличие от идеологов эпохи Просвещения, придавала религии, которая, по ее мнению, есть опора государства и морали. Обращение к религии, признание за ней ведущей роли в улучшении общественной морали станет характерной чертой всех либералов начала века. В одной из своих работ де Сталь писала: “Некоторые писатели выдвинули мнение, что христианская религия была причиной упад-

⁹ Цит. по: *Вайнштейн С.* Госпожа де Сталь, мыслитель переходной эпохи. СПб., 1902. С. 153.

¹⁰ *Staël de G. De l'influence des Passions sur la bonheur des nations et des individus. Oeures complètes.* P., 1838. V. 2. P. 5.

¹¹ *Ibidem.* P. 10.

ка литературы и философии; я убеждена, что христианство в период его утверждения было совершенно необходимо для развития цивилизации. Я считаю, что христианские рассуждения, к какой бы области знаний они не прилагались, способствовали развитию способностей ума к наукам, метафизике и нравственной философии”¹².

Космополитка по убеждениям, де Сталь в то же время выступала за свободу народов, их независимость, за развитие их государственности и национального сознания. Индивидуализм был самой глубокой основой либерализма первой половины XIX в. Национальность для французских либералов — тоже своего рода индивидуальное бытие, вне которого невозможно существование человечества; она заложена в самых глубинах жизни; национальность (язык, культура, традиции, образ жизни) есть ценность, творимая в истории. В трактате “О Германии” де Сталь встала на защиту прав нации в ее борьбе за независимость. Германия, покоренная Наполеоном I, Европа, загнанная силой в систему континентальной блокады — это акты вандализма и неуважения прав народов. Сталь заявляла, что Европа только тогда обретет мир, когда освободит Германию. С огромным интересом она описывала обычаи Германии, нравы ее жителей, их характеры. Подхватив эту тему в 1813 г. Бенжамен Констан в памфлете “О духе завоеваний и узурпации в их отношениях с европейской цивилизацией” осудил завоевательную политику Наполеона I и назвал “пожар в Москве”, положивший начало крушению империи Наполеона I, “зарей свободы в мире”. Причем самыми страшными последствиями войн Констан назвал не разрушения и экономическое опустошение, а уничтожение национальных традиций, нравов, нарушение местных законов¹³.

Бенжамен Констан был в первые десятилетия XIX в. главным теоретиком французских либералов. Центральная тема его рассуждений, теоретических работ и выступлений в парламенте — свобода личности. Как уравновесить правовой статус гражданина и индивида, как обеспечить торжество индивида в том числе и над массами, которые требуют подчинения меньшинства большинству? Эти вопросы были особенно болезненными для Франции, только что пережившей бурные революционные годы и диктатуру Наполеона.

Взаимоотношение индивида и общества составляет главное содержание анализа Б. Констана. Индивид — творец идей, которые формируют общественный дух, социальные и политические

¹² Литературные манифесты западноевропейских романтиков. М., 1980. С. 375.

¹³ Constant B. De l'esprit de conquête et de l'usurpation dans leurs rapports avec civilisation européenne. P., 1813. P. XL.

институты. Поэтому индивид, его духовное совершенствование, идейное развитие — главная забота общества и государства. Они должны гарантировать свободу и независимость, без которых невозможно совершенствование индивида. “Мирное пользование личной независимостью” — главное достояние человека. Основной вывод Констана можно сформулировать так: цель государства есть свобода личности, средством для достижения этой цели служат конституционные гарантии.

Для Б.Констана концепция народного суверенитета и демократии — это навязывание человеку XIX в. “свободы”, которая могла удовлетворять только древних людей. Такой свободой, считал он, человек нового времени не может довольствоваться. Свобода в античных республиках состояла в деятельном участии индивида в общем властвовании, в обладании политическими правами, тогда как его экономическая деятельность, духовное развитие было всецело под контролем власти. Люди нового времени хотят прежде всего полной независимости во всем, что относится к их занятиям, мыслям, верованиям, фантазиям, то есть необходимы свобода вероисповедания, слова, преподавания и воспитания. Свобода современного англичанина, француза или жителя Соединенных Штатов Америки, писал Б. Констан в своем трактате “О свободе у древних в ее сравнении со свободой у современных людей”, это “право каждого подчиняться только законам, не быть подвергнутым ни дурному обращению, ни аресту, ни заключению, ни смертной казни вследствие произвола одного или нескольких индивидов. Это право каждого высказывать свое мнение, выбирать свое дело и заниматься им; распоряжаться своей собственностью, даже злоупотреблять ею; не испрашивать разрешения для своих передвижений и не отчитываться ни перед кем в мотивах своих поступков. Это право каждого объединяться с другими индивидами для обсуждения своих интересов, либо для отправления культа, избранного им и его единомышленниками, либо просто для того, чтобы заполнить свои дни и часы соответственно своим наклонностям и фантазиям”¹⁴.

Из этого не следует, конечно, что Констан не видел значимости политической свободы, но на первое место он ставил свободу гражданскую, которая как бы готовит человека к обладанию свободой политической. В заключении этого трактата Б.Констан обосновывает необходимость представительной системы правления как наиболее совершенной и оставляющей у основной массы людей свободное время для реализации своих индивидуальных способностей и талантов. Идеальной политической системой

¹⁴ Constant B. De la liberté chez les modernes. Oeuvres. P., 1957. P. 567 (полный русский перевод этого трактата см.: Полис. 1993. № 2).

Констан, как и мадам де Сталь, считал английскую. Любую форму всеобщего голосования он отвергал, считая, что участвовать в выборах должны лишь граждане, удовлетворяющие имущественному и образовательному цензу.

Огромное значение для будущего Европы и мира в целом Констан придавал свободе экономической деятельности и, как следствие этого, развитию коммерции и индустрии. Много раз поднимался Констан на трибуну в палате депутатов для обоснования тезиса, что европейская цивилизация вступает в новый этап своего развития, который он назвал “эпохой коммерции”¹⁵. Благодаря развитию индустрии и коммерции, в результате свободной конкуренции, говорил он, человек обретет наконец достаток и отдых. Именно индустриальное развитие принесет народам и политические свободы. Развитие индустрии и распространение либеральных принципов — это для Б.Констана две стороны одного процесса. Название этому процессу — прогресс европейского общества.

Такие представления о роли экономики были характерны для всех французских либералов первой половины XIX в. Шарль Ремюза в статье “Об Индустрии и о Свободе” отмечал, что смысл общественного прогресса заключается в непрерывном увеличении прав и свобод. Но только в новое время, по его убеждению, свобода становится реальным достоянием людей. Причина этого в развитии промышленности. Развитие экономики значительно облегчает жизнь человека, а новые достижения в этой области позволяют человеку меньше тратить времени на обеспечение себя средствами к существованию. Образовавшееся свободное время, считал Ремюза, человек потратит на совершенствование нравов, а также на участие в политической жизни¹⁶. Одилон Барро в одной из своих работ, вышедшей уже в 1861 г., отмечал: “Во все времена развитие коммерции и индустрии были верными спутниками свободы”¹⁷.

Одновременно французские либералы старались предостеречь, что не накопительство является целью развития экономики. “Серьезные проблемы, — писал Ремюза, — могут встать в будущем перед такой нацией, для которой заинтересованность в плодах труда будет единственным правилом, смыслом жизни”¹⁸.

Бенжамен Констан был крайне религиозным человеком, для него совершенно очевидна была всеобщность, необходимость ре-

¹⁵ *Constant B. Coup-d'oeil sur la tendance général des esprits dans le dix-neuvieme siècle. P., 1825. P. 7.*

¹⁶ *Remusat Ch. Passé et présent. P., 1877. V. I. P. 43.*

¹⁷ *Barrot O. De la centralisation et de ses effets. P., 1861. P. 126.*

¹⁸ *Remusat Ch. Op. cit. V. 2. P. 43.*

лигиозного сознания у людей. Поэтому на первом месте среди свобод, необходимых человеку, Констан ставил свободу религиозную. Он выступил с критикой учения Руссо о гражданской религии, признававшей широкое вмешательство государства в дела веры, и настаивал на том, что мысль человека является наиболее священной собственностью, будь она истинной или заблуждением. Положение Хартии 1814 г. о католицизме как государственной религии противоречило убеждениям Констана. Он враг религии в форме государственного культа. Констан старается свести религию на степень индивидуального чувства, естественной потребности индивида, стремления его души к Богу. Поэтому предпочтение он отдает протестантской религии.

Отстаивая принципы свободы культов, Констан выступал и за отделение церкви от государства. Нельзя, не раз говорил он, выступая в палате депутатов, делать религию зависимой от политики, нельзя делать из нее инструмент власти. Констан требовал освободить ее от союза с государством, который ее компрометирует: "Пусть контрреволюционеры не пачкают религию, она не нуждается в штрафах и тюрьмах, чтобы быть уважаемой"¹⁹.

Учение Констана имело отчетливо космополитический характер. В становлении наций, в развитии их индивидуальных качеств Констан видел закономерный этап на пути эволюции человеческого общества, конечный пункт которой — создание единой европейской цивилизации, основанной на конституционных принципах, личных свободах индивидов и всемерном развитии индустрии. Такие абстрактные, отвлеченные от реальных исторических событий, возвышенные рассуждения Констана никак не сопровождались конкретной разработкой картины этого будущего европейского рая.

Европа рассматривалась Констаном как единое целое по своему глубинному содержанию. Поэтому в его основном политическом труде "Курс конституционной политики" (современники сразу же называли этот труд "учебником свободы") утверждалось, что "масса людей существует под различными именами, они имеют различную социальную организацию, но гомогенны по своей природе". Констан считал, что все народы Европы являются соотечественниками и враждовать могут только руководители государств, но никак не простые их жители. Даже чувство любви к родине он назвал анахронизмом для европейского человека XIX в.²⁰

Одновременно в 20-е годы XIX в. Б.Констан активно выступал в поддержку национально-демократических движений в Европе,

¹⁹ *Constant B.* Discours de M. Benjamin Constant à la Chambres des députes. P., 1827. V. 2. P. 9-13.

²⁰ *Holmes S.* Benjamin Constant et la genèse du libéralisme moderne. P., 1984. P. 100.

прежде всего испанского и греческого народов. Он признавал за народами право на свободу выбора государственного устройства, вероисповедания. Права нации он противопоставлял монархии, деспотизму. По глубокому убеждению Констан, тирания всегда ведет к вырождению и деградации нации. Именно политический деспотизм и религиозные преследования превратили Испанию из могущественной страны во второстепенную державу; "превосходство исчезло, богатство рассеялось, флот никому не страшен, а девять миллионов жителей, бедные и нагие разбрелись по заброшенной земле, раздираемой гражданской войной"²⁰. Это участь всех стран, где правят деспотические режимы. Вмешательство Франции во внутренние дела Испании в 1823 г. Констан осудил. Он открыто заявлял, что "замышляется война против свободы, независимости, неотъемлемых прав наших соседей; эта война, которая может стать гибельной для Испании, может быть только позорной для Франции; отступление будет постыдным, успехи плачевными"²¹. Констан не раз выступал в парламенте и в поддержку греческого национально-освободительного движения, гневно осуждал творимые турками бесчинства и жестокости. Так, в 1825 г. он призвал христианские народы оказать помощь православному грекам, систематически истребляемым турками. Особый акцент Констан делал на то, что каждая нация имеет право исповедовать ту религию, которую она пожелает. И лишение нации этого права оправдывает бунт и неповиновение.

Само понятие "нация" привлекало французских либералов потому, что для них оно ассоциировалось с понятиями "свобода", "исторический прогресс". Под нацией понималась не столько этническая, сколько социальная, историко-политическая единица. В целом формирование современных наций было осмыслено либералами как составляющая общественных преобразований во время перехода от сословного общества к гражданскому.

Очевидно, что в условиях, когда не всякое государство было нацией, и не всякая нация обладала государственностью, главные вопросы состояли в том, какие государства могут именоваться нациями и какие нации обретут свою государственность. На первый вопрос был дан ответ: государства, в которых основой власти является общая воля народа. На другой вопрос французские либералы первой половины XIX в. внимания практически не обратили и четкого ответа не дали.

И Ж. де Сталь и Б. Констан поддержали Хартию 1814 г., которая вернула во Францию монархию божьей милостью, но вместе с тем ограничила ее представительными органами. Они видели в

²⁰ *Constant B. Discours de M. B. Constant à la Chambre des députés. P., 1827. V. 2. P. 162.*

²¹ *Ibid. V 2 P 169—170.*

ней действенное средство против несчастий революционного времени, с одной стороны, а с другой — инструмент, позволяющий не допустить реставрации старых порядков. В то же время Констан не считал Хартию 1814 г. абсолютно идеальным документом, не нуждающимся в корректировке, в приспособливании к постоянно меняющемуся “духу времени”. Он никогда не отождествлял режим Реставрации со своим политическим идеалом, рассматривая этот политический режим как начало трудного пути по внедрению во французскую жизнь идей либерализма и развития институтов парламентаризма.

Это существенно отличало позицию Б.Констана и группировки независимых, которую он возглавлял, от позиции “доктринеров”, главой которых первоначально был Ройе-Коллар, а с середины 20-х годов стал Франсуа Гизо.

Франсуа Гизо — один из выдающихся французских историков эпохи Реставрации. Его исторические труды и блестящие лекции в Сорбонне оказали большое влияние на развитие исторической мысли в Европе, на состояние общественного сознания во Франции в 20—40-е годы XIX в. Гизо — видный представитель либеральной мысли первых десятилетий XIX в., активный политический деятель. С 1814 по 1848 г. он занимал высокие государственные должности. Что доминировало в Гизо — политик или историк? Однозначно ответить на этот вопрос трудно. Гизо-политик дополнял Гизо-историка и наоборот. Одно безусловно: история интересовала его потому, что он пытался понять перспективу развития человеческого общества, найти “связь причин и действий”. “Это самая важная, — писал он, — и, если можно так выразиться, бессмертная часть истории, к которой по необходимости должны обращаться все, чтобы уразуметь свое прошлое и понять самих себя”²³. В историю цивилизации Гизо всматривался не как беспристрастный исследователь, а как политик, пытавшийся найти ответ на чрезвычайно актуальный для современной ему Франции вопрос: как достичь “свободного правления” и в чем его суть.

Ответ на эти вопросы он стремился дать в своих многочисленных брошюрах: “О представительном правлении и о современном положении Франции”, “О средствах правительства и оппозиции в современных условиях Франции”, “О заговорах и политической законности” и др. В правительственной газете “Монитор” Гизо печатал разъяснения к проектам почти всех законов, издававшихся при Людовике XVIII. Современники отмечали, что каждая брошюра Гизо становилась большим событием в политической жизни Франции. Современный исследователь П.Розанваллон назвал свою работу, посвященную Гизо и в целом истории Фран-

²³ Гизо Ф. История цивилизации в Европе. СПб., 1905. С. 233.

ции в 1814—1848 гг. — “Le moment Guizot” (“Время Гизо”), подчеркивая, что труды и деятельность Франсуа Гизо представляют собой глубокое отражение сути этого периода²⁴.

Политические размышления, поиск мер, которые обеспечили бы Франции стабильность, привели “доктринеров” к идее установления легитимной представительной монархии. Сохранение династии Бурбонов, считал Гизо, стало тем “якорем”, который так необходим Франции, пережившей революционное время и диктатуру Наполеона. Мысль о примирении “новой” и “старой” Франции являлась стержнем всех построений “доктринеров”, желавших сохранить идеалы 1789 г., отделить их от революционных страстей и соотносить с королевской властью. Поэтому возвращение династии Бурбонов в лице Людовика XVIII было ими поддержано. Сущностью политической концепции “доктринеров”, отмечает французский исследователь проблем либерализма во Франции Л. Жирар, являлось то, что они отделили от либерализма революционный дух, не отрекшись при этом от самой революции²⁵.

Хартия 1814 г., устанавливавшая во Франции конституционную монархию и закреплявшая основные гражданские свободы — равенство перед законом, неприкосновенность личности, свободу печати, слова, совести, — была для Гизо, как и для всех “доктринеров”, идеальным документом. Хартия обеспечивала представительное правление, наилучшую с их точки зрения форму правления, а также закрепляла гражданские свободы, открывавшие путь к всестороннему развитию личности. В отличие от Константа, который считал Хартию 1814 г. лишь началом политической реформы во Франции, “доктринеры” оценивали ее как вершину политического развития, так как продолжение курса политических реформ могло, на их взгляд, сломать то хрупкое равновесие между “старой” и “новой” Францией, которое с таким трудом было достигнуто, и привести к новому революционному взрыву. Их лозунг — свобода и порядок. Главное для этой группировки французских либералов — попытка найти “золотую середину”, добиться компромисса между старым и новым, и тем самым обеспечить Франции покой, порядок и свободу.

Гизо не раз писал, что защищал Хартию 1814 г., поскольку в ней были заложены основные принципы нового общества во Франции и “великие результаты” французской революции²⁶. И именно нарушение Хартии Карлом X в 1829—1830 гг. привело, по мнению Гизо, к падению легитимной монархии во Франции.

²⁴ Rosanvallon P. Le moment Guizot. P., 1985. P. 28.

²⁵ Jirard L. Les libéraux français. 1814—1875. P., 1985. P. 79.

²⁶ Guizot F. Trois générations 1789—1814—1848. P., 1863. P. 92.

В 1817 г. “доктринеры” основали свой журнал “Политические, философские и литературные архивы”. Журнал был скорее научным, чем политическим, его цель состояла в распространении новых идей в области литературы, философии, права. Политическая задача заключалась в разъяснении обществу основных положений Хартии 1814 г. и идей “доктринеров”, т.е. в ведении пропаганды согласия между монархией и народом путем укрепления конституционно-правового порядка. Хартия 1814 г., по мнению Гизо, несла Франции порядок, ставила предел разрушительным устремлениям всех противников режима. Лучше всего свой политический идеал Гизо сформулировал позднее, по поводу революции 1830 г.: “Франция хотела революции, которая не была бы революционной и которая одним махом дала бы ей порядок вместе со свободой”²⁷.

Эпоха Реставрации — это время активной политической и общественной деятельности Франсуа Гизо. Уже в апреле 1814 г. 27-летний преподаватель истории получил должность генерального секретаря министерства внутренних дел. “Отныне жизнь Гизо, — писал его восторженный биограф, — принадлежит истории Франции”²⁸. Во время Реставрации Гизо принимал участие в создании проекта закона о печати, вступившего в силу в октябре 1814 г. Этот закон, декларируя свободу печати, ограничивал ее некоторыми временными мерами. В мемуарах Гизо пытался объяснить, почему он, сторонник неограниченной свободы печати, согласился на такой вариант закона: свободу печати он принес в жертву порядку, который был так необходим Франции, только что пережившей разрушительную революцию, а затем тиранию Наполеона I. В 1814 г. Франция, по его мнению, стояла на пороге свободного правления²⁹.

Гизо участвовал также в подготовке реформы народного образования. Задача формирования новой, свободной личности, считал он, требовала кардинальных изменений во всех сферах народного образования. В королевском ордонансе от 17 февраля 1815 г. речь шла о реформе высшей школы. Основная идея реформы заключалась в создании целой сети университетов, не уступающих Парижскому, в децентрализации таким образом высшего образования. Устанавливалось 17 университетских центров, в каждом из которых располагалась целая сеть колледжей. Внутреннее управление этих центров было автономным, но все они должны были подчиняться королевскому совету по народному образованию³⁰.

²⁷ Ibid. P. 181—182.

²⁸ *Pouthas Ch. La jeunesse de Guizot (1787—1814). P., 1936. P. 396.*

²⁹ *Guizot F. Mémoires V. 1. P., 1875. P. 46.*

³⁰ Ibid. P. 418.

Гизо прекрасно понимал недостаточность этих мер и писал в своих мемуарах, что реформа была лишь слабой попыткой изменить ситуацию в области образования³¹. Закон от 17 февраля не успели провести в жизнь, — помешало возвращение Наполеона Бонапарта, но и после Ста дней к этой реформе не вернулись.

Однако идея создания новой системы народного образования, в большей степени отвечавшей требованиям времени, никогда не покидала Гизо. И он вернется к ней в 30-е годы XIX в., когда станет министром народного образования.

Занимая высокие государственные посты, Гизо всегда стремился к тому, чтобы либеральные принципы были господствующими в правительственной политике.

Современные французские исследователи называют позицию Франсуа Гизо “правительственным либерализмом”³². В многочисленных публицистических работах Гизо хотел научить правительство и либерально настроенное общество сотрудничеству, что должно было, по его мнению, нейтрализовать французских правых того времени — ультрароялистов — и оттеснить их от ведущих государственных должностей. В статьях “О смертной казе по политическим мотивам”, “О способах правления и оппозиции в современной Франции” он подчеркивал, что правительство не враг, а партнер общества. Никакое общество не может существовать без власти, так как всякое общество держится связующими его законами. Гизо считал, что современное ему состояние Франции требует одновременно увеличения воздействия власти на общество и общества на власть. Общество и власть существуют вместе, их разделять нельзя. Власть должна реагировать на изменения в обществе, чутко прислушиваясь к ним. К сожалению, сам Гизо забыл об этом в канун революции 1848 г.

Рассуждая о смертной казни по политическим мотивам, Гизо называл эту меру опасной, а главное — совершенно бессмысленной. Она не ослабит и не может ослабить оппозиции, так как оппозиция — это некое состояние гражданского общества, отражение тех настроений, которые в нем царят. Его вывод: современное политическое развитие требует увеличения воздействия общества на властные структуры и одновременно укрепления этих властных структур во имя достижения порядка в стране. Свобода личности и порядок — вот две политические задачи, которые всю свою жизнь пытался решить Гизо-политик.

³¹ Ibid. P. 52.

³² Manent P. Histoire intellectuelle du libéralisme. P., 1987. P. 200—202; Jirard L. Les libéraux français. P., 1985. P. 79.

Идеальным общественным устройством Гизо считал монархию, ограниченную представительными учреждениями. Его размышления по этому вопросу привели к выводу, что существует некий высший разум, господствующий над человеком, и право, которое человеком не устанавливается. Человек в процессе своего развития стремится постичь это высокое начало и приблизиться к нему, но никогда его не постигнет. Всякий раз, когда человеческое общество посягает на то, что оно постигло это высокое начало, возникают формы правления, присваивающие себе полномочия, и устанавливаются режимы деспотического характера — абсолютная монархия, аристократия, демократия. И только представительное правление признает, что человечество не может создать идеальные формы власти, его политические институты призваны совместными усилиями искать эту правду и приближаться к ней. В 1820 г. Гизо писал: “Я не верю ни в Божественное право, ни в народный суверенитет, о котором говорят почти все. Я не могу увидеть в них ничего, кроме прикрытия узурпации власти путем использования силы. Я верю в суверенитет разума, справедливости, права — это единственно законный суверенитет, который мир искал и всегда будет искать, так как разум, право, справедливость никогда не могут воплотиться полностью”³³.

Обстоятельно обосновав преимущества представительного правления, Гизо размышлял над тем, каким оно должно быть во Франции. Основными его чертами он считал разделение властей, выборное начало и публичность действий, так как без полной гласности невозможен поиск истины. Гласность обеспечивает связь между обществом и его правительством. Право законодательной инициативы, по мысли Гизо, должно принадлежать королю. В спорах о прерогативах королевской власти и парламента, которые разделяли общественное мнение Франции того времени, Гизо попытался занять место, которое сам определил как “золотую середину”. Он стремился примирить систему парламентского министерства по английскому образцу и позицию тех, кто требовал сильной, независимой королевской власти. Гизо считал, что в политической жизни постреволюционной Франции господствуют крайние политические течения³⁴, в равной мере стремящиеся к уничтожению существующего режима. Примирить или хотя бы нейтрализовать их могла только высшая власть, независимая от них.

³³ Guizot F. De gouvernement de la France depuis la Restauration et du ministère actuel. P., 1820. P. 20.

³⁴ Он имел в виду ультрароялистов и некоторых крайне радикально настроенных либералов.

Такой властью Гизо считал сильную легитимную королевскую власть. С его точки зрения, дарованная королем конституция представляла собой договор между борющимися сторонами, договор, который они обязаны соблюдать. Законодательная инициатива должна исходить от короля, министры получили власть от короля и должны реализовывать его волю. Хотя Гизо являлся большим сторонником английской политической системы, он считал, что для Франции она не годится. В Англии общество достигло стабильности, политические партии сформировались и их соперничество носило абсолютно иной характер, нежели во Франции. В Англии они находились в оппозиции друг другу в рамках конституционного строя, не подвергая сомнению само существование конституционного режима. Во Франции же борьба шла между крайними политическими группировками, мечтавшими о полном изменении или даже уничтожении Хартии 1814 г. Отсутствие развитой, стройной партийно-политической системы, политических партий, соперничавших друг с другом внутри существующего режима, но не противопоставляющих себя ему, представлялось Гизо главной причиной того, что конституционный-монархический режим во Франции не прижился³⁵.

Для Франции, считал Гизо, главное заключается в том, чтобы король смог стать арбитром, подняться над политическими страстями и найти в себе силы не становиться на чью-либо сторону. Именно тогда, когда король увлекся политической борьбой и стал выразителем интересов одной из борющихся партий, “доктринеры” перешли в оппозицию к режиму Реставрации.

Известно, что Франсуа Гизо был сторонником высокого имущественного ценза и позднее произнес слова, которые сыграли роль катализатора и ускорили революционные события 1848 г.: “Обогащайтесь, господа, и вы будете избирателями!” Идея обеспечения господства буржуазии, которую он называл “средним классом” — одна из основных в его многочисленных политических выступлениях. Гизо считал, что положение буржуазии — между аристократией и низшими слоями — позволяет ей быть связующей силой и одновременно выразителем интересов большинства нации. Термин “средний класс” Гизо трактовал широко: все социальные слои, кроме аристократии и беднейшей части населения. Эти слои не занимались физическим трудом, а их состояние и просвещение обеспечивали им независимость суждений и поступков. Сделать “средний класс” активным в политическом отношении, организовать его политически, помочь осознать свои

³⁵ Guizot F. *Trois générations 1789—1814—1848*. P. 197—200. К этим выводам Гизо пришел уже после революции 1848 г.

интересы — задача, которую поставил перед собою Гизо-политик. П. Розанваллон отмечает, что Гизо не был в строгом смысле индивидуалистом, он мыслил скорее категориями классов³⁶.

Гизо отчетливо видел и ту пропасть, которая разделяла буржуазию и низшие слои населения: соперничество и враждебность, которые существуют между этими социальными группами, писал он, глубоки и аналогичны тем, которые существуют между буржуазией и аристократией³⁷. Однако все же необходимо подчеркнуть и другую сторону его политической концепции: прогресс, историческая перспектива не в том, чтобы кого-то лишать избирательных прав, а в том, чтобы в результате законотворческой деятельности как можно большее количество людей приблизилось по состоянию и образованности к уровню “среднего класса”.

В 1820 г. ремесленник Лувель убил наследника престола герцога Беррийского. Это событие было использовано реакцией для наступления на конституционные принципы во Франции. Цензуру восстановили, образование отдали под контроль католической церкви. Гизо, как и большинство “доктринеров”, перешел в оппозицию режиму, которая продлилась до конца Реставрации. Лишенный и кафедры и государственных должностей, он много работал над историческими трудами.

20-е годы XIX в. отмечены выходом двух самых знаменитых трудов Ф. Гизо “История цивилизации в Европе” (доведенная до Французской революции) и “История цивилизации во Франции” (доведенная до времени Гуго Капета). Значение этих работ прежде всего в стремлении подойти к пониманию закономерностей исторического развития, в проникновении в диалектику развития исторических эпох. Глубокая и всесторонняя аргументация того факта, что “общество никогда не распадается раньше, чем в его среде не возникнет новое”, произвела огромное впечатление на современников.

Через все исторические труды Ф. Гизо проходила “идея прогресса”. Само понятие цивилизации означало для него, прежде всего, непрерывный прогресс, постоянное совершенствование общественного устройства и нравственное совершенствование самого человека. “Идея прогресса, развития, — пишет он, — кажется мне основною идеею цивилизации”³⁸. Но что прогрессирует? Гизо указывает на усовершенствование гражданской жизни, общественных отношений. Развитие общественное Гизо поставил в зависимость от развития жизни индивидуальной, от развития са-

³⁶ Rozanvallon P. Op. cit. P. 217.

³⁷ Guizot F. Mémoires... V. 6. P. 348.

³⁸ Гизо Ф. Указ. соч. С. 9—10.

мого человека, его способностей, чувств, идей. Развитие цивилизации, таким образом, заключается для Гизо в двух плоскостях: развитие общественной деятельности и развитие деятельности личной; прогресс общества и прогресс людей. В этом бесконечном разнообразии форм, идей, начал, в их соперничестве, в их стремлении к известному единству, к идеалу, который никогда, быть может, не будет достигнут, и состоит мировой прогресс³⁹.

Подобно другим историкам Реставрации (таким, как О.Тьерри, Ф.Минье) Гизо изучал преимущественно средневековую историю Франции. В 1823 г. он начал публикацию двух коллекций мемуаров, относящихся к Английской и Французской революциям. Гизо наряду с Тьерри высказал идею о борьбе сословий и на этой основе строил свою концепцию истории Франции и Европы в целом. Борьба между сословиями, писал Гизо, наполняла всю историю, "из нее, можно сказать, родилась новейшая Европа". Гизо, как и другие историки Реставрации, считал эту борьбу итогом германского завоевания.

Другой особенностью нового времени Гизо считал процесс складывания единых наций. Нация для Гизо, как и для других либеральных мыслителей этого времени, социальная, историко-политическая, культурная единица. Концепцию Сийеса о том, что в третьем сословии во Франции сосредоточена вся нация, он отверг, хотя и считал появление такого толкования нации в XVIII в. обоснованным, так как события конца века как бы подвели итог развитию "городских общин" и их борьбе. "На самом деле, — писал Гизо, — понятие нации значительно шире. Борьба сословий сопровождалась одновременно и другими процессами: сословия одновременно прогрессивно расширялись, сближались между собой, уподоблялись друг другу; в каждой стране Европы рождался и развивался какой-то общий дух, какое-то единство интересов, идей, чувств, которое восторжествовало над различием и враждою"⁴⁰.

Этот процесс, по мнению Гизо, приводит к рождению народа. Во Франции XVII—XVIII вв. при всех различиях сословий существовал французский народ в полном смысле этого слова; народ, который "не состоял исключительно из одного какого-либо класса, но обнимал собою все сословия, одушевленные одним общим чувством, соединенные в одной общественной жизни, наконец, глубоко запечатленные национальностью, единством"⁴¹.

³⁹ Там же. С. 27.

⁴⁰ Там же. С. 146—147.

⁴¹ Там же. С. 147.

Складывание наций — это процесс, который характерен для всех стран Европы, это, считал Гизо, особенность нового времени: “из недр разнообразия, вражды, войны возникло то национальное единство, которым теперь отличается Европа и которое с увеличивающимся успехом не перестает стремиться к дальнейшему развитию и усовершенствованию”⁴².

В чем состоит процесс “развития и усовершенствования”? Должна ли каждая нация обрести (в случае, если не обладает) государственность? Размышляя о том, что лежит в основе совершенствования человеческого общества, Гизо даже не упомянул о проблемах, связанных с обретением народами своей государственности, т.е. эта проблема не была им поставлена.

В период правления Карла X (1824—1830), который вел откровенно реакционную политику, “доктринеры” активно занимаются публицистикой. В 1824 г. была основана газета “Глоб”, в которой работали Ф.Гизо, В.Кузен, Т.Жоффруа, Ш.Ремюза. В силу своего подцензурного положения “Глоб” не могла проводить политические дискуссии, однако темы ее публикаций были всегда актуальными и острыми. В 1827 г. Гизо стал руководителем еще одного периодического издания — “Ревю Франсез”. Статьи этого журнала были посвящены истории, философии, литературе.

В 1827 г. под председательством Гизо было создано общество “На Бога надейся, а сам не плошай”. Оно вело активную работу по подготовке выборов в палату депутатов. Его цель состояла в том, чтобы конституционными методами добиться победы либералов на выборах, а это должно было привести к падению реакционного кабинета. Деятельность общества была особенно эффективной во время избирательных кампаний 1827 и 1829 гг. Его члены распространяли по стране многочисленные брошюры, в которых призывали граждан активнее участвовать в выборах. И в результате уже в 1827 г. либералы получили относительное большинство мест в палате депутатов. Выборы 1829 г. принесли еще больший успех либералам.

Поводом к французской революции 1830 г. стал элемент парламентской процедуры — адрес, направляемый ежегодно королю палатой депутатов. Содержание этого послания, уважительное по форме, но твердое по содержанию, — уведомление Карлу X о нарушении им функционирования политического строя, закрепленного Хартией 1814 г., — стало той последней каплей, которая и поколебала хрупкое равновесие между властью и оппозицией. Карл X прервал заседание палаты, и вскоре она была распущена.

⁴² Там же

А после того, как в результате новых выборов в палату депутатов победу вновь одержали либералы, Карл X издал ордонансы, которые открыто нарушали Хартию 1814 г.

Революционный кризис 1830 г. во Франции завершился “тремя славными днями” в июле 1830 г., в ходе которых Карл X, а вместе с ним и ультрароялисты были отстранены от власти, а либералы стали правящей политической группировкой.

ЛИБЕРАЛЫ У ВЛАСТИ

Революционные события июля 1830 г. застали французских либералов врасплох. Особенно это касалось “доктринеров” и политических деятелей, близких к ним. Не они возглавляли восстание в Париже в июле 1830 г., не они встали во главе возрождавшейся в эти дни Национальной гвардии¹. Более того, вплоть до последнего момента большинство либеральных депутатов пыталось сохранить династию Бурбонов и заявляло о своей верности конституционной Хартии 1814 г.

Гораздо решительнее вели себя некоторые либеральные журналисты, прежде всего А. Тьер, Ф. Минье, А. Каррель. Хорошо известна “боевая” настроенность сотрудников газеты “National”, которая еще задолго до событий 1830 г. проводила сравнение Бурбонов со Стюартами, подчеркивая схожесть их политики, противоречащей потребностям нации, неумение извлекать уроки из прошлого. Но либеральные журналисты видели причину восстания в Париже в нарушении королем Хартии 1814 г., и смысл происходящего сводили к возвращению законности в стране. “Нет, — восклицал с силою Ш. Ремюза в редакции газеты “Globe”, — нет, не революцию мы хотим вызвать: дело шло исключительно о легальном протесте”². Основная задача — не уничтожить существующий порядок, а заставить власть вернуться к Хартии 1814 г.

События “трех славных дней” (27—29 июля) были чисто стихийным народным движением, никем по существу не подготовленным и не возглавленным. Уже 28 июля на улицах Парижа, покрытых баррикадами, появились национальные гвардейцы, во главе которых встал Лафайет, ветеран революции 1789 г., известный своими республиканскими симпатиями и приверженностью принципам 1789 г. Часть солдат регулярной армии стала переходить на сторону восставшего Парижа. Становилось ясно, что ситуация выходит из-под контроля не только правительства, но и

¹ Национальная гвардия была распущена в 1827 году.

² *Блан Л.* Июльские дни 1830 г. (Из истории десятилетия). Киев, 1906. С.18.

оппозиционных ему либеральных депутатов. Лозунги “Долой Бурбонов!”, “Да здравствует Лафайет!” были горячо подхвачены населением Парижа, особенно его рабочих окраин.

Первыми заговорили о перемене династии в пользу представителя младшей ветви Бурбонов герцога Луи-Филиппа Орлеанского, который давно претендовал на роль вождя всей либеральной партии, журналисты. 30 июля А.Тьер распространил прокламацию: “Карл X не может более вернуться в Париж, он пролил потоки народной крови. Республика приведет нас к страшным раздорам, она рассорит нас с Европой. Герцог Орлеанский — принц, преданный делу революции... Это король-гражданин... он осыплет огнем национальные три цвета, он один только может их носить. Он ожидает выражения наших желаний. Провозгласим эти желания, и он примет Хартию, как мы этого всегда желали. Он получит свою корону от французского народа”³.

Герцог Луи-Филипп Орлеанский, похоже, устраивал всех, кроме очень немногочисленной группы республиканцев, которая состояла в основном из молодых, неопытных и не способных выдвинуть ни одного авторитетного кандидата, кроме Лафайета. Однако и Лафайет, который приобрел в эти революционные дни огромную популярность, стал склоняться к этой кандидатуре. Поддержка Лафайетом Луи-Филиппа Орлеанского сделала возможной сохранение монархической формы правления во Франции. Рассуждения старого генерала о возможности “народной монархии, окруженной республиканскими институтами”, его выход на балкон Ратуши под руку с герцогом Орлеанским смутили многих республиканцев.

7 августа 1830 г. обе палаты французского парламента объявили трон вакантным и обратились к герцогу Орлеанскому с просьбой принять корону. На заседании палат 9 августа Луи-Филипп Орлеанский торжественно принес присягу конституции и вступил на французский престол. Лафайет писал 12 августа одному из друзей: “Мы хотели королевской республики, и мы ее добились; и я надеюсь на последующие улучшения. Хотелось бы верить, что мы не ошиблись в выборе короля”⁴.

Однако надежды Лафайета не оправдались. Луи-Филипп Орлеанский, заботясь о судьбе основанной им династии, которая в значительной степени зависела от отношения к ней легитимных монархов Европы, опасался республиканских политических деятелей и вовсе не стремился основать “королевскую республику”. 24 декабря 1830 г. была ликвидирована должность главнокоман-

³ Цит. по: *Сеньобос Ш.* Политическая история современной Европы. Т. 1. СПб., 1899. С. 88.

⁴ Цит. по: *Черкасов П.П.* Генерал Лафайет. Исторический портрет. М., 1987. С. 158.

дующего Национальной гвардии, и Лафайет был вынужден уйти в отставку. Ему, правда, была предложена должность "почетного командующего", от которой он с возмущением отказался. А 13 марта 1831 г. отставку получило и правительство во главе с Ж. Лафитом, которое было сформировано левыми либералами. Новый французский монарх привлек к себе прежде всего бывших "доктринеров", которые с этого времени становятся сторонниками Орлеанской династии⁵.

Либерализм, в том истолковании, которое ему придали "доктринеры", стал официальной идеологией июльской монархии и должен был на практике осуществить свои идеи. В руках представителей этого направления французских либералов оказалась вся сфера официальной политики — обе палаты Законодательного собрания, государственный аппарат. Лидера "доктринеров" Франсуа Гизо часто называют идеологом режима Июльской монархии, ему даже приписывают "зловещую роль в ее судьбе"⁶. Еще в январе 1830 г. он был выбран в палату депутатов, а после революции 1830 г. возглавил в парламенте самую влиятельную правительственную группировку⁷. Много раз в годы Июльской монархии Гизо занимал важные государственные посты: с августа по ноябрь 1830 г. возглавлял министерство внутренних дел, активно участвуя в это время в разработке Хартии 1830 г.; дважды (в 1832—1836 и 1836—1837 гг.) был министром образования. После короткого пребывания на посту посла в Англии (1839—1840) Гизо стал в 1840 г. министром иностранных дел и фактическим главой правительства; наконец, с 1847 г. вплоть до революции 1848 г. был главой кабинета министров.

Либерализм эпохи Июльской монархии не исчерпывается правящей либеральной группировкой, которая получила в 1830 г. название "партия сопротивления", а позднее составила различные династические группировки в парламенте. Анализируя политическую обстановку сразу же после революции 1830 г., свидетель событий Луи Блан писал, что во Франции в это время, по существу, было два правительства — правительство Луи-Филиппа и "правительство клубов". Первое — "расчетливое и продажное",

⁵ Сторонников Орлеанской династии станут называть орлеанистами. А позднее историки введут даже термин "орлеанизм", подразумевая под этим политику "золотой середины", "центра" по отношению к крайним политическим течениям этого времени, а в социальном плане — господство новой социальной элиты (см.: Rémond R. *La droite en France. De la première restauration à la cinquième république*. P., 1967. P. 74—76; см. также: *Фадеева Т.Ф. Трудные судьбы французского либерализма // Согрин В.В., Патрушев А.Н., Токарева Е.С., Фадеева Т.Ф. Либерализм Запада. XVII—XX века. М., 1995. С. 66—68.*

⁶ *Далин В.М. Историки Франции. М., 1981. С. 17.*

⁷ Кроме Ф. Гизо в эту группировку входили такие видные политические деятели как К. Перье, А. Тьер, В. де Брольи, Ш. Ремюза.

второе — “активное, действующее страстно и непредусмотрительно”⁸. Второе “правительство” получило в 1830 г. название “партия движения”. Противостояние этих двух “партий” сохранялось во Франции на протяжении всей истории Июльской монархии, особенно острым оно было в 30-е годы XIX в.

Само название “партия сопротивления” связано с пониманием “доктринерами” смысла революционных событий. Для них смысл революции 1830 г. сводился к смене династии, а сам режим Июльской монархии они считали идеальным с точки зрения разума и потребностей Франции. Но новый политический режим был рожден революцией. Поэтому, считал Гизо, главная задача нового правительства — преодоление революционного духа, опять возобладавшего во Франции, сохранение “свободы и порядка”. Вину за революцию 1830 г. Ф. Гизо возложил на Карла X и его окружение, которые не захотели “внутренней гармонии”, изменив принципам Хартии 1814 г.⁹

Другой влиятельный деятель этой группировки, Казимир Перье, считал, что “три славных дня” не содержали в себе ничего революционного; они лишь помогли Франции вернуться в прежнее русло, из которого она была выведена ордонаансами Карла X. В разговоре с Одилоном Барро он восклицал: “Несчастье нашей страны в том, что есть много людей, которые воображают, будто во Франции совершилась революция. Нет, революции не было, была лишь простая перемена главы государства”¹⁰. А Шарль Ремюза, выступая в парламенте, отмечал, что решение о революционной форме перемены династии было вынужденным: “мы приняли решение о революции не добровольно, а были принуждены обстоятельствами к этой славной, но одновременно ужасной необходимости ее совершить”¹¹.

Отсюда очевиден и политический идеал правящей либеральной “партии” в годы Июльской монархии: сильный король с Хартией в руках. Только так, считали, можно восстановить законность и стабильность в стране, вновь имевшей несчастье пережить революционный взрыв¹².

⁸ *Blan L. Histoire de dix ans. T. 2. P., 1842. P. 86.*

⁹ *Guizot F. Trois générations. 1789—1814—1848. P., 1863. P. 168, 181—182.*

¹⁰ Цит. по: *Устинов В.М. Учения о народном представительстве. Т. 2. М., 1915. С. 39.*

¹¹ *Archives parlementaires. Recueil des débats législatif et politiques des chambres françaises. Série 2. P., 1888, 1914. V. 70. P. 437. (Далее — А.Р.)*

¹² Хотя споры шли и среди правящих либералов. Прежде всего по вопросу о принципах формирования правительства. Гизо считал, что король имеет право назначать министров, лишь считаясь с мнением палат, но не подчиняясь воле большинства; а Тьер доказывал, что король должен назначать министров, прямо следуя воле большинства в палатах.

“Партия движения”, состоявшая из немногих республиканцев и левого крыла либеральной буржуазии, постоянно составляла оппозицию “партии сопротивления”, но ее представители не входили в правительственные органы, и были слабо представлены в парламенте. Ее лидеры — Лафайет, Ж. Лаффит, О. Барро понимали события 1830 г. как революцию, которая, по словам Барро, открыла дорогу “истинному либерализму”, была совершена “средним классом” и именно ему должна обеспечить “участие в управлении”. «Наш правительственный строй создан, — писал Барро, — средним классом и именно благодаря ему и вместе с ним он должен жить и развиваться... В тот день когда знаменитое высказывание Сийеса: “Третье сословие — все” перестанет быть истиной, наше общество окажется серьезно больным»¹³.

Левые либералы декларировали отказ от внутренней и внешней политики Реставрации и торжество в перспективе принципов 1789 г. Ш. Ремюза так характеризовал позицию своих политических соперников: они “рассматривают нашу революцию, как перчатку, брошенную всей Европе, многим эта политика представляется вновь проснувшимся вулканом Конвента; по их мнению, война объявленная Карлу X, является войной со всеми монархами Европы”¹⁴. “Партия сопротивления” страшилась не только демократических настроений, которые породила Июльская революция, но и логического, как казалось, следствия их — возрождения диктаторского режима во Франции. Единственной гарантией от такого развития событий, т.е., как считали представители правого крыла либералов, гарантией для сохранения “свободы” во Франции — являлось скорейшее восстановление мира внутри страны и на ее границах.

* * *

Механизм воспроизводства политической элиты во Франции сложился в основных чертах в начале XIX в., однако только Хартия 1814 г. действительно создала условия для развития буржуазного парламентаризма.

Июльская монархия не изменила механизм функционирования власти. Закон 19 апреля 1831 г. снизил имущественный ценз, что приблизительно вдвое расширило корпус избирателей, но, как отмечают исследователи, не привело к значительным пере-

¹³ Barrot O. Mémoires posthumes. T. 1. P., 1875. P. 226—228; P. 208—209.

¹⁴ A.P. Série 2. V. 82. P. 35.

нам в нем с точки зрения социoproфессионального состава, в котором по-прежнему преобладали землевладельцы¹⁵.

Однако комиссия, в которую входили Ф. Гизо, В. де Брольи, Б. Констан, все же “переделала” Хартию 1814 г. в более либеральном духе, расставив новые акценты в старом тексте. Хартия 1830 г. представляла уже, в отличие от Хартии 1814 г., не добровольную уступку со стороны королевской власти, а признавала за самим французским народом политические права на обладание конституцией, которая является неотъемлемым достоянием нации. Новый король Луи-Филипп Орлеанский должен был править Францией не по наследственному праву, а по приглашению французского народа. Принцип верховенства нации вновь приходил на смену принципу божественного права королей. А. Тьер подчеркивал, что Луи-Филипп получил свою корону от французского народа, а Ф. Гизо уверял депутатов, что Луи-Филипп “будет уважать наши права, потому что сам получил свои от нас”¹⁶.

Католическая церковь перестала быть государственной; католицизм превращался в религию, “исповедуемую большинством французов”. Религиозная коронация уничтожалась и заменялась присягой короля конституции в присутствии двух палат. Палата пэров, потерявшая половину своих членов (175 пэров из 364 отказались присягнуть Луи-Филиппу) и лишившаяся привилегии наследственности (пэрство становилось пожизненным), утратила свое влияние на правительство. Политическая власть окончательно сосредоточилась в палате депутатов. За обеими палатами французского парламента признавалась законодательная инициатива, хотя и предусматривалась возможность королевского вето.

Особое внимание уделялось свободе печати. Цензура запрещалась, преступления по делам печати, как и политические преступления, находились в компетенции суда присяжных.

Была восстановлена Национальная гвардия. Она заменила упраздненную королевскую гвардию. Причем основная обязанность Национальной гвардии была определена как “защита Хартии и всех прав, ею освященных”, т.е. защита нового режима во Франции.

Один из принципиальных политических вопросов, который решался либералами в годы Июльской монархии, был вопрос об избирательной системе. Правое крыло французских либералов выступало за сохранение высокого избирательного ценза. Дювержье-де-Оранн в 1835 г. говорил: “Власть должна принадлежать классу, который обладает способностью двигать вперед цивилизацию. Таков ныне только средний класс, ибо время аристократии

¹⁵ Ревякин А.Б. Буржуазия после Французской революции (первая половина XIX в.) // Буржуазия и Великая французская революция. М., 1989. С. 180.

¹⁶ Сеньобос Ш. Политическая история современной Европы. Т. I. СПб., 1899. С. 89.

прошло, а низшие классы еще не достигли достаточной степени просвещенности и состоятельности, обеспечивающей досуг... Средний класс совмещает в себе все интересы, которые вне его, разделены и противоречивы: в обществе нет ничего законного, хорошего и полезного, чего бы он не содержал и не представлял”¹⁷.

Обстоятельно обосновывал эту позицию Ф. Гизо, выступая в феврале 1842 г. в парламенте. Он заявил, что общество, которое создано в стране, можно назвать обществом “нового типа”. Если раньше французское общество было разделено на классы, противостоящие друг другу по интересам, гражданскому и материальному состоянию, то теперь оно объединено “общим интересом”, и “интерес” этот открывается лишь самым способным. (Для французских либералов того времени это было тождественно “богатым”). “Много говорят, — подчеркивал Гизо, — о единстве французского общества и имеют для этого основания; это единство не только географическое, но и моральное, внутреннее. У нас нет больше борьбы между классами, нет глубоких расхождений между интересами”¹⁸. Гизо считал, что это совершенно новый факт в развитии французского общества, и делал вывод, что “распределение политических прав не является у нас предметом борьбы и соперничества, ибо во Франции классы живут в добром согласии”¹⁹. Гражданское равенство, по его мнению, совместимо с неравенством политических прав, тем более что “способные люди” всегда добьются успеха и смогут стать “собственниками и промышленниками”. Высшие слои французского общества, полагал Ф. Гизо, тесно связаны с низшими и вполне могут представлять и защищать их интересы в парламенте. Поэтому у низших классов не может возникнуть никакого чувства ущербности: “все классы, все социальные силы, соединяясь, рождают это великое моральное единство французского общества, живущего в мире”²⁰. Следовательно, считал Гизо, движение в пользу избирательной реформы и его требования исходят не от общества, а от политических интриганов, которые стремятся дестабилизировать обстановку в стране.

Таким образом, идея народного суверенитета сначала была заменена суверенитетом разума, а затем как бы утоплена в рассуждениях о гармонии интересов всех слоев французского общества. Причем иногда эта тема принимала такое звучание: народный су-

¹⁷ Цит. по: Устинов В.М. Ук. соч. Т.2. С. 63.

¹⁸ Guizot F. Histoire parlementaire de France. Recueil complet des discours prononcés dans les chambres de 1819 à 1848. P., 1863. Т. 3. P. 555.

¹⁹ Ibid. P. 557.

²⁰ Цит. по: Устинов В.М. Ук. соч. Т. 2. С. 69.

веренитет — не что иное, как суверенитет короля и обеих палат, творящих закон, выражающий народную волю²¹.

Идея парламентской реформы (“усовершенствования парламентских нравов”) носилась в воздухе, и особенно много говорили о ней левые либералы, но на практике речь шла только об избирательном цензе. Левые либералы предлагали снизить его уровень. Так, О. Барро настаивал на уменьшении имущественного ценза для лиц с высоким образованием, включить в число избирателей лиц, обладающих “способностями”. Но сам имущественный ценз практически не вызывал споров среди французских либералов времен Июльской монархии. Даже правые либералы (кроме, пожалуй, Ф. Гизо) в 40-е гг. XIX в. постепенно приходили к мысли о необходимости проведения парламентской реформы. Именно представители этой политической группировки Дювержье-де-Оранн и Ремюза занялись разработкой ее проекта.

* * *

Одним из важнейших вопросов, которым было вынуждено сразу же заняться правительство Луи-Филиппа, стал вопрос об отношении Июльской монархии к тем событиям, которые происходили в континентальной Европе под влиянием революции во Франции. Общественность Франции ждала также заявления правительства о новых принципах внешней политики Франции. В период Реставрации Франция была членом Священного союза и придерживалась принципа легитимизма и территориального статус кво, созданного трактатами 1815 г. Революция 1830 г. и свержение легитимного режима во Франции, тесно интегрированного в международную систему, с таким трудом созданную в Вене в 1815 г., стали фактором дальнейшего разрушения этой системы. Для легитимных монархов Европы революция во Франции означала возрождение революционной угрозы. Их страшила возможная военная экспансия революционной Франции. Особенно обострилась ситуация в связи с начавшимися революционными событиями в Бельгии в августе 1830 г.

Рождение новой французской внешнеполитической программы проходило в крайне сложной внутривнутриполитической ситуации. В парламенте четко обозначились два полюса: “партия движения” и “партия сопротивления” предложили противоположные подходы к вопросам внешней политики.

²¹ Guizot F. Histoire parlementaire de France... T. I. P. 190—193.

Левые либералы понимали события 1830 г. как начало коренных преобразований в Европе, требовали продвижения Франции к Рейну, поддержки всех революционных движений в Европе, присоединения Бельгии к Франции. “Партия сопротивления” заняла более осторожную позицию. Правительство Луи-Филиппа сразу после революции 1830 г. признало все территориальные изменения, произведенные трактатами 1815 г. Ф.Гизо не раз поднимался на трибуну в палате депутатов для отстаивания “мирной политики” Луи Филиппа и отражения атак со стороны левых либералов. Одно из таких ярких выступлений состоялось 15 января 1831 г.; оно стало выражением официальной внешнеполитической линии Орлеанской монархии.

Прежде всего, Гизо предостерегал от распространения “демона революции” после революционных событий 30-го года в Европе, который, как он отмечал, чрезвычайно опасен и для Франции, так как может погубить то, что было завоевано. Поэтому, считал Гизо, необходимо отмежеваться от набиравшего силу революционного духа, поставить ему преграду, но одновременно поддерживать (но не силой) права народов на свой выбор. Гизо выступил против насильственного распространения либеральных и политических институтов повсюду в Европе (“это фантазия, и опасная”), напомнил французам о неудачном опыте Наполеона I. Такая политика, подчеркнул он, вызвала протест не только монархов, но и народов. “Мы хотим пропагандировать свободу, но не революции”²². Гизо употребил даже выражение — “нельзя быть Дон-Кихотами восстаний!”. Он выдвинул “принцип невмешательства” во внутренние дела других стран как основу взаимоотношений государств в Европе²³.

Французское правительство считало, что Франция не должна помогать развитию революционного движения в Бельгии. Бельгия должна справиться со своими внутренними проблемами сама. Франция же потребует от европейских держав невмешательства в ее внутренние дела.

Окончательно внешнеполитический курс Орлеанской монархии был сформулирован Казимиром Перье, который в марте 1831 г. возглавил правительство. Выступая 18 марта 1831 г. в палате депутатов, он огласил следующие принципы своей внешней политики: “1. Прежде всего, сохранение мира в Европе, трактаты 1815 г. дают возможность сохранить мир в Европе; 2. Франция отказывается от каких-либо территориальных претензий; 3. Огра-

²² Guizot F. Histoire parlementaire de France... Т. I. P. 190—193.

²³ Принцип невмешательства впервые был провозглашен в годы Французской революции конца XVIII века. В 20-е гг. XIX в. его отстаивал английский министр Д. Каннинг, что было связано с отходом Англии от сотрудничества со Священным союзом.

ниченное толкование принципа невмешательства. Франция не должна бросаться на помощь всем народам, восставшим против своих правительств. Она будет действовать только в том случае, если этого требуют интересы Франции". "Кровь французов, — заявил К. Перье, — принадлежит только Франции"²⁴.

Таким образом, в 30-е годы XIX в. французские либералы предложили два пути развития международных отношений. Правящие либералы настаивали на сохранении всей системы международных отношений. Левые же либералы считали, что путем внешнеполитических акций необходимо решать в том числе и идеологические задачи. Как им казалось, это в конечном итоге решало многие проблемы, связанные с национальным возрождением Франции, возвращением ей ведущей роли на международной арене²⁵.

Левые либералы не прекращали призывать французское правительство встать во главе развернувшегося в Европе революционного движения. По их мнению, Франция должна была, как в конце XVIII века, выступить "Дон-Кихотом свободы". Принцип невмешательства в таких исторических условиях, когда в Европе опять "не дают восторжествовать идеям свободы и либерализма", они считали догматическим и даже преступным. В одном из своих выступлений по вопросам внешней политики О. Барро назвал правительственный курс "политикой простаков и обманутых", а принцип невмешательства, в условиях когда революционеры всей Европы ждут от Франции помощи, поддержки, просто неприемлемым. Политика французского правительства, считал он, это политика "эгоизма и безразличия", которая принесет Франции только бесчестье²⁶.

Левые либералы предложили и конкретную внешнеполитическую программу. Они считали, что, поддерживая либеральные движения повсюду в Европе, французское правительство одновременно должно выступить с инициативой создания политического блока государств, основанных на либерально-конституционных принципах (Франция, Англия, Португалия и Испания), и противопоставить этот блок государствам, входящим в Священный союз²⁷.

Надо сказать, что это последнее предложение левых либералов находило понимание и в правительственных кругах Июльской монархии. Все французские дипломаты, политические деятели

²⁴ Цит. по: *Guyot R.* La première Entente Cordial. P., 1926. P. 75—76.

²⁵ См. *Черняк Е.Б.* Либерализм и новое видение XIX века // Европейский либерализм в новое время. М., 1995. С. 11—12.

²⁶ *Barrot O.* Op. cit. T. I. P. 299—300.

²⁷ *Ibidem.*

этого времени — от Талейрана, который во многом определял курс внешней политики Июльской монархии в начале правления Луи-Филиппа, и до Ф. Гизо, который с 1840 по 1847 г. был министром иностранных дел, — считали весьма вероятным раскол Европы на два военно-политических блока по идеологическому принципу: с одной стороны Англия и Франция, с другой — Австрия, Россия и Пруссия. При этом считалось, что Пруссия с ее тягой к либеральным реформам в будущем присоединится к Англии и Франции²⁸. Этот расчет оказался неверным. Достигнуть соглашения с Англией можно было, только устранив наиболее спорные вопросы в отношении между двумя странами. Для этого Франция должна была отказаться от активной колониальной политики, распространения своего влияния в Бельгии и на Пиренейском полуострове.

Кроме того, в 30—40-е годы XIX в. неразрешенными оставались и экономические противоречия. На всех этапах переговоров между Англией и Францией о политическом сотрудничестве, сближении или даже заключении союзного договора английские представители выдвигали предложение о пересмотре таможенной политики Франции, снижении пошлин на некоторые товары (особенно на пряжу, ткани из льна и пеньку), т.е. фактически об открытии французского рынка для английских товаров. Английский посол подчеркивал в Париже, что невозможно добиться упрочения политического союза, не договорившись по вопросам торгово-промышленным²⁹.

Под нажимом Англии французское правительство пыталось перейти к политике экономического либерализма. Однако все попытки провести через парламент хотя бы некоторые изменения в таможенной системе кончались провалом. Снизить таможенные пошлины и открыть французский рынок для английских товаров Франция не могла — это противоречило интересам национальной буржуазии. Таким образом, действительного сближения Англии и Франции на основе лишь общности политических либеральных институтов в противовес абсолютистским режимам не произошло.

Исходя из либеральных принципов, левые либералы безоговорочно поддерживали национально-освободительные движения в Европе. Право на независимость и свободу являлось для них неотъемлемым, “естественным правом” всех народов. Главная истина для Одилона Барро — он ее часто называет “великой

²⁸ См.: Федосова Е.И. Становление внешнеполитического курса Июльской монархии во Франции // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1989. № 2; Она же. Франсуа Гизо во главе МИД Франции (1840—1847 гг.) // Вопросы истории. 1993. № 10.

²⁹ Guyot R. Op. cit. P. 112.

истиной” — заключается в том, что народы -- господа своей судьбы и никто не имеет права навязывать им свою волю. Это подразумевало поддержку Францией всех национально-освободительных движений, в первую очередь в Италии, Бельгии, Испании. В одном из своих выступлений конца 40-х годов Барро говорил: “...я желаю, чтобы в вопросе о восстановлении итальянцами независимости отечества наша страна имела возможность действовать сообразно с ее истинными интересами и симпатиями”³⁰.

Конечно, и правые либералы, которые реально осуществляли власть во Франции, поддерживали ширившееся в Европе национально-освободительное движение. Но для них важно было, чтобы обретение нацией своей свободы и государственности не привело к революционным потрясениям, которые всегда сопровождаются распространением демократических идей и настроений. “Революция, — говорил Ф.Гизо на открытии парламентской сессии 1835 г., — это во всех случаях зло”³¹.

Внешнеполитическая концепция правительства Июльской монархии включала в себя стремление к ликвидации международной изоляции Франции путем разрушения Венской системы. Важным ее компонентом являлся принцип невмешательства государств во внутренние дела друг друга. Однако сам принцип невмешательства имел для Гизо и для его сторонников скорее прагматическое значение: не допустить вооруженного вмешательства европейских монархов во внутренние дела самой Франции и тех государств, которые образуют, как подчеркивал Гизо, “ее пояс” (Бельгия, Швейцария, Пьемонт, Испания)³².

В реальной же внешней политике Франция, как и Англия, не раз отходила от этого принципа. Прежде всего, в бельгийских делах, когда обе эти державы согласились, чтобы судьба Бельгии была решена на конференции пяти великих держав. Французский историк А.Дебидур верно подметил, что само это решение говорило о нарушении принципа невмешательства и было “не что иное, как обращение к практике Священного союза”³³.

Еще более показательна политика либерального правительства Франции в германском вопросе. По существу в отношении к германским государствам Франция стояла на платформе решений Венского конгресса, закрепившего раздробленность Германии. Создание сильного единого германского государства, по мнению французского правительства, не только уменьшило бы влияние

³⁰ Цит. по: Верморель А. Деятели сорок восьмого года. М.; П., 1923. С. 12—13.

³¹ Guizot F. Histoire parlementaire de France... Т. 2. Р. 277.

³² Guizot F. Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps. Т.2. Р., 1859. Р. 259.

³³ Дебидур А. Дипломатическая история Европы. М., 1947. Т. 1. С. 306.

Франции в Европе, но и создало бы серьезную угрозу ее позициям на Рейне, в Эльзасе и Лотарингии. Уже первые инструкции посланникам в германских государствах показывают, что Франция не хотела объединения Германии: «обращайте особое внимание на положение небольших германских государств, так как в интересах Франции поддерживать маленькие и средние германские государства с целью создания противовеса великим державам — Австрии и Пруссии»³⁴. Чтобы противостоять планам Пруссии, Гизо начал активную переписку с Меттернихом. 25 февраля 1847 г. он писал ему, что Франция поддерживает развитие либерального духа в Европе, утверждение конституционных режимов, но одновременно подчеркивал, что события в Пруссии имеют две стороны: изменение форм правления (имелись в виду проекты либеральных реформ является внутренним делом Пруссии, но эти процессы ведут к складыванию совершенно новой расстановки сил в Германии и не могут не отразиться на европейском равновесии)³⁵.

Во французском же обществе идея сближения с Австрией была крайне непопулярна. В общественном сознании Франции Австрия, как один из главных организаторов Священного союза и Венской системы, выступала как самый главный враг французского народа, основной виновник унижительных для него условий мира 1815 г., раздробленная же Германия представлялась чуть ли не жертвой Австрийской империи. Для демократической и лево-либеральной оппозиции было характерно видеть в едином германском государстве фактор прогресса, безопасности Франции и даже гарантии мира в Европе. Считали, что объединение Германии изменит в пользу Франции всю международную обстановку и в благодарность за поддержку Франция получит даже столь желанное (об этом никогда не забывали!) — левый берег Рейна станет французским. Таких взглядов придерживались Ж.Мишле, В.Гюго, А.Ламартин. Попытка осуществить союз с Австрией привела бы к буре негодования во французском обществе. То же самое можно сказать и о реакции французского общества на попытки правительства заключить союз с Англией. Всякое послабление в отношении Англии, экономические уступки ей рассматривались различными оппозиционными политическими группировками чуть ли не как национальная измена. «Дух Ватерлоо» не отпускал Францию, и всякое правительство, которое стремилось решать внешнеполитические задачи без учета этого, было обречено на поражение.

³⁴ *Owsińska A.* La politique de la France envers l'Allemagne à l'époque de la monarchie de Juillet. 1830—1848. Warszawa, 1974. P. 15.

³⁵ *Ibid.* P. 61.

Расстановка сил на международной арене приводила к тому, что внешней политике Июльской монархии не хватало масштабности. По меткому замечанию Ш. Сент-Бева, эта политика не открывала для Франции никаких перспектив на международной арене. "Франция скучает", — подвел итог А. Ламартин почти восьмилетнему правлению министерства Ф. Гизо. Этим в значительной степени и определялась оппозиция внешнеполитической деятельности правительства Гизо в общественном мнении Франции. Требование перейти от решения узких, прагматических проблем к созданию широкомасштабной программы внешней политики, сулящей возвращение Франции ее бывшего величия, было характерно для всех групп общественной оппозиции. Такой программы правительство Гизо создать не могло, да и условий для ее претворения в жизнь в 30—40-е годы XIX в. у Франции не было. Недовольство внешней политикой стало еще одним из факторов, приведших к отставке министерства Гизо, а затем и к общенациональному кризису и революции 1848 г.

Попытка Священного союза дать Европе новую организацию, основываясь на принципе легитимизма и территориальном статус-кво, встретила, как известно, противодействие со стороны двух главных сил: национальной идеи и либерализма. Однако национальная идея этого времени, как справедливо отметил французский историк Ж. Вейль, заключала в себе не только стремление народов к обретению государственности, но и пробуждающуюся тягу к идее национальной исключительности, что имеет вполне определенное название — национализм³⁶. Именно с растущим национализмом связано появление во Франции 40-х годов XIX в. культа Наполеона I. Адольф Тьер начинает в эти годы работу над историей Консульства и Империи во Франции. Автор был известен как историк, активный деятель либеральной партии, крупный политический деятель. Тьер прославился также своими яркими выступлениями в защиту свободы Италии и других национально-освободительных движений. Тем более интересен его анализ внешней политики Наполеона I. Работа А. Тьера — это апология внешней политики французского императора, его завоевания оправдываются некой целесообразностью. Так, например, автор оценивал наполеоновскую политику в германских землях как мудрую: Наполеон "...наложил на Германию свою волю для ее же собственной пользы и для спокойствия мира: единственный случай, когда дозволено и полезно вмешиваться в чужие дела"³⁷. Таким образом, либерал Тьер пришел к выводу,

³⁶ Weill G. L'éveil des nationalités et le mouvement libéral (1815–1848). P., 1930. P. 546–549.

³⁷ Тьер А. История Консульства и Империи. СПб., 1848. Т. 4. С. 128.

что в некоторых ситуациях дозволено вмешиваться в чужие дела, дозволено диктовать свою волю!

Идея “нация - государство”, т.е. обретение каждой нацией государственности, не увлекала либералов, реально осуществляющих власть. Было очевидно, что такое грандиозное переустройство Европы возможно лишь как следствие опустошительных революционных потрясений и войн. Франсуа Гизо в своих мемуарах, которые он начал писать в 1858 г., признал, что под напором либерального, демократического и национально-освободительного движений рушится старая Европа, но он считал, что происходить это должно в результате внутренних процессов, без всякого вмешательства извне. Это не значит, писал он, что народы изолированы и безучастны к судьбе друг друга. Но силой и войной нельзя способствовать распространению истины и свободы³⁸.

* * *

Большую возможность для реализации своих идей французские либералы имели во внутриполитической деятельности. Однако и тут возникли огромные трудности, связанные с небывалой политической активностью французского общества в 30-е годы XIX в.

Высокий имущественный ценз оставил за пределами официальной политической жизни громадное большинство французов. В течение всего периода Июльской монархии правительство испытывало постоянное давление со стороны сильной демократической оппозиции, которая все чаще приобретала социальный характер. Причем осуществить свои политические планы французские демократы 30-х годов думали посредством вооруженного восстания в Париже. Похороны генерала Ламарка 5 июня 1832 г. вылились в настоящее восстание в Париже. Многие парижане в панике покидали город, искренне думая, что дело вновь окончится революционным взрывом. В Париже в открытую говорили о необходимости формирования временного правительства, называя имя Лафайета как вождя новой революции.

В 30-е годы шло возрождение якобинской традиции, идеализировался якобинский режим. Одновременно большой популярностью стали пользоваться социалистические и коммунистические идеи. Книга Буанаротти “Заговор Бабефа” раскупалась так, что позволяла книготорговцам делать хорошие деньги.

Множество политических организаций, обществ, ассоциаций, которые выдвигали крайне радикальные требования, беспорядки, которые инициировались в крупных городах Франции как рес-

³⁸ Guizot F. Mémoires... T. 2. P. 257.

публиканцами, так и легитимистами, — это историческая реальность французской истории 30-х годов XIX в. Такая ситуация приводила к крайней политической нестабильности — за десять лет сменилось десять министерств. И лишь последнее, одиннадцатое, министерство Луи-Филиппа, которое фактически возглавлял Гизо, просуществовало восемь лет.

Тема общественно-политических движений этого времени не является центральной для данного очерка, поэтому она только обозначена, но сделать это необходимо, так как широта, размах оппозиционных режиму движений не могли не сыграть огромной роли в формировании внутриполитического правительственного курса.

Идея порядка, политической стабильности постепенно стала доминирующей у сторонников Орлеанской династии. Свобода, считали они, невозможна без порядка, она превращается в хаос, становится опасной для общества и, более того, вырождается в свою противоположность — диктатуру. В одном из своих выступлений 1831 г. Ш. Ремюза говорил: “Реальным олицетворением Июльской революции было установление конституционной свободы. С моей точки зрения, для того, чтобы поддержать эту свободу, нужен порядок внутри страны и за ее пределами. Я считаю, что страна нуждается в порядке, так как его отсутствие свидетельствует о слабости власти...”³⁹.

Именно с этого времени можно говорить о консервативных чертах, которые приобретает правое крыло французского либерализма. Сохранение, консервация известного уклада жизни становится основной задачей правящей политической группировки. Нахождение у власти вообще заставляет иначе взглянуть на многие вопросы и очень осторожно относиться к перспективе обновления во всех сферах.

Годы Июльской монархии характеризовались бурным развитием газетного дела. Газеты и журналы стали выходить массовыми тиражами. Во Франции насчитывалось более 700 наименований газет и журналов, что вдвое превышало число периодических изданий при Реставрации. Только в Париже издавалось 26 газет общим тиражом до 180 тыс. экз. Среди них было немалое число и оппозиционных изданий, которые постоянно публиковали материалы, вызывающие громкие скандалы, иногда перераставшие в массовые беспорядки. Особенно отличались газеты “La Tribune” и иллюстрированные журналы “Le Charivari” и “La Caricature”. Против газеты “La Tribune” за первые четыре года существования Июльской монархии было возбуждено 111 процессов. Постоянные нападки на короля и правительство, оскорбительные карика-

³⁹ A.P. Série 2. V. 69. P. 133.

туры, намеки, а иногда прямые обвинения в коррупции казались в обществе, которое еще только привыкало к свободе печати, недопустимым третированием власти. Чтобы как-то справиться с этим накалом журналистских нападков, уже в начале 30-х годов правительство принимает решение о некоторых ограничениях свободы печати. Мелкая книжная торговля была запрещена, а уличная продажа газет и брошюр подчинена полицейскому надзору. Появился закон, карающий за призывы к мятежу.

Правящие либералы рассматривали эти шаги, как путь к наведению порядка в стране, считали, что эти меры на свободу печати не посягают, а, наоборот, гарантируют покой и стабильность, которые и дадут возможность встать на ноги истинной свободе печати. Вседозволенность же, нападки на власть, причем не всегда подтвержденные фактами, способны вновь дестабилизировать обстановку во Франции. В данной конкретной ситуации ограничения печати, говорил Ремюза в своем выступлении в парламенте, "ценнее для свободы, чем мнимая популярность"⁴⁰.

Следующим шагом было принятие в марте 1834 г. закона о запрете деятельности всяких политических обществ (так называемый закон об ассоциациях). Ему предшествовало бурное обсуждение законопроекта в палате депутатов. Выступление Шарля Ремюза в марте 1834 г. очень показательно для позиции правящей либеральной партии. Прежде всего он с тревогой обратил внимание депутатов на крайне нестабильную политическую ситуацию в стране. Одним из сильнейших дестабилизирующих факторов, по его мнению, являлась деятельность тех политических обществ, которые ставят перед собой задачу свержения существующей власти. Поэтому закон об ассоциациях Ремюза считал исключительной мерой, но необходимой в сложившейся ситуации: "...к принятию этого закона вынуждают общества, но я также сознаю, что это исключительный закон, требующий пожертвовать драгоценной свободой, обещанной и закрепленной Хартией"⁴¹. Далее Ремюза добавил: "Господа! Ни в одной стране мира ни в теории, ни на практике не предусмотрено, чтобы рядом с правительством действовали организации, целью которых было бы свержение существующего режима"⁴².

Однако главный аргумент Ремюза в другом. Политический хаос, считал он, ослабляет страну и многие граждане начинают сомневаться в возможности стабильности в стране, правление которой основано на конституционных принципах. Такое положение вещей может привести к тому, что люди начнут искать спа-

⁴⁰ A.P. Série 2. V. 82. P. 352.

⁴¹ A.P. Série 2. V. 87. P. 428.

⁴² Ibidem. P. 429.

сение от беспорядков и неуверенности в завтрашнем дне в установлении диктаторского режима, поверят посулам очередного диктатора. Свобода в крайних проявлениях, считал Шарль Ремюза, может испугать нацию, и тогда она отвернется от свободы как от принципа, цели, что будет настоящей трагедией для Франции⁴³.

Таким образом, принятие закона о запрете свободного существования политических организаций является, по логике правящей группировки французских либералов, мерой по защите самой свободы во Франции. Такая логика не была, как представляется, демагогией людей, охраняющих свои позиции во власти. Или во всяком случае не только это двигало ими. Исторический опыт конца XVIII в. довлел над сознанием французского общества в веке XIX, а современная французскому XIX в. политическая практика постоянно напоминала ему о нем.

Принятие закона об ассоциациях повлияло на обстановку в стране. После 1834 г. массовые выступления прекращаются, но теперь антиправительственная борьба вылилась в серию покушений на монарха (с 1835 по 1846 г. шесть раз!). Первое покушение на Луи-Филиппа в 1835 г. привело к принятию репрессивных, так называемых "сентябрьских" законов (одобрили при голосовании в парламенте все либералы): за оскорбление королевской особы, за нападки на правительство, за нарушение спокойствия в государстве и призывы к мятежу издателей газет грозил штраф в 10 тыс. франков и тюремное заключение. Законы вводили строгую цензуру, хотя это противоречило Хартии 1830 г. Кроме того, была фактически запрещена легальная деятельность республиканцев, которые вынуждены были уйти в подполье и стали называть себя радикалами.

С конца 30-х годов XIX в. антидинастическая оппозиция в парламенте не представляла такой реальной силы, чтобы хоть как-то влиять на политическую жизнь в стране. Основная масса депутатов принадлежала к различным династическим группировкам⁴⁴.

Таким образом, стабилизация режима Июльской монархии была достигнута за счет полного вытеснения с политической арены оппозиционных и революционных движений. Те незначительные разногласия, которые существовали между различными парламентскими группировками орлеанистов, не могли придать политической жизни Франции динамичности. Политическая стаби-

⁴³ Ibidem.

⁴⁴ Сколько-нибудь отличную от правительственного орлеанистского большинства позицию занимала лишь очень небольшая группа левых либералов, получившая название "левая династическая". Ее возглавляли Ж.Лаффит, О.Барро, А.Глз-Бизуэн.

льность стала в 40-е гг. XIX в. переходить в стагнацию. Дебаты по крупным политическим вопросам были крайне редки. Уже в 1837 г. Ройе-Коллар констатировал: "В настоящее время политика лишена всякого величия; ее подчинили так называемые материальные интересы"⁴⁵.

Единственная значительная дискуссия по политическим проблемам прошла в парламенте в начале 1839 г. Она продолжалась 12 дней и получила название "великий парламентский турнир". Было произнесено 128 речей. Королю ставили в вину то, что он подменяет "парламентское правление" "личным правительством", говорили о политике двора, которая мешает развитию парламентских форм власти, вмешивается во все дела и приводит к тому, что "парламентское правление" подменяется "личным правлением". Фактически спор шел о том, за кем должно оставаться последнее слово в решении государственных проблем: за королем или за парламентом. Спор расколол даже орлеанистов. Дювержье-де-Оранн, бывший член "партии сопротивления", организовал дискуссию по этим вопросам в печати и даже издал книгу, в которой изложил свою политическую теорию, — "Принципы парламентского правления и их применение на практике".

Точка зрения Дювержье-де-Оранна заключалась в том, что власть потеряла парламентский характер и Луи Филипп нарушил Хартию 1830 г., подчинив министерства исключительно королю. Близкой к Дювержье-де-Оранну была позиция А.Тьера. Противостояние оказалось очень серьезным и по существу раскололо палату депутатов. 208 голосов получили сторонники Дювержье-де-Оранна и 221 — сторонники Луи Филиппа⁴⁶.

Довольно сильное давление орлеанисты испытывали не только слева, со стороны демократических сил, но и справа, особенно со стороны церкви, которая попыталась восстановить свое культурное влияние на общество. Новые клерикалы не требовали аристократических привилегий и возвращения имущества, а пытались вернуть себе вес в обществе путем подчинения школы. Хартия 1830 г. гарантировала французам свободу преподавания, однако либералы придерживались скорее принципа государственной монополии, чем свободы преподавания, обещанной Хартией.

Очень показательна в этом отношении школьная реформа, которая была проведена Ф.Гизо в 30-е гг. Реформе народного образования Гизо отдал много сил, так как был убежден, что всеобщее развитие, просвещенная личность, способная активно участвовать в жизни государства, является гарантом исторического прогресса. По его мысли, просвещение — один из существенных

⁴⁵ Цит. по: *Ревякин А.В.* Ук. соч. С. 184.

⁴⁶ *Грегуар Л.* История Франции в XIX веке. М., 1894. Т.2. С. 163--164.

факторов, обеспечивающих человеку процветание, реализацию всех своих возможностей. Вот почему просвещение народа — важнейшая обязанность либерального правительства. Государство должно заботиться о просвещении и образовании личности, а личность обязана никогда не забывать, что именно государство дало ей возможность достигнуть в жизни высот и получить необходимые для этого знания.

Гизо возглавил министерство народного образования в 1832 г. Приступая к разработке проекта реформы народного образования, он стремился найти верное соотношение власти и духовной свободы личности.

Особенно тревожило министра положение дел в начальной школе: учебных заведений было мало, учителей не хватало и они не имели достаточной подготовки. Поэтому было решено начать с реформы начального образования.

Со свойственной ему обстоятельностью Гизо изучил опыт других стран. Для ориентира он выбрал английскую систему образования. При разработке реформы начального образования Гизо стремился прежде всего децентрализовать начальное образование и добиться, чтобы во всех уголках Франции появилось как можно больше начальных школ. И не столь важно, рассуждал он, будут ли они государственными или частными, главное — увеличится количество грамотных граждан. Однако, отмечал Гизо, свободное образование, свободу выбора образования часто путают со вседозволенностью в этой сфере. Он писал в своих мемуарах, что недостаток современных обществ состоит в том, что они не дают возможности умам свободно развиваться и совершенствоваться и никогда умы с таким упорством не подавляются, как в эпоху “господства партий, которые требуют уничтожения всех авторитетов в умственной сфере”⁴⁷.

Поэтому государству следует играть большую роль в деле воспитания личности, считал Гизо, необходимо подчинить государственную и частную школу контролю административных органов (коммунальных комиссий), устранив тем самым анархию в преподавании. Гизо — государственный: государство дает право свободного выбора, но и следит, чтобы преподавание не выходило за рамки той программы, которая утверждается властью. Новая система начального образования состояла из этапов. На первой ступени обучения, длившейся четыре года, дети должны были проходить чтение, основы грамматики, счет, систему мер и весов. Создание второй ступени начального образования было важным нововведением, эта ступень должна была заполнить пробел, создавшийся между начальным и средним образованием. Любопы-

⁴⁷ Guizot F. Mémoires... Т. 3. Р. 11.

тен выбор предметов, которые были обязательны для освоения на второй ступени. При обсуждении закона палатой депутатов Ф.Гизо объяснял его так: "...физика и естествознание знакомят с основными явлениями природы и помогают предотвратить различные несчастные случаи, связанные с ними; элементы музыки воспитают в душе настоящую внутреннюю культуру; география дает знание о земле, на которой мы живем, а история — это предмет, познавая который, мы перестаем быть чуждыми собственной жизни и начинаем понимать предназначение человеческого рода, особенно если мы изучаем историю нашей страны, которую отождествляем с самими собой"⁴⁸. Гизо, таким образом, подчеркнул не только утилитарное значение образования, но и его огромную общевоспитательную, просветительскую функцию.

Следовало ли сделать начальное образование бесплатным для тех детей, которые учатся в государственных школах? Этот вопрос вызвал бурные дискуссии в парламенте. Гизо пришел к выводу, что начальное образование — долг государства перед своими гражданами. "Государство, — писал он, — должно дать возможность получить образование всем семьям, в том числе и тем, кто не в состоянии за него платить; тем самым оно как бы возместит народу в духовной сфере то, чего не может сделать для него в сфере материальной"⁴⁹.

Большое значение придавал Гизо роли религии и церкви в начальной школе — на них возлагалась обязанность воспитания высоконравственного человека. Он считал, что религия — не просто урок или предмет, которому нужно выделить специальное время, религия — это и вера, и нравственный закон, который должен соблюдаться всеми и повсюду и действовать лишь в целях развития и усовершенствования человеческой души⁵⁰.

Во многом позиция Гизо определялась философскими основаниями его идеологии, совершенно иными по сравнению, скажем, с просветительской эпохой. В "Истории цивилизации в Европе" Гизо задается вопросом: "ограничивается ли назначение человека его общественной жизнью, исчерпывает ли, поглощает ли общество всего человека, или же он носит в себе самом нечто высшее его земного существования?". Его ответ: общество не поглощает всего человека, человек существо, одаренное бессмертием, имеет другое назначение, нежели государство⁵¹.

Однако реформа образования не была клерикальной: религиозное воспитание проводилось исключительно с согласия родителей.

⁴⁸ A.P. Série 2. V. 78. P. 465.

⁴⁹ Guizot F. Mémoires... T. 3. P. 14.

⁵⁰ Ibid. P. 68.

⁵¹ Гизо Ф. История цивилизации в Европе. СПб., 1905. С. 9—10.

лей. Это позволяло воплотить в жизнь право на свободу совести и вероисповедания. Церковные школы получили статус частных и тем самым были отделены от системы государственных школ.

Все предложения Ф.Гизо были одобрены в 1833 г. Реформа начального образования стала существенной вехой в деле создания целостной системы народного образования Франции. Очень скоро она дала свои результаты. Существенно увеличилось число начальных школ (с 42 тыс. в 1832 г. до 63 тыс. в 1848 г.), вырос уровень грамотности населения.

Французские либералы выступали за жесткую систему административной централизации, бюрократической опеки, которая была введена Наполеоном I и сохранена режимом Реставрации. Это соответствовало их представлениям о сильной власти, необходимой для сохранения свободы и порядка. С начала 30-х гг. XIX в. вновь стали избираться местные органы власти: генеральные советы департаментов, окружные советы и муниципалитеты, но либералы не хотели расширения местного самоуправления. Самым большим поборником административной наполеоновской системы был А.Тьер. Споря со своими оппонентами, он говорил, что "общественная жизнь должна обнаруживать всю свою полноту главным образом в центре государства", ибо это — "великое явление современности", состоящее в том, чтобы "общественное тело жило в совершенном единстве". "Не мы, — прибавлял он, — ретрограды: это мы защищаем олицетворенную революцию (*la révolution vivante*). Освобождая крупные общины, вы разрушаете единство; вы рубите топором дерево у самого корня"⁵². Всемогущая администрация сделалась в годы Июльской монархии чуть ли не главным фактором государственной жизни Франции этого времени.

* * *

Во второй половине 40-х гг. XIX в. во Франции вновь оживились общественные движения, остро встал рабочий вопрос, широкое распространение получила социалистическая и коммунистическая литература. Вышли в свет произведения Кабе, Прудона, Луи Блана. Одновременно вне стен парламента оживляются политические движения в поддержку парламентской реформы, особенно после того, как обе палаты отклонили большинством голосов требования о снижении избирательного ценза до 100 франков, о предоставлении "способностям" права голоса на парламентских выборах и о несовместимости депутатской деяте-

⁵² Цит. по: *Кареев Н.И.* История Западной Европы в новое время. Т. 5. СПб., 1908. С. 266.

льности с сохранением административного поста. Банкетная кампания в поддержку избирательной реформы обострилась в месяцы, непосредственно предшествовавшие революции 1848 г.

Однако, несмотря на явно складывавшуюся в стране революционную обстановку, правительство Гизо не сочло нужным внести корректировку в свою деятельность. "Либеральное решение, найденное Гизо, — как отмечает Т.Ф.Фадеева, — оказалось слишком непрочным для нации, обретавшей зрелость в революционных потрясениях"⁵³. Поглощенный заботами о сохранении порядка, Гизо проглядел зарождение мощной демократической оппозиции. А его претенциозное самомнение парализовало волю других членов кабинета и самого Луи-Филиппа.

23 февраля 1848 г. Луи-Филипп, напуганный размахом революционных выступлений в Париже, дал отставку правительству Гизо. Но остановить революцию это уже не могло.

Хождение во власть для французских либералов 30—40-х гг. XIX в. окончилось крахом. Тесно связав свою судьбу с крупной буржуазией, не признавая никаких демократических реформ, либерализм приобретает консервативные олигархические черты. Народное движение повернуло в сторону радикализма и социализма. Французские либералы не проявили той гибкости и политической мудрости, которые были необходимы в условиях острой нестабильности и нараставшего общественного недовольства в стране в 40-е гг. XIX в.

⁵³ Фадеева Т.Ф. Ук. соч. С. 69.

ЛИБЕРАЛИЗМ И ДЕМОКРАТИЯ. У ИСТОКОВ ТРЕТЬЕЙ РЕСПУБЛИКИ

Последняя четверть XIX в. была ознаменована падением политического влияния французского либерализма. При знакомстве с общими работами по истории либерализма, революции 1870—1871 годов и Третьей республики создается впечатление, что либерального течения в 70—80-х годах XIX века не существовало. Если обратиться за разъяснением к “Большому Ляруссу XIX века”, современному интересующим нас событиям (поскольку издавался он с конца 60-х по 1890 г.), то его мнение о судьбе либерализма будет вовсе категоричным: “Либерализм умер в момент собственной победы, и это название исчезает из анналов нашей истории начиная с 29 июля 1830 г.”¹. Безусловно, суть этого высказывания в том, что его автор — республиканец Пьер Лярусс отказывал либералам, которые для него тождественны орлеанистам, в праве называться либералами, поскольку считал таковыми “истинных защитников свободы”, тех, кто “требует прогресса через свободу и восстает против абсолютной власти короля и церкви”. Для политически ангажированного П.Лярусса орлеанисты, присоединившись в 1848 г. “ко всем реакционерам”, явились предателями либеральных идей, поскольку выступили против течений, “претендующих на развитие выводов первоначального либерализма”². В глазах сторонников общественного обновления — демократов, республиканцев 60—80-х годов, орлеанизм как либеральное течение превратился в свою противоположность — реакционный консерватизм и потому потерял либеральную идентичность. С этим мнением можно согласиться лишь отчасти, поскольку орлеанисты, отстраненные от власти революцией 1848 г., в годы Второй империи играли важную роль либеральной оппозиции авторитарному режиму, что позволило им занять столь важное место во Временном правительстве после свержения власти Наполеона III.

¹ Larousse. Grand Dictionnaire Universel du XIX s. P., 1866—1890. T.X. P. 466.

² Толкование “Лярусса XX века”: Larousse. Grand Dictionnaire Universel du XX s. P., 1929. T. IV. P. 438.

Классические работы по истории либерализма: “Французские либералы” Л. Жирара и “История политического либерализма” А. Жардена³ оканчиваются 1875 г., то есть датой принятия законов об организации и функционировании властных структур Третьей республики. История либералов в последних главах обеих работ сводится к изложению обстоятельств установления республики. Вопрос об идейной и политической судьбе либерального течения во время и после установления Третьей республики оставлен в стороне.

Точно так же в первом в отечественной историографии обзоре истории французского либерализма XIX в. Т.М.Фадеевой⁴ 70-е годы являются своего рода кратким эпилогом, не позволяющим разделить Тьера и де Брольи — разных представителей некогда единого либерального течения, провести четкий водораздел между ними и республиканцами-демократами Гамбетты, в то время как в основе успехов Гамбетты лежала непримиримая борьба с тем, что было дорого де Брольи.

Что касается политической (но не идейной) судьбы либералов-орлеанистов в Третьей республике, то к ней обратился в 30-х годах XX в. Д. Алеви в двух книгах: “Конец нотаблей” и “Республика герцогов”⁵. Алеви прежде всего задумывался над судьбой парламентской республики и, возвращаясь к ее началу, анализировал причины и особенности перехода Франции от правления нотаблей, характеризовавшегося большим политическим влиянием либералов, к парламентской республике всеобщего избирательного права, в которой это влияние было утрачено. На рассуждения Алеви часто ссылался Ф. Фюре в своей истории революционного столетия (от 1770 до 1880 г.)⁶. Вслед за Д. Алеви, он видел причины исчезновения орлеанизма с французской политической сцены в 70-е годы в отсутствии у них массовой базы — “орлеанистской Франции”.

Создается впечатление, что либерализм, как общественно-политическое течение, с 70-х годов перестает принадлежать к определяющим явлениям политической жизни Франции, хотя он являлся таковым с 1810-годов и вплоть до конца Второй империи.

Пробел в истории французского либерализма, приходящийся на период становления Третьей республики, не случаен. Он является следствием и отражением своего рода кризиса французского

³ Girard L. Les libéraux français. 1814–1875. P., 1985; Jardin A. Histoire du libéralisme politique. P., 1985.

⁴ Либерализм Запада / В.В.Согрин, А.И.Патрушев, Е.С.Токарева, Т.М.Фадеева. М., 1995.

⁵ Halevy D. La fin des notables. P., 1931. T.2; La République des ducs. P., 1935.

⁶ Furet F. La Revolution. 1770—1880. Histoire de France. P., 1988.

либерализма, и рубежным здесь можно считать конец Второй империи, а вместе с ней — конец цепи режимов, определявшихся правлением нотаблей — наследников политической семьи, восходящей к просвещенной либеральной элите Старого порядка, из которой вышли и Мирабо, и Лафайет, и де Сталь, и Филипп Орлеанский. “Нотаблями” часто называли членов избирательных коллегий Консульства, Империи и последующих цензовых режимов, поскольку “это слово, заимствованное из политико-юридического словаря Старого порядка, обозначало членов правящей дворянской элиты”⁵ — привилегированного слоя, подобного слою крупных земельных собственников, составлявшего основу депутатского корпуса и при Наполеоне, и при Реставрации, и при Луи-Филиппе. Даже введение всеобщих выборов (в 1848 г. и в годы Второй империи) мало изменило социальный облик национального представительства: сельская Франция по-прежнему голосовала за “нотаблей”.

История “правления нотаблей” изложена А.В. Ревякиным⁶. Его исследование показывает, что послереволюционные цензовые режимы сохранили замкнутость правящего слоя, поскольку допускали в него главным образом крупных земельных собственников как дворянского, так и буржуазного происхождения, причем обновление и расширение избирательного и депутатского корпуса происходило во Франции крайне медленно. Доступ в него из широкого предпринимательского слоя, обладавшего капиталом, но не крупной недвижимостью, был крайне ограничен.

Либерализм сделался партией власти в годы Июльской монархии. Он обрел родовое имя *орлеанизма*, перестал быть символом борьбы за общественное переустройство на основе расширения прав и свобод личности и все более ассоциировался с Орлеанской династией и ее политическим режимом — конституционной монархией, ограничивающей избирательный корпус элитарным кругом крупных, прежде всего земельных, собственников и лиц либеральных профессий с высокими доходами.

Эгоистичная социально-экономическая политика орлеанистов, благосклонных к банковской олигархии и крупным землевладельцам, но равнодушных к интересам широких слоев мелкой и средней буржуазии, дискредитировала правящую либеральную партию в глазах новых капиталистов, которые испытывали потребность в протекционистской политике со стороны государства. Этот слой сделался одной из главных опор демократии, подразумевавшей участие всех индивидуумов в политической власти

⁵ Ревякин А.В. Буржуазия после Французской революции // Буржуазия и Великая французская революция. М.: Изд-во МГУ, 1989. С. 174.

⁶ Ревякин А.В. Ук. соч.

и, наряду с этим, улучшение их социального состояния. Демократическая линия выразилась в требовании всеобщего избирательного права, а по мере его достижения все более набирала силу идея, что всеобщие выборы не только способствуют реализации чаяний среднего класса, но и являются средством исправления путем закона крайностей социального неравенства. Эта идея предусматривала вмешательство государства в общественную сферу и, следовательно, противоречила классическим либеральным принципам.

В 70-е годы победа республики и упрочение всеобщего избирательного права в условиях, когда развитие индустриального капитализма все более усугубляло социальный раскол между имущими и неимущими и тем самым усиливало антиномию либерализма и демократии — свободы и равенства, обусловила кризис орлеанизма. Впрочем, во всех западных странах последняя треть XIX века по тем же причинам стала временем кризиса либерализма. Однако американские и отчасти английские либералы приняли демократические ценности, нейтрализовав тем самым социальные движения под демократическими лозунгами, что позволило им сохранить ведущее место в политической системе. Во Франции же демократов и либералов развела еще Великая французская революция. Демократия в глазах либералов ассоциировалась с эксцессами якобинского террора и с санкюлотскими требованиями равенства. Демократы же видели в либеральных наследниках Конституции 1791 г. защитников олигархического правления. Нельзя не согласиться с Б. Барре-Кригель в том, что "страх французских либералов перед демократией имеет своей законной причиной ...Французскую революцию, но противодействие либералов демократии коренится также в том, что инстинктивная склонность к неравенству связана с живучестью Старого порядка во французской политической жизни XIX в., с историческим, личным и теоретическим союзом либеральных элит с аристократией, с постоянным тяготением к возрождению каст и сословий"⁹.

Причины падения интереса к либеральному течению в историографической традиции, берущей свое начало у истоков Третьей республики, определяются сменой исторической парадигмы во Франции: переходом от правления нотаблей к парламентской демократии и всеобщим выборам, смещением акцентов политической борьбы от идеи свободы к идее равенства. К этим последствиям длительной общественной трансформации добавилась чрезвычайная острота политической ситуации: падение Второй

⁹ Barret-Kriegel B. Libéralisme et démocratie: un point de vue // Intervention. N 9, mai-juin-juillet 1984.

империи, прусское вторжение и Парижская Коммуна. В условиях, когда судьба идейно-политического течения стала зависеть от настроений массы избирателей, либералам-орлеанистам требовалось занять внятную позицию по главным вопросам бурных 70-х годов: выбор между республикой и монархией, между защитниками светского государства и клерикалами, преодоление социального раскола.

История рождения Третьей республики неразрывно связана с именами орлеанистов: они были широко представлены в Национальном собрании в 1871—1879 гг., а их лидеры А.Тьер и А. де Брольи возглавляли республику: Тьер был ее президентом в 1871—1873 гг., де Брольи — главой правительства с 1873 по 1874 и с 1877 по 1879 г., т.е. в период выработки конституционных основ и политической практики новой республики. Но следует ли из этого, что новый политический режим стал их творением, логическим завершением развития либерализма во Франции? Если так, то чем объяснить отсутствие во Франции конца XIX века крупной политической силы, сохранившей ядро прежней орлеанистской партии или хотя бы название либеральной? Отчего крупнейшие политические объединения буржуазии в Третьей республике, хотя и не чуждые либеральных взглядов (в отношении гражданских свобод и экономической роли государства), назывались Республиканско-демократическим альянсом, и Республиканской партией, и Партией радикалов и радикал-социалистов¹⁰, но избегали имени либералов?

Ответ на эти вопросы следует искать в роли либералов-орлеанистов в установлении парламентской республики, в том, была ли она установлена благодаря или вопреки их усилиям. Для судьбы либерализма в качестве идейного направления важнейшим являлся вопрос о его способности к обновлению в новых исторических условиях, о преодолении главного противоречия в либеральной паре гражданских принципов 1789 г. — между свободой и равенством, т.е. о примирении с демократией.

Война, сентябрьская революция 1870 г., прусская оккупация и особенно Парижская Коммуна взорвали устоявшуюся за годы Империи французскую политическую среду и орлеанистскую партию в особенности. Орлеанист де Брольи свергает в мае 1872 г. орлеаниста Тьера — тогдашнего президента и председателя правительства. Тьер ищет согласия с республиканцами Гамбетты, де Брольи — союза с легитимистами. Два лидера орлеанистов больше не представляли единой либеральной идентичности. В то же время ключевые идеи либерализма — уважение гражданских

¹⁰ Эти партии образовались соответственно в 1901, 1903 и 1901 гг. Правда, в 1902 г. католики, присоединившиеся к Республике, объединились в Либеральное народное действие — второстепенную политическую силу.

свобод, свобода совести и религиозного выбора, соотношения свободы и равенства, строительство либеральной модели государства — потребовали серьезного переосмысления в новых исторических условиях. В угоду политическим соображениям либералы-орлеанисты, отказываясь от защиты свобод, отдают первенство в их отстаивании враждебной партии “радикалов” Л. Гамбетты — защитникам демократической республики. Таким образом, перед исследователем французского либерализма 70-х годов XIX в. стоит трудная задача, что-то вроде “собираания осколков”, отразивших политические судьбы представителей либерального течения и судьбы либеральных идей.

* * *

В начале 70-х годов главным вопросом был выбор политической основы общественного умиротворения. Ключевым словом в речах ораторов Национальной Ассамблеи в 1871—1872 гг. стало слово “порядок”, ключевой фигурой в его установлении — орлеанист А. Тьер.

Тьер как нельзя лучше воплощал двойственность задачи, одновременно обновленческой и консервативной. Требовалось преодолеть военное поражение и революцию, выработав прочные политические основы, приемлемые для большинства французов. История во второй раз дала либералам возможность утвердить новый политический порядок, но в условиях, мало приспособленных для либеральной политики.

Прусская оккупация и провозглашение Парижской Коммуны, казалось, вернули Францию во времена Конвента. Никогда после 1793 года страна не переживала одновременно вражеской оккупации и острого социального раскола. Тьер преодолел эти пугающие обстоятельства быстрым и добросовестным выполнением условий перемирия и жесточайшей расправой с рабочими Парижа. Однако ему предстояло еще привести правительство и Национальную Ассамблею к решению вопроса, раскалывавшего политический корпус — вопроса о форме правления.

Тьер руководствовался либеральными взглядами на представительство. Для французских либералов представительство было способом выражения мнения нации, которая по практическим причинам не способна лично сформулировать свою волю. Определение этой всеобщей воли, пребывающей в единстве депутатского корпуса, и являлось в глазах либералов целью представительства. Для этого необходимо, чтобы депутат был абсолютно независим. Только вынося суждение на основании собственного сознания, он может осуществлять свою функцию, т.е. говорить от

имени всей страны¹¹. В соответствии с этим Тьер видел основное условие порядка в согласии внутри депутатского корпуса, не связывая себя ни с одной фракцией Ассамблеи и, поскольку основным в ней был раскол между монархистами и республиканцами, не выказывая особой привязанности к какой-либо определенной форме правления.

Надо отметить, что ни исторический опыт орлеанистов, ни их доктрина не способствовали однозначному выбору в пользу монархии или республики. Присущий многим из них аристократизм и династические связи обуславливали их тяготение к монархии английского образца, но релятивизм в вопросе о форме правления, восходящий еще к Монтескье, так же как неприятие ими авторитарного порядка, могли оправдать их примирение с республикой.

Думается, это и обусловило успех миссии Тьера, которому выпала роль арбитра в споре между республиканцами и монархистами, наиболее непримиримыми из которых были легитимисты. Его выбор был в пользу республики. Парадокс орлеанизма — парадокс Тьера состоял в его превращении в вынужденного, но убежденного республиканца. Сам он так объяснил свой выбор: “Если бы я мог сделать из моей страны то, что я хотел бы, я бы сделал из нее скорее Англию, чем Америку; но из-за ошибок трех последних правлений Франция была подвигнута к республике и, помимо моего долга лояльности, мое суждение убедило меня, что лишь это было возможно”¹². “Что заставило меня, старого защитника монархии, принять решение? То, что сегодня для вас, для меня, практически, монархия абсолютна невозможна”¹³.

В устах президента Тьера республика выглядит компромиссом, никак не свершением его партии, но примирением с обстоятельствами, которое лучше новой смуты, неизбежной при обострении борьбы вокруг формы правления. Обращаясь в Ассамблее к республиканцам, он заявляет: “Здесь многие приняли республику, руководствуясь сохранением единства. Республика в ваших руках. Всякий раз, как вы будете поднимать острые вопросы, вы окажетесь доверенными лицами или сообщниками (не желая этого, конечно) людей беспорядка”¹⁴, вы нанесете республике самый болезненный удар”¹⁵.

¹¹ См. об этом: *Gauchet M. Les lieux de memoire*. P., 1992. T.III, 1. P. 419.

¹² *Claretie J. Histoire de la Revolution de 1870--71. IV-eme partie*. P., 1874. P. 463.

¹³ *Polisson M. Les orateurs politiques de la France de 1830 a nos jours*. — P., 1918. P. 400.

¹⁴ Выделено мной. — *Е.О.*

¹⁵ *Les orateurs politiques...* P. 387—388.

Однако, и это второй парадокс орлеанизма, угроза искомому порядку исходила не от республиканцев, а от группы монархистов, к которой присоединились прежние единомышленники Тьера во главе с А. де Брольи — представителем династической, аристократической линии орлеанизма. В своей речи 23 мая 1873 г. де Брольи резко критиковал Тьера за излишнюю уступчивость по отношению к республиканцам, т.е. к “радикальной партии”. Де Брольи считал, что политика Тьера способствовала сохранению лишь “материального”, но не “морального” порядка, поскольку она поощряла “партию беспорядка” (т.е. республиканцев): “Серьезность ситуации состоит в возможности прихода к власти посредством всеобщих выборов радикальной партии. Это не обычная политическая партия: это прежде всего *социальная* партия. Эта партия считает, что во Франции, какой ее сделала революция 89 года, со всеобщим избирательным правом, с абсолютным гражданским равенством, с религиозной свободой, необходимо провести еще глубокие реформы, почти что социальные революции. Следовательно, это партия, которая угрожает обществу в его основах для того, чтобы его переделать, если не разрушить. ...А ведь для нас существует великий факт, довлеющий над всей нашей внутренней ситуацией... Это воспоминание о том ужасном восстании (о Парижской Коммуне. — *Е.О.*), которое угрожало в начале работы этого Собрания национальному суверенитету”¹⁶.

Де Брольи сознательно смешивает коммунаров с республиканцами. В его речи оживают старые страхи французского либерализма, озвученные А. де Токвилем в его трудах по истории Французской и Американской революций: сомнения в возможности примирить в условиях Франции свободу и демократическое требование равенства в условиях всеобщего избирательного права, страх перед вырождением либеральной демократии в охлократию. Де Брольи не хочет замечать того, что очевидно для Тьера. Во-первых, результаты всеобщих выборов 1871 г. показали, что в условиях общенациональной катастрофы именно они могут гарантировать порядок. Во-вторых, республиканцы-демократы, отвернувшись от Коммуны, в действительности больше не ассоциируются с революционным экстремизмом.

По сути, де Брольи был больше всего обеспокоен проникновением в корпус нотаблей, устоявшийся с конца XVIII в., представителей нового предпринимательского класса¹⁷, стоящих на демократических позициях, принципиально отличных от кастового представительства трех предыдущих режимов. Поэтому де Брольи

¹⁶ Histoire de la Revolution. P. 726.

¹⁷ См. сноску 8.

требовал прежде всего “морального” порядка, но нигде не дал его сколько-нибудь точного определения.

Обычно борьбу за “моральный порядок” отождествляют с двумя попытками де Брольи установить во Франции монархическое правление или, по крайней мере, сдержать наступление республиканцев — в 1873 и в 1877 гг.¹⁸ Содержательную сторону понятия *морального порядка* можно уяснить методом “от противного”, анализируя нападки де Брольи на силы, противостоящие в его сознании этому порядку. В речи, представляющей “Интерпелляцию 300” (24 мая 1873 г.), либеральный герцог характеризует эти силы следующим образом: “Здесь есть 320 депутатов, изюбоко убежденных в необходимости активных, энергичных действий правительства против распространения радикальных доктрин... Правительство не все сделало, обеспечив *материальный порядок*, от него во многом зависит *моральный порядок*.”

Республиканская партия — это объединение... всех антиобщественных страстей... *Религия, армия, магистратура, выходцы из просвещенных высших классов* — все, что хоть в какой-то степени представляет *моральный авторитет*, все, что требует уважения, этой партии ненавистно. Ее политическая программа содержит принципы, разрушающие всякий установленный порядок”¹⁹.

Таким образом, “моральный порядок” для де Брольи состоит в консолидации элит, т.е. “выходцев из просвещенных высших классов”, и нейтрализации “партии беспорядка”, т.е. демократов-республиканцев, которых со времен Июльской монархии называли “радикалами”, а также в сплочении общества и политической элиты вокруг традиционных ценностей и институтов (“религия, армия, магистратура...”).

Обличения де Брольи, поддержанные большинством депутатов-монархистов, привели к отставке Тьера и, как показывает ответ свергнутого главы правительства, де Брольи правильно разглядел, что Тьер в своем понимании искомого порядка ближе республиканизму Гамбетты, чем корпусу либеральных нотаблей: “В чем состоит этот моральный порядок? Означает ли это, что Франция деморализована? Нет, господа; нас обвиняют в аморальности, заявляя, что во Франции нет больше религии. Но ведь хвалятся, и справедливо, притоком верующих в церкви. Говорят, что *безудержная спекуляция* ослабила наш характер, опустила его. Посмотрите вокруг и скажите, разве безудержные спекуляции царят только у нас?”

¹⁸ См., напр.: L'Abcdaire de la Republique et du Citoyen. C.Amalvi, M.-C.Chau-donneret, A.Gerard, J.-Y.Mollier. P., 1998. P.84.

¹⁹ Цит. по: Girard L. Les liberaux francais, P. 248—249. (Курсив мой. — Е.О.)

Да, моральный порядок подорван, но это оттого, что монархические партии, бессильные обеспечить победу своим устремлениям, противостоят правительству. Что означают слова: моральный порядок подорван? Только одно: раскол!"²⁰

Две ключевые идеи этой речи: во-первых, страх беспорядка преувеличен; во-вторых, угроза порядку исходит от монархистов, раскалывающих депутатский корпус и страну своими призывами к восстановлению монархии.

Оправдательные доводы, приведенные Тьером, косвенно указывают на критерии морального беспорядка в понимании де Брольи. Небрежение религией и "безудержные спекуляции" — т.е. дух наживы, свойственный новым предпринимательским слоям, которые возникли на гребне промышленной революции и представители которых становились все заметнее в депутатском корпусе, нарушали моральный порядок, этическую модель, принятую "нотаблями". С точки зрения социальной, это было столкновение аристократической и буржуазной этики, с точки зрения политической — борьба всех оттенков монархизма против защитников республики. Сторонники Тьера объединились с республиканцами. Но в целом место либералов-орлеанистов было не слева, не на стороне буржуазной демократии. Хотя необходимость выбора между республикой и монархией расколола либеральную партию даже Тьер, солидаризируясь с республиканцами в вопросе политического устройства, делал это не руководствуясь логикой орлеанистской доктрины, а из тактических соображений.

Очередной парадокс орлеанизма состоит в том, что не либералы-орлеанисты, а демократы связали понятие "порядка" с понятием "свободы". Л. Гамбетта, выступая перед избирателями в Гренобле в сентябре 1872 г., заявляет: "Мы являемся истинной партией порядка в этой стране". При этом подобно либералам он взывает к английскому образцу: "Нет свободной страны, где, как в Англии, не могли бы собрать избирателей числом в 5, 6 или 10 тысяч в любое время, в любом месте, под открытым небом, где партии могли бы развить свои теории, огласить свои программы, отдать отчет в своих действиях... делать свободно то, что должно делаться в любом обществе, проявляющем какую-либо заботу о достоинстве своих членов... Это делается в Англии... в Швейцарии, где понимают, что демократия — это правительство мнения, что именно за общественным мнением должно остаться последнее слово... Таким образом, демократии только тогда являются истинно свободными, *гарантируют безопасность* и будущее и создают что-то прочное, когда они пользуются доверием свободных людей, их составляющих, только *позволяя всем свободно*

²⁰ Les orateurs politiques. P. 395—396.

передвигаться, объединяться, общаться... Нельзя тешить себя иллюзиями, что этим новым миром демократии можно управлять... благодаря привычкам каких-нибудь 15—20 ловких говорунов, которые управляли парламентской монархией и направляли ее... Демократия не есть правление единомыслия или той пассивной дисциплины, о которой мечтают в других партиях, это правление *свободы мыслить, свободы действовать...* при единственном условии принимать решения мирно, не прибегая к оружию... чтобы не нарушать права других... Надо бы при республике отказаться от подобных мер... которые не имеют иного результата, кроме развязывания *морального беспорядка*²¹.

Что это, если не манифест политического либерализма? Да он и мог бы считаться таковым, если бы речь шла не о Франции XIX в., где постоянная ссылка на демократию воспринималась либералами болезненно. Существует мнение, что антиномия свободы и равенства — это внутренняя антиномия либерализма²². Может быть, это справедливо в отношении американского и, с некоторыми оговорками, английского либерализма того времени. Что касается Франции, то, как уже говорилось, опыт Французской революции надолго развел свободу и равенство, придав этой паре характер антиномии между либерализмом и демократией²³. На долю французского либерализма выпала задача утверждения либеральных принципов Французской революции в сочетании с необходимостью преодоления этой самой революции. Из революционного наследия либералы-орлеанисты не принимали власти толпы и цезаризма. После крушения Второй империи цезаризм уже не был страшен, в то время как всеобщее избирательное право угрожало, по мнению орлеанистов, вмешательством “толпы” в политику, победой благодаря всеобщим выборам “социальной партии”, к которой де Брولли относил всех сторонников решения социального вопроса — и демократов-республиканцев (“радикалов”), и социалистов (чтобы заклеить республиканцев, он напоминал о Коммуне)²⁴. Прагматик Тьер в своем выборе республики руководствовался обстоятельствами. Де Брولли был человеком иного склада, он наоборот стремился переломить обстоятельства, помешать растущей популярности республиканской партии, объединив монархическое крыло Ассамблеи.

²¹ Histoire de la Revolution... P.408—410. (Курсив мой. — Е.О.)

²² Это мнение высказывает, например, В.В.Согрин во введении к книге “Либерализм Запада”.

²³ Такая трактовка господствует сегодня во Франции и вошла в школьный учебник: Histoire. Classe Terminale. P., 1989. Sous la dir. de S. Bernstein et P. Milza.

²⁴ См. сноску 15.

История де Брольи особенно показательна, поскольку разъясняет причины исчезновения орлеанизма с французской политической сцены. Де Брольи стремится использовать шанс, данный орлеанистам историей, — обеспечить свое господство путем установления монархии английского образца. После смещения Тьера монархистами либеральный герцог становится главой правительства. Его тактический план состоит в том, чтобы обеспечить монархисту Мак-Магону, избранному в 1873 г. президентом, семилетнее правление, дабы выработать институциональные основы нового политического порядка, подогнанные под идеал парламентской монархии английского образца в ожидании момента, удобного для передачи полномочий президента королю.

Вопрос о выборе династии мог бы быть решен благоприятно для орлеанистов. Во время свидания внука Луи-Филиппа Орлеанского (графа Парижского) с главой легитимистов графом Шамбором было оговорено, что бездетному Шамбору — первому претенденту на престол, будет наследовать потомок Орлеанов. Но упрямство Шамбора, не пожелавшего отказаться от белого королевского знамени в пользу трехцветного (что было условием орлеанистов), отсрочило вопрос об установлении монархии, по крайней мере при жизни упрямого потомка Бурбонов.

Этот отказ Шамбора прагматик Тьер назвал “манифестом самоубийцы”. Что касается де Брольи, то семиотика его высказываний по поводу судьбы собственной партии свидетельствует об определенном родстве аристократического орлеанизма и легитимизма, хотя это родство не идейного, а скорее природного порядка. В свое время соглашательство Тьера с республиканцами вызвало у де Брольи ассоциации со сдачей крепости врагу: “Погибнуть за свое дело, *со знаменем в руке*, на укреплении, которое защищаешь... Это славная смерть, после которой партия способна возродиться и которая возвеличивает память об общественном деятеле... Но погибнуть... открыв ворота цитадели, присоединив к несчастью быть побежденным смешное положение одураченного и сожаление о том, что невольно стал пособником врага, — это унижение, губительное для репутации... государственного мужа”²⁵.

Мотив “верности знамени” из письма Шамбора родствен этому заявлению де Брольи. Шамбор отказывается пожертвовать королевским знаменем: “От меня сегодня требуют принести в жертву мою честь... Поступившись малым сегодня, я стану бессиль-

²⁵ Histoire de la Revolution. P. 276. (Курсив мой. — E.O.)

ным завтра”²⁶. По сути, Шамбор продемонстрировал модель поведения, которой требовал де Брольи от своего бывшего соратника Тьера во имя спасения лица орлеанистской партии.

Родство аристократического орлеанизма и легитимистов, вышедших “из одной детской”, привело часть орлеанистов в монархический лагерь. Но поскольку в тот исторический момент для Франции речь шла не о выборе между различными моделями монархического правления, а между республикой и олигархическим правлением (в данном случае — монархией), это родство превратило либерала де Брольи в консерватора. Парадокс де Брольи, впрочем, не уникален. Известно, что под натиском демократии и социализма сторонники классического либерализма предпочли называть себя консерваторами, чтобы отмежеваться от социального либерализма, воспринявшего демократические лозунги²⁷: “Чувство, которое определило все мои действия, — это дух *социального консерватизма*. Правительство... должно быть и будет энергично *консервативным*”²⁸, — заявляет де Брольи в правительственной декларации.

Как уже было сказано, главным вопросом, судьбоносным и для орлеанизма, и для Франции, де Брольи считал установление прочного конституционного порядка под лозунгом “морального порядка”, т.е. общественного умиротворения на консервативной основе. Что касается искомого режима, то Де Брольи, как и все орлеанисты, мечтал об английском типе монархии, но не был теоретически непримиримым противником республики американского образца. В плане политической организации французские либералы XIX в. шли в фарватере англо-саксонских достижений. Еще в 1848 г. орлеанистов называли “проамериканской партией”²⁹. Однако известно, что тогда же, анализируя американскую демократическую республику, либерал, граф А. де Токвиль³⁰ считал трудным и опасным утверждение подобного режима во Франции в силу живучести традиций сословного неравенства и централизованного государства, идущих от Старого порядка и препятствующих синтезу свободы и равенства. Поэтому, как считал де Токвиль, свободе во Франции постоянно угрожало стремление революционной массы к установлению равенства сверху, благодаря

²⁶ Цит. по: *Chasteney J. Cent ans de la Republique. P., 1970. T.I. P. 210.*

²⁷ Об этом пишет, в частности, В.В.Согрин, приводя пример М.Тэтчер и Р.Рейгана: *Либерализм Запада... Введение.*

²⁸ *Chasteney J. Cent ans de la Republique. T. I. P. 196. (Курсив мой. — Е.О.)*

²⁹ См. об этом: *Сиротинская М.М. Конституционный опыт США в понимании французских политических деятелей (1848 г.) // Либерализм в новое время: теория и практика / Под ред. С.П.Пожарской. М., 1995. С.193.*

³⁰ *Tocqueville A. de. De la democratie en Amerique (1835). P., 1980; L'Ancien Regime et la Revolution. P., 1986.*

демократическому государству. По его мнению, в отличие от французской, Американская революция была проникнута “любовью к порядку и законности”, а общество сохраняло тесную связь между “религиозным духом и духом свободы”, поэтому рожденные революцией политические институты США ограничивают “необузданные действия масс, их насильственное и непросвещенное вмешательство в дела, *завистливые страсти низших классов*”³¹. Среди этих институтов Токвиль особо ценил административную децентрализацию (способствующую формированию гражданских организаций, сильного гражданского общества), двухпалатный парламент, сильную и ответственную власть президента и независимость судебной системы. По мнению Токвиля, совокупность этих институтов, препятствуя всевластию “Ассамблей” — средоточия всеобщего избирательного права, служит гарантией от превращения демократии в охлократию — гарантией того, что свободой не пожертвуют ради равенства. Для Франции залогом возможности достичь американского уровня свободы в демократии Токвиль считал гражданскую и моральную эволюцию общества в целом. По сути, в том же направлении шли размышления либерала О. Конта, писавшего об отдаленных перспективах достижения французским обществом рационального возраста позитивизма.

Думается, не в последнюю очередь именно размышления Токвиля определили позицию орлеанистов по вопросам политического устройства Франции после свержения Наполеона III и после Парижской Коммуны, показавшей, как далеко может зайти революционное творчество низов.

Провал попыток договориться с легитимистами заставил орлеанистов смириться с республикой (Тэна — раньше, де Брольи — позже) в духе рекомендуемого орлеанистами Э. Ренаном и И. Тэном “английского направления мыслей”, т.е. умения предпочитать то, что существует, тому, что должно существовать. Но после 1875 г. де Брольи думал только о том, чтобы придать этой республике устраивающую его форму, не закрывая дверь для возможного установления монархии.

Всеобщее избирательное право не вязалось с орлеанистским элитизмом. Именно со всеобщими выборами либеральный герцог связывал угрозу победы республиканцев в 1873 г. Однако де Брольи был сторонником парламентского режима. По выражению автора “Ста лет Республики” Ж. Шастене, “верховенство законодательной власти и принцип ответственности министров для него — догма, не подлежащая обсуждению”³². Он хотел сделать

³¹ Цит. по: Birnbaum P. Sociologie de Tocqueville. P., 1970. P. 87--88.

³² Chastenet J. Cent ans de la Republique. T.1. P. 214.

из Мак-Магона не совсем американского президента, а с поправкой на французские условия — что-то вроде конституционного монарха с временными полномочиями. Притом, что народный суверенитет был для орлеанистов непререкаем, элитизм де Брольи, его приверженность правлению нотаблей проявились в стремлении очертить границы полномочий народного представительства. 15 мая 1874 г. де Брольи представил Ассамблеес проект Большого Совета, который, по его замыслу, “станет *представительством рассудка и интересов, противостоящих грубому представительству массы* (численности, количества)”³³. Этот орган, который был сродни Палате пэров или Палате лордов и от самого названия которого веяло историей королевской атрибутики, должен был объединять кардиналов, маршалов, адмиралов, председателей Кассационного суда и Счетной палаты, а также членов, пожизненно назначаемых президентом: бывших министров, администраторов высокого ранга, епископов, членов Академии и, кроме того, представителей от департаментов, избираемых на 7 лет коллегиями выборщиков. Этот проект верхней палаты сохранял за традиционными элитами почетное и влиятельное место в республиканской конструкции. Он был отвергнут не только республиканцами, но и легитимистами, которые, соединив свои голоса, отправили проект на доработку, а самого Брольи — в отставку.

Следует отметить, что республиканцы Гамбетта и Ферри тоже были благосклонны к идее верхней палаты, но они настаивали на выборности этого органа, окрещенного ими Сенатом (орган с этим названием был знаком французам по временам Консульства и Империи). Немаловажную роль в принятии ими идеи Сената играли соображения борьбы против левых республиканцев, верных принципам 1848 г. и враждебных как идее учреждения Сената, так и институту президентской власти.

Родившийся из этих разногласий Сенат Третьей республики стал плодом компромисса между обоими проектами: до 1884 г. 75 сенаторов назначались пожизненно Палатой (потом пожизненное сенаторство было отменено), а остальные избирались коллегиями выборщиков из департаментов. В итоге президенту было отказано в назначении сенаторов и Сенат стал не тем, о чем мечтал де Брольи. Это не был Сенат нотаблей. Гамбетта праздновал победу: “Те, кто хотел сделать Сенат палатой сопротивления, цитаделью реакции, на самом деле организовали Большой Совет французских коммун... Благодаря учреждению Сената... демократия стала суверенной хозяйкой Франции”³⁴. Гамбетта назвал Сенат “пала-

³³ Ibid. P. 221.

³⁴ J. Reinach. Discours et playdoyers de L. Gambetta. Par J. Reinach. P., 1909. P. XXX. Речь в Бельвиле 25 апреля 1876 г.

той контроля”, и республиканцы победили на выборах несменяемых сенаторов и на законодательных выборах (в Палату) 1876 г. Орлеанисты, даже сам де Брольи, в него не прошли, поскольку “Большой Совет французских коммун” обеспечивал преобладание сельской Франции, потерянной для орлеанистов.

Схожая судьба постигла институт президентства, зависящий, благодаря процедуре выборов, от голосования Парламента, поскольку президент избирался на совместном заседании обеих палат. Сильный президент, облеченный доверием народных представителей, был необходим Франции в 1871 г., в пору преодоления последствий войны и Коммуны. Таким президентом был А.Тьер, совмещавший этот пост с постом главы правительства. После отставки Тьера политические соображения Мак-Магона и де Брольи, намечавших в будущем превратить президентство в институт королевской власти, определили разделение полномочий между президентом и главой кабинета: Мак-Магон желал ограничиться ролью главы конституционного строя, арбитра, стоящего над партийными разногласиями и превратностями текущей политики. Поэтому с первого министерства де Брольи председатель Совета министров, ответственный перед президентом, а после кризиса 1877 г. — перед парламентом, приобретает все больший вес в исполнительной власти, оставляя президенту скорее почетные функции.

Переломным моментом в судьбе президентства стал затяжной политический кризис 1877 г., в результате которого конфликт Мак-Магона с республиканским большинством Палаты, не согласным с формированием кабинета де Брольи (второго “морального порядка”), привел к отставке президента (в январе 1879 г.). С тех пор ни один президент Третьей республики не рисковал распустить парламент и ни один глава кабинета министров не ссорился с палатами. Институты, которые орлеанисты хотели приспособить для установления монархии английского образца, эволюционировали в силу стечения исторических обстоятельств и по воле умеренных республиканцев в сторону парламентской республики — республики депутатов.

Таким образом, годы установления Третьей республики ознаменовались серией политических провалов орлеанистов, претендовавших на руководство ее строительством. Они отказались от династических претензий, но не смогли вписаться в реакционный монархизм, свойственный, к примеру, легитимистам. Вопрос о принятии республики расколол их ряды и одновременно противопоставил их бывшим союзникам в борьбе за свободы — умеренным республиканцам, которые стали для них “радикальной партией беспорядка”. Растеряв тем самым единомышленников в политическом классе, орлеанисты—сторонники де Брольи не

смогли навязать новой республике искомой англо-саксонской модели организации власти.

Между тем одержавшие победу республиканцы во многом опирались на идеи поколения орлеанистов 50-х годов, особенно в поисках преодоления противоречия свободы и демократии. Проблема орлеанистской партии 70-х годов состояла в том, что в ней социальный консерватизм взял верх над стремлением и способностью к обновлению и развитию как на идейном, так и на политическом уровне. Не случайно 70-е годы оставили в анналах французской истории лишь имена политиков-практиков и не дали идеологов масштаба Б. Констана или Сийеса, Ж. де Сталь или А. де Токвиля. Между тем наряду с неотложным вопросом о форме правления, общенациональный кризис 70-х годов поставил ряд вопросов, требовавших осмысления и решения; серьезной корректировки либеральной доктрины.

Одним из них стал вопрос о сохранении и расширении свобод в условиях нарастания социального конфликта, пиком которого была Парижская Коммуна, — между имущими и неимущими. Основоположникам нового политического порядка предстояло решать, каким образом увязать свободу с требованием равенства в республике всеобщего избирательного права. Другим, не менее острым, был вопрос о судьбе не только нового политического режима, но и современного светского государства. Эти два вопроса раскололи французское общество в первые десятилетия новой республики.

* * *

Остановимся прежде на первом вопросе — ключевом для установления либеральной идентичности. Это вопрос об уважении и о расширении гражданских и индивидуальных свобод. На протяжении всего XIX века свободы при самом горячем участии либералов, в том числе орлеанистов, последовательно и постепенно пробивали себе дорогу от одного из сменяющих друг друга режимов к другому. Младший друг Тьера депутат Прево-Парадолль писал о “либеральном поколении” “новой Франции”, выросшем за 20 лет Второй империи³⁵, считая главным достижением либералов всеобщее и неоспоримое признание идей Декларации прав 1789 г. в современном ему французском обществе. Де Брольи к тому времени, когда он готовился возглавить правительство, считал достаточной степень достигнутых во Франции свобод. Это видно из приводимого выше высказывания о Франции, “какой ее сделала революция 89 года, со всеобщим избирательным правом,

³⁵ *Prevost-Paradol P. La France nouvelle. P., 1868.*

с абсолютным гражданским равенством, с религиозной свободой»³⁶. Поэтому все дальнейшие требования реформ в этом направлении он считал кощунственными, «угрожающими обществу в его основах»³⁷. Дальнейшая эскалация свобод в глазах де Брольи была чревата новой революцией, поскольку затрагивала социальный порядок. Мы возвращаемся здесь к отличительной черте орлеанистской партии — к ее неспособности к движению, к обновлению. Эстафета защиты и расширения свобод перешла к партии движения и обновления — радикальным республиканцам Гамбетты.

Если абстрагироваться от личностей и страстей и квалифицировать только идеи, то можно было бы сказать, что речь в данном случае шла не столько о противостоянии либералов и демократии, сколько о борьбе монархистов и республиканцев, ибо именно вопрос о республике расколол, пусть и прежде не всегда монолитный, лагерь борцов против авторитарной империи (объединявший прежде и орлеанистов, и всех республиканцев) и саму орлеанистскую партию. Однако в конкретных исторических обстоятельствах общенационального кризиса, переживаемого в те годы Францией, трудно разделить темперамент, властные амбиции, принципы и социальные предпочтения, поскольку именно их смешение, а не только партийные ярлыки определяли выбор идейной и политической позиции либералами, всегда настаивавшими на независимости личного мнения. Особые обстоятельства 70-х годов XIX в., которые либералы не выбирали и не готовили, осложнили положение орлеанистов, привели партию к расколу и впоследствии — к исчезновению. Тьер открыт для широкого соглашения с демократами-республиканцами, но его отстранили от власти, и тон в правительстве и в Ассамблее стали задавать те, кто шел за де Брольи. Последний добивался установления либеральной монархии и потому поставил во главу угла борьбу с республиканцами-демократами, и в интересах этой борьбы ему необходимо было заручиться консервативным антиреспубликанским большинством под лозунгом «морального порядка», ослабить позиции республиканцев в Ассамблее, изгнать их из департаментских и муниципальных органов. Поэтому либерал де Брольи идет на ограничение свобод. Он пользуется сохранением осадного положения в 39 департаментах и приостанавливает в них действие свободы слова и собраний, сохраняет и репрессивный аппарат, и практику политических преследований времен Империи, закрывая республиканские газеты. Хотя при Тьере де Брольи настаивал на либеральном децентрализаторском принципе

³⁶ Histoire de la Revolution. P. 726.

³⁷ Там же.

выборности мэров муниципальными советами, теперь он проводит закон об их назначении сверху³⁸. Верные монархистам префекты начинают смещать мэров-республиканцев.

Антидемократическая позиция де Брольи, продиктованная страхом перед усилением партии, которую он называет "партией революции", и его реакционная политика ускорили раскол орлеанизма. Тьер, смещенный де Брольи, вступает в борьбу за свободы на стороне Гамбетты. Он заявляет: "Нам необходимо встать на защиту всего: наших свобод, наших принципов, ставших принципами всего человечества"³⁹.

Гамбетта оценил эту поддержку: "Те, кто подобно г-м Тьеру, Казимиру Перье, Леону де Мальвилю отрешились от старых идей и под влиянием просвещенного патриотизма присоединились к республике, ...стали самыми твердыми, самыми бдительными... защитниками общественных свобод"⁴⁰.

Тьера и Гамбетту сближало отождествление республики и стабильности (порядка). Де Брольи же, наоборот, видел в республиканцах "людей беспорядка" и шел на ограничение свобод во имя "морального порядка". Враждебность де Брольи республиканской идее в 1873 г., когда он свергает Тьера, питалась ненавистью к республиканской партии: "Если республика является формой правления, то французская республиканская партия не является партией правления... Республиканец и революционер — вот два слова, абсолютно синонимичные"⁴¹.

Поскольку правительство де Брольи использовало ограничение свобод для борьбы с враждебной партией республиканцев, защитницей свобод выступала левая оппозиция правительству, боровшаяся против де Брольи и его монархической и антидемократической политики.

Парадоксальным образом страх либерала де Брольи и его союзников монархистов перед развитием демократического движения сказался на одной особенности конституционных законов 1875 г.⁴², которые стали Конституцией Третьей республики: они отдают предпочтение Закону над правами граждан, поскольку им не предпослана Декларация прав. Для перспектив орлеанизма это умолчание очень существенно. Казалось бы, этот недостаток Конституции открывал перед либералами перспективы создания

³⁸ В речи 26 ноября 1873 г. Закон принят в 1874 г.

³⁹ *Chastelet J. Cent ans de la Republique. P., 1970. T.I. P. 205.*

⁴⁰ *Discours et playdoyers de L.Gambetta. Par J.Reinach. P., 1909. P. XXXII.*

⁴¹ *Girard L. Les liberaux. P. 234.*

⁴² То, что было потом названо Конституцией 1875 г., представляло серию из трех законов: Закона об организации Сената от 24 февраля, Закона об организации общественных властей от 25 февраля и Закона о взаимоотношениях общественных властей от 16 июля 1875 г.

широкого фронта в защиту свобод. В этом состояла линия Тьера, делавшего ставку на союз всех республиканцев, будь то убежденные борцы за республику или прагматики, принявшие ее во избежание новой революции. Однако Тьер и его сторонники, будучи в тот момент проигравшим меньшинством, оттесненным от власти фракцией де Брольи, не идентифицировались более с орлеанизмом, который ассоциировался скорее с династическими пристрастиями, с монархией, чем с либеральной идеей. Кроме того, готовый пойти на тактическое соглашение с республиканцами во имя общественного умиротворения, Тьер вряд ли был готов к принятию демократической идеи⁴³. Он оставался последовательным либералом, поскольку не связывал требование свобод с требованием равенства, как это делали демократы.

Враждебность политической демократии имеет для де Брольи и для возглавляемого им аристократического, династического орлеанизма серьезные последствия. Борьба против республики приводит к пренебрежению либеральными правами и оставляет инициативу защиты свободы их идейным и политическим противникам.

В своих разъездах по Франции во время предвыборной кампании 1876 г. Л. Гамбетта развивает идеи 1789 г. — идеи гражданской свободы и равенства — в противовес правительственной политике: «Демократ — это не тот, кто занят лишь тем, чтобы признавать всех равными. То, что сотворяет истинную демократию, это не признание равными, а сотворение их. Вы должны признать, — обращается он к монархистам, — что после окончательного провала ваших монархических надежд пора наконец дать Франции правительство, которое может остаться в ваших руках, если вы искренни, если вы действительно воодушевлены *либеральными принципами*, о которых вы нам без конца говорите и применение которых вы бесконечно тормозите»⁴⁴. «Достаточно разорвать различные декреты, предписания и ордонансы, изданные нашими министрами за последние три года, чтобы утвердить политику свободы, являющуюся первой необходимостью страны... Неотложная потребность населения состоит в том, чтобы опять стать себе хозяином, вновь обрести свободу писать, собираться, ассоциироваться, свободу выбора мэров...»⁴⁵.

Достижение равенства через свободу и демократию — идея Гамбетты, но Тьер был далек от нее. Между тем не стоит забывать, что именно требование равенства — вопрос не только и не

⁴³ Впрочем, эпоха Тьера уходила в прошлое. Он умер в 1877 г. в возрасте 80 лет.

⁴⁴ Discours et playdoyers de L. Gambetta. P. XXXII. (Курсив мой. — Е. О.)

⁴⁵ Ibid. P. XXXI—XXXII.

столько политический, сколько социальный — было поставлено Парижской Коммуной в ряд самых острых вопросов времени.

Тьер, вынужденный умирять рабочих, в которых еще живы воспоминания о Коммуне, и противостоять не только монархистам, но и социалистам, заявляет по поводу их социальных требований: “Я сказал *народу*: вы хозяева ваших рук, вашего времени, вашего труда; вы можете спорить с вашим хозяином, старайтесь, чтобы он вникнул в ваши расчеты; но если вы хотите прибегнуть к *тирании забастовки*, вы обманываетесь... Надо укрощать не партнера, а покупателя. Если вы хотите отказаться от работы, это ваше право, но если вы хотите преградить путь обществу и *парализовать свободу труда*, вы совершаете ошибку. Существуют люди, внушающие *народу*, что общество его угнетает. Я всегда старался разрушить эти достойные осуждения внушения в умах *народа*... Подчас *народ* натравливают на общество. Тогда уже не до доктрин. Есть только *сила и правосудие*”⁴⁶.

Вышеприведенный отрывок показателен. В социальном вопросе Тьер выступает как классический либерал, видя его решение в свободной игре экономических субъектов на рынке труда и не связывая его с прогрессом демократии. Кроме того, в государстве Тьер видит прежде всего гарант порядка против его возмутителей — близкий либералам образ “государства—ночного сторожа”. Закон и порядок для Тьера в тот момент важнее, чем свободы, впрочем, как и для де Брольи. Следовательно, Тьера и де Брольи разделило тактическое решение — вопрос о возможности принятия республики, идейное же родство между ними осталось.

Напоминая о “силе и правосудии” в качестве средства обуздания социальных конфликтов, Тьер находится под недавним впечатлением Парижской Коммуны. Позже, в 80-е годы, отношение либералов к рабочему вопросу в духе “laissez-faire” было изложено в серии статей депутата-либерала графа д’Оссонвиля, объединенных затем в брошюру под названием “Нищета и средства против нее”⁴⁷. В те годы требование “социальной республики” — напоминание о восстаниях рабочих предместий Парижа 1848 г. — нимало не потеряло своей актуальности. Для Оссонвиля выход, предложенный социалистами — “бесконечно возрождающаяся химера”. Другое направление в решении рабочего вопроса — возрождение корпораций, предложенное “христианской школой” (Альбером де Меном и католическими рабочими кружками), он называл “школой прошлого”, считая, что церковь не должна претендовать на роль “регулятора рынка”. “Не думаю, — писал Оссонвиль, — чтобы после красноречивого протеста про-

⁴⁶ Claretie J. Histoire de la Revolution. P. 467—468. (Курсив мой. — Е.О.)

⁴⁷ D’Ossonville H. Misere et Remedies. P., 1886.

тив государственного социализма (идея защитников социальной республики) мы захотим установить вместо него то, что было бы еще более опасным — социализм Церкви". Либеральный граф указывал на "вечность и нерушимость" нищеты и на невозможность излечения этого зла, хотя и понимал, что "говорить так — неловко и аполитично": "Поиски панацеи, которая могла бы излечить эту болезнь в корне, являются абсолютной химерой. Надеяться можно лишь на то, чтобы найти паллиативы, которые ее смягчат"⁴⁸.

Преодоление нищеты либеральный граф считал делом длительным и постепенным, неразрывным с поступательным развитием общества. Десять лет неустанной пропаганды Гамбетты дали ощутимые плоды: либерал Оссонвиль среди общественных условий борьбы с нищетой на первое место поставил "прогресс демократии". Далее следуют: "развитие институтов предвидения (предупреждения) и взаимопомощи, новые способы оплаты труда и ассоциации". Кроме того, "надо заставить работать благое социальное качество благотворительности".

Помощь обездоленным расценивалась либералами как частное дело и перепоручалась общественной благотворительности, однако ее эффективность зависит от уровня сознательности и демократического развития общества. Последнее здесь можно понимать и как рост демократизма в высших классах — расширение их социального кругозора и преодоление эгоизма. Оссонвиль считал, что в его время появилось новое чувство — жалости к обездоленным. Но это уже не то индивидуальное чувство, о котором еще Ж.Санд писала, что оно даже более благотворно для тех, кто его испытывает, чем для тех, на кого оно направлено. Это — "общественная жалость" (*une pitié publique*), осознание обществом нищеты, в которой находятся некоторые его члены.

Позиция демократа Гамбетты в социальном вопросе несколько иная. Не стоит забывать, что этот вопрос постоянно поднимался социалистами и находил живой отклик в массе избирателей, для которых важным было не только гражданское равенство, но и улучшение условий существования. Показательно, что Тьер, говоря о "народе", имел в виду именно рабочих, в то время как Гамбетта, наоборот, не склонен был выделять рабочий (социальный) вопрос из всего комплекса гражданских проблем: республиканцам-радикалам было невыгодно обособлять интересы обездоленных от интересов массы "народа", поскольку это грозило бы расколоть демократический лагерь. У Гамбетты это "низшие слои населения", "масса", "население", как его понимал Ж. Мишле, то есть народ, противопоставленный аристократии и олигархии.

⁴⁸ Цит. по: *Six J.-F. 1886: Naissance du XX-eme en France*. P., 1986. P. 201—207.

Гамбетта связывал решение всех общественных вопросов с прогрессом состязательной демократии: “Для *низиших слоев населения* всеобщее избирательное право скоро станет неодолимым средством эмансипации. Как только *массы* уловят связь между волеизъявлением избирателей и бременем, которое несет *население*, как только они смогут усвоить, что между политическим волеизъявлением и сокращением армии, уменьшением налогов, прогрессом просвещения, бесплатным, обязательным и светским образованием существует тесная связь... надо будет склониться перед всеобщим избирательным правом... скоро станет ясно, что... именно оно должно царствовать и управлять”⁴⁹.

Тактика демократа Гамбетты в социальном вопросе была гораздо перспективнее последовательной идейной позиции либералов. В то время, как последние предлагали обездоленным уповать на благотворительность и законы рынка, Гамбетта обещал им “сотворение равных” в демократической республике. В ней он видел залог от столкновения противоположных социальных интересов и от столкновения власти и народа. Идея состязательной демократии — плод республиканской демократической мысли — является по сути развитием либеральной идеи экономической конкуренции, перенесенной в плоскость политической борьбы. Соратник Гамбетты, депутат Шалемель-Лакур заявляет: “Это республика, в которой конечно будут сохраняться расхождения между партиями, но где партии могут победить, лишь если они того заслуживают, только трудным и верным путем пропаганды и дискуссии”⁵⁰. Гамбетта назвал право на пропаганду “единственной защитой от применения силы”⁵¹.

Разница между либералами-орлеанистами и республиканцами, также питавшимися из либерального источника, в подходе к принципу представительства. Либералы оставляли борьбу социальных интересов за пределами парламента, относя их в стихийную область экономической конкуренции. Для Тьера парламент должен оставаться ареной согласия и компромисса, что в целом было возможно в эпоху правления социально однородного корпуса нотаблей, но утопичным в республике всеобщего избирательного права. “Республика обращается в бессмыслицу, если вместо того, чтобы быть правлением всех, она становится правлением одной партии. Если ее хотят представить победой одного класса над другим, в тот же момент от нее отвращают одну часть страны, а потом и страну в целом”⁵², — говорил Тьер.

⁴⁹ Les orateurs politiques... P. 378.

⁵⁰ Ibid. P. 408.

⁵¹ Ibid. P. 378.

⁵² Claretie J. Histoire de la Revolution. P. 450.

Таким образом, в то время как партия орлеанистов, чуждая духу глубоких перемен, произошедших на рубеже 70-х годов во французском обществе, имела мало шансов завоевать массовый электорат, демократы не только могли рассчитывать на широкие предпринимательские слои города и деревни, но и соперничать с социалистами, поскольку синтезировали свободу и равенство в своем идеале демократической республики.

* * *

Проблема обретения порядка (морального и материального) после революции, иноземного вторжения и Коммуны потребовала от действующих политических сил определить свое место в длительной исторической перспективе, главной точкой отсчета которой являлся 1789 г. Это было необходимо для решения главного вопроса — о легитимности рождающегося режима с точки зрения разрыва и преемственности с конституционным или революционным опытом предшествовавшего столетия. Чем быть новой республике — импровизированным творением обстоятельств, навязанных угрозой народного возмущения, или рациональным установлением законодателей — просвещенной элиты общества? Выше было показано, что неприятие радикальных республиканцев Гамбетты либералами типа де Брольи основывалось на отождествлении первых с якобинским революционным наследием, ассоциировавшимся в глазах либералов с насилием и террором, с властью толпы. Поэтому для орлеанистов де Брольи радикальные республиканцы были несовместимы с идеей порядка.

Напротив, Гамбетта, не отрекаясь от революционного наследия, стремился подчеркнуть, что он является продолжателем традиции 1789 г., считая республику всеобщего избирательного права логическим продолжением дела творцов “Декларации прав человека и гражданина”. Он особенно настаивал на эволюционном характере перехода, примиряя революцию (которая ассоциировалась с республиканизмом) с постепенными переменами (ассоциировавшимися с либерализмом) в новом политическом режиме:

“Чего они хотели в самом деле, наши предшественники, авторы Декларации прав? ...Они хотели основать огромную демократию, в которой *старшие братья, те, кто преуспел, были бы патронами, руководителями, защитниками* тех, кто, находясь внизу, не смог получить благ образования, состояния, но кто тоже имеет права. Именно этот альянс... этот мирный конкордат между буржуазией и народом был воплощен в Конституции 25 февраля (1875 г. — *Е.О.*)”⁵³.

⁵³ Discours et playdoyers de L.Gambetta. P. XXIII. (Курсив мой. — *Е.О.*)

Надо заметить, что вопрос о преодолении революционного радикализма был едва ли не центральным вопросом французской философии в XIX веке. Цепь насильственных политических переворотов заставляла искать возможности достижения разумного общественного идеала на путях эволюции. Основатель позитивизма, либеральный философ О. Конт в 40-х годах считал “метафизической иллюзией” мысль о соединении в обозримом будущем во Франции республики всеобщего избирательного права и “возраста позитивизма”, т.е. той степени зрелости общества, когда могут быть преодолены страсти и революции, поскольку простое сложение “воль” большинства не есть выражение разумного начала. Выше говорилось о том, сколь сомнительным было в глазах либерала А. де Токвиля достижение в ближайшем будущем французами гражданской зрелости, способной обеспечить стабильность свобод при демократическом правлении. Республиканцы Гамбетта, Литтре (автор знаменитого словаря), Ферри, считавшие себя идейными учениками О. Конта, “сократили” время вступления французского народа в “позитивный возраст” в соответствии с политическими потребностями момента. В 1872 г., агитируя за республику всеобщего избирательного права, Гамбетта убежденно говорил о глубоких качественных трансформациях массы избирателей: “Разве не видим мы, что после падения Империи появилось совсем новое поколение, горячее, хотя и сдержанное, *разумное*, способное в делах, влюбленное в справедливость, заботящееся об общих правах? ...Это новое поколение демократии, новый политический персонал избирателей, новый персонал всеобщего голосования? Разве мы не видим тружеников городов и деревень, этот мир труда, которому принадлежит будущее, входящим в политическую деятельность?”

Гамбетта указывает на “позитивные” качества нового поколения: “Мы почувствовали, что современная демократия вышла из несколько *смутного сентиментализма*, который преобладал у наших предшественников; мы почувствовали, что здесь присутствует не что более *позитивное*, более *практическое*, более *научное*”⁵⁴.

Соратник Гамбетты Шатемель-Лакур, обращаясь к монархистам, по сути полемизирует со скептицизмом либералов вроде Токвиля: “Вы раните этот республиканский народ, заявляя ему, что республика, к которой он привержен, может быть лишь хаосом, или, напротив, повторяя ему, что это режим, для которого он не годится, требующий идей и достоинств, которыми он не обладает”⁵⁵.

⁵⁴ *Claretie J. Histoire de la Revolution. P.410. (Курсив мой. — Е.О.)*

⁵⁵ *Les orateurs politiques... P. 409—410.*

Думается, республиканцы-демократы опережают события в угоду неотложным политическим соображениям. Но в 80-е годы, обеспечив победу республики, они сделали одним из своих приоритетов республиканское воспитание граждан. Борьба союзника Л. Гамбетты умеренного республиканца Ж. Ферри за всеобщее светское школьное образование стала залогом синтеза республики, этого порождения революции, и позитивистского консерватизма.

* * *

Как было сказано выше, специфика рождения Третьей республики состояла в том, что общественный раскол не исчерпывался ни социальным, ни политическим противостоянием. Наступление клерикалов не только во Франции, но и во всей католической Европе, соединило спор между монархией и республикой с ожесточенной борьбой между сторонниками и противниками современного светского государства⁵⁶ — между клерикально-монархическим и антиклерикально-республиканским лагерями. Во Франции этот раскол восходил к революции 1789 г., провозгласившей секуляризацию общества, свободу совести и культов и гражданское устройство духовенства. Он обострился в 60-х годах XIX в. под влиянием возглавленного папой ультрамонтанского⁵⁷ наступления, ставившего своей целью искоренить все “заблуждения”⁵⁸ нового времени и восстановить общественно-политическую роль церкви и религии в Европе. “Клерикаль-

⁵⁶ Термином “современное государство” (*Etat moderne*) во французской историографии обозначается понятие государства, родившегося в новое время. Главное в нем — рационалистическое понимание источника легитимности власти (народный суверенитет и общественный договор), следствием чего были десакрализация власти и ее деперсонификация, а в области организации власти — установление парламентских режимов. Во Франции 60–90-х годов XIX в. быть антиклерикалом означало быть республиканцем — наследником идей Французской революции, защитником светского государства, гражданских прав и свобод.

⁵⁷ Ультрамонтанство — с XV в. так называлось направление в католицизме, отстаивающее неограниченную власть папы, его право вмешиваться в светские дела любого христианского государства. Галликанизм — идеология французской короны — оспаривал это право в отношении Франции. Для него главным защитником христианской веры на территории Франции являлся король Франции.

⁵⁸ В 1864 г. папа Пий IX в своем знаменитом “Силлабусе” предает анафеме “заблуждения” нового времени, одним из которых (п. 80) было то, что “римский Понтифик может и должен примириться с прогрессом, либерализмом и современной цивилизацией”. Цит. по: *Histoire de l'Europe. Sous la dir. de J. Chaptentier et F. Lebrun. P., 1990. P. 378.* Собор 1870 г. принимает тезис о непогрешимости папы.

ная партия" во Франции, имеющая сильные позиции в образовании (благодаря Закону Фаллу 1850 г.), союзник имперского цезаризма, а затем защитник "морального порядка", представлялась главным противником современного государства. Между тем идея "морального порядка" инспирировала политику либерала де Брольи. Выше было показано, что главным в требовании *морального порядка*, было неприятие демократического правления, однако присоединение де Брольи к клерикально-монархическому лагерю было продиктовано не только политической тактикой. Его нельзя назвать рьяным клерикалом, но судьбы церкви он принимал очень близко к сердцу. Личные духовные искания либерального герцога давно поставили в центр его научных интересов вопрос о месте католической церкви в общественной модернизации.

В годы Второй империи история церкви была предметом исследования этого интеллектуала-оппозиционера. В 1856—1863 гг. де Брольи пишет шеститомную "Историю Церкви и Империи в IV в.". Он считал, что католическая церковь в переходную эпоху от язычества к христианству стала связующим звеном между Римом и обществом, родившимся из германских завоеваний, синтезировав достижения языческих цивилизаций. Де Брольи волновал вопрос, сможет ли в его время церковь сыграть подобную роль, не отворачиваясь от либеральной эволюции XIX века? Либеральный католицизм де Брольи основывался на поисках гармонии между либеральным гуманизмом и христианством. Это казалось возможным: ведь в 1848 г. священники благословляли "Деревья Свободы". Однако папский "Силлабус" на долгое время лишил поиски такого синтеза всякого смысла. Французское духовенство под давлением ультрамонтанского наступления римской курии проявило непримиримую враждебность к рождающейся республике.

В 1877 г. Гамбетта бросил свой знаменитый клич: "Клерикализм — вот враг!"⁵⁹. Республиканизм и антиклерикализм становятся неразрывными.

В действительности речь шла не только о политическом, но и об этическом выборе. Ведь политика нетерпимости, избранная католической церковью, поставила французов перед проблемой: кому доверить воспитание морали у нового поколения. Область этики и гражданское воспитание были неразрывны для республиканцев, и в этом они были вместе с либералами прямыми наследниками Просвещения, одним из краеугольных камней которого стало воспитание нового человека-гражданина. Однако в 70-х годах XIX в. эстафета борьбы с обскурантизмом — прежде

⁵⁹ Речь 4 мая 1877 г.: Discours et playdoyers de L.Gambetta. P. XXXIV.

это было поле либералов — переходит от них к республиканцам Л. Гамбетте и Ж. Ферри, поскольку либералы типа де Брольи или Э. Ренана (знаменитый историк религии, автор “Жизни Иисуса”, известный своими проектами гражданского воспитания) не были склонны к противостоянию клерикалам по соображениям политического и морального плана.

В одной из своих статей 1869 г. Ренан с грустью констатировал, что “во Франции постоянно растет масса народа, лишенная религиозного идеала и отвергающая любой социальный принцип, стоящий над волей индивидуумов. Другая масса, еще не проникнутая этой эгоистической идеей, ежедневно сокращается благодаря всеобщему избирательному праву”⁶⁰. Ренана нельзя отнести к реакционным церковникам. Он был одним из идеологов либерального католицизма, и его тоска по “религиозным идеалам” подчинена иной логике. В 1871 г. Э. Ренан написал труд “Интеллектуальная и моральная реформа во Франции”⁶¹. Согласно Ренану, необходимость такой реформы обнаружила национальная катастрофа 1870 г., к которой Франция подошла, по его мнению, морально опустошенной. Ренан считал, что в годы быстрой капиталистической трансформации Второй империи Франция потеряла то, что у нее сохранилось от франкского военного духа, чтобы все больше сродниться с расчетливым утилитаризмом англо-саксов. Она превратилась в некое подобие Америки, но без того созидательного порыва, который составляет исключительность случая США, — “в Америку второго сорта, мелочную, посредственную, больше похожую на Мексику или на Южную Америку, нежели на Соединенные штаты... И эту демократию, одержимую накоплением богатств, Император бросил против Германии, сильной аристократическими традициями!”⁶², — восклицает автор.

По его мнению, всеобщие выборы, легитимизация власти всеобщим согласием, в условиях всеобщего же стремления к материальному преуспеянию ведут к атомизации общества. Политическим идеалом Ренана, способным совместить в себе достоинства прочих династических принципов (честь, патриотизм) с буржуазными ценностями, являлась обновленная орлеанистская монархия. Целью Ренана было создание современного общества (о понятии “*modernité*” см. выше), основанного на гедонистском индивидуализме в сочетании с нацией, сильной в интеллектуальном и военном отношении, т.е. сильной гражданским чувством. С одной стороны, некоторые идеи Ренана перекликаются со взгляда-

⁶⁰ Цит. по: *Furet F. La Révolution...* P. 502.

⁶¹ *Renan E. La Reforme morale et intellectuelle de la France. P., 1871.*

⁶² *Ibid.* P. 490.

ми де Брольи и с его “моральным порядком”, с другой стороны, как показывает история, Ренан не стал непримиримым противником республики. Его стремление к возрождению патриотизма в новой буржуазной Франции в чем-то сродни “якобинскому патриотизму” Гамбетты⁶³. Те же идеи Ренана получили в 80-е годы развитие в республиканском империализме⁶⁴ Ж. Ферри.

Ренан считал, что поражение Франции перед лицом Германии — это прежде всего интеллектуальное поражение, обусловленное превосходством немецкой школы — научной, открытой — над французской, готовящей софистов и риториков, поэтому краеугольным камнем национального возрождения для него являлась школьная реформа. Эту идею подхватил и развил Ж. Ферри, школьное республиканское воспитание стало основой деятельности его правительства в 80-е годы.

И орлеанист Ренан, и республиканцы Гамбетта и Ферри исповедовали одну “религию” — позитивизм, но Ренан, как и все орлеанисты, не были яркими антиклерикалами хотя бы в силу своей религиозности. Либералам-орлеанистам всегда был близок Вольтер, который призывал “раздавить гадину” церковной реакции, но настаивал на необходимости сдерживающего влияния христианской морали для обуздания народа. Идея воспитания новой гражданственности через школу сблизила Ренана в середине 70-х годов с республиканцами, но в вопросе о секуляризации школьного образования он стоял на более умеренных позициях аристократического либерализма. Он считал необходимой секуляризацию образования только на уровне университета, ведя таким образом речь лишь о рациональном воспитании элит. Республиканцы же выступили с идеей республиканского воспитания граждан, освященного научным знанием, с начальной школы. Для Гамбетты связь между обскурантизмом и отстранением народа от власти в пользу элит была очевидной: “Невозможно, чтобы эта страна, которую так долго обманывали... совершенно выздоровела и про-

⁶³ Речь идет о политике Л. Гамбетты в бытность его министром внутренних дел и военным министром во Временном правительстве (1870–1871 гг.). После пленения французской армии в сентябре 1870 г. под Седаном он пропагандирует идею возвращения к якобинской тактике “защиты отечества”, требующей вооружения народа и принятия чрезвычайных мер для сосредоточения всех сил на организации отпора прусскому вторжению. Не согласный с уступкой Эльзаса-Лотарингии, он уходит в 1871 г. в отставку и становится защитником идеи реванша.

⁶⁴ Речь идет о пропаганде в конце XIX в. колониальной экспансии республиканской Франции, за которой была признана цивилизаторская миссия нести идеалы прогресса, свободы, равенства и братства “неразвитым” народам Африки и Азии. Активным проводником ее был республиканец Ж. Ферри.

зрела... Воспитание и просвещение были ей отпущены слишком скупо... Невежественный народ — это послушный народ”⁶⁵.

Таким образом, именно республиканцы синтезировали идею воспитания гражданской морали с традициями либерального Просвещения в условиях всеобщего избирательного права. Обскурантизм они связывали с наступлением на права и свободы, шла ли речь о легитимизме или о бонапартизме⁶⁶.

Ренан стремился воспитать защитников Франции; Гамбетта и Ферри — воспитать защитников Французской Республики. Выбор Ренана — духовно-умозрительный; выбор республиканцев продиктован политической борьбой, ставкой в которой является торжество и укоренение республики. В итоге линия республиканцев победила. Закон о светской школе был принят 28 марта 1882 г. Дело Дрейфуса заставило защитников демократической республики завершить антиклерикальную политику отделением церкви от государства (закон 1905 г.), школы от церкви (закон 1904 г.). Тогда же Франция разорвала дипломатические отношения с Ватиканом. Те, кто хотел примирить христианство и позитивизм, нашли в годы клерикальной непримиримости католической церкви прибежище в протестантизме. Орлеанист Э. Ренан, либералы И. Тэн и Ж. Санд, республиканец Ж. Фавр — люди религиозные, но враждебные церковной нетерпимости, выбрали для своих детей и внуков (Ж. Санд) или для себя (Ж. Фавр) обращение в протестантизм, поскольку его не коснулось обскурантистское наступление⁶⁷. Политический выбор стал для либеральных католиков задачей более трудной, чем это частное решение. Бороться против обскурантизма означало выступить против союза церкви и монархистов-легитимистов, а именно на этих последних делал политическую ставку династический орлеанизм в борьбе против республиканского наступления. Связав себя с легитимистами, этой тенью Старого порядка, аристократический орлеанизм уклоняется от внятной позиции по вопросу, ставшему ключевым во французской политике с 60-х годов XIX века, — о политической и социальной роли церкви и религии. Защитники общественного обновления оказались во враждебном де Брولли лагере. Политика либерального герцога, главной целью которой было отбросить

⁶⁵ Речь в Оксере 1 июля 1874 г. : *Histoire de la Révolution*, p. XXV.

⁶⁶ Выше говорилось, что клерикализм поддерживал режим Второй империи, особенно из-за политики Луи-Наполеона в отношении Италии (французский корпус обеспечивал сохранение светской власти папы над Романьей). Однако бонапартисты не принадлежали к клерикальной партии.

⁶⁷ Обскурантизмом во Франции нового времени называли непримиримую политику католической церкви, направленную против рационализма, вольнодумства и либерализма, поскольку она шла вразрез с просвещением, делала уделом верующих темноту, невежество и покорность.

Францию от демократической республики, объективно делала его заложником клерикалов.

* * *

Начало обоих министерств де Брольи совпало с обострением религиозного вопроса. Первый раз — в пору религиозной экзальтации, захватившей и значительную часть депутатского корпуса, в котором большинство составляли католики, если не клерикалы. Приход к власти первого правительства “морального порядка” во главе с де Брольи, 25 мая 1873 г., стал сигналом к клерикальному наступлению. 27—28 мая состоялось массовое паломничество около 20 тысяч католиков во главе с полусотней депутатов в Нотр-Дам де Шартр, вслед за чем 50 депутатов направили верно-подданническое письмо папе Пию IX. Ответ папы осуждал “все зло мира”, которое “пришло от тех, кто в конце последнего века принес ужасы нового права”⁶⁸. Де Брольи был чужд религиозной экзальтации. Его стремления были направлены на примирение церкви с либеральным обществом. Однако он пришел к власти под лозунгом “морального порядка”, и поэтому его место — в консервативном лагере. Он заявляет в правительственной декларации: “...С божьей помощью... и при поддержке честных людей мы продолжим дело освобождения территории и восстановления морального порядка”⁶⁹.

Клерикальная риторика, к которой прибегает де Брольи в мае 1873 г., в дни обострения религиозного противостояния республике, не случайна и показательна. Она свидетельствует о выборе лагеря больше, чем любые конкретные заявления. В те же дни легитимист и ярый клерикал, депутат барон де Белькастель перед огромной толпой, собравшейся у церкви Паре-ле-Моньяль (центр почитания Святого Сердца), обращаясь к “Святейшему Сердцу Христову”, призывает его “царить над Францией всемогуществом Вашей милости и Вашей святой любви”⁷⁰. Обращение к божьей помощи в речи де Брольи — главы правительства Республики демонстрирует, на чьей он стороне. В то же время либеральный герцог был против крайностей клерикализма. Обновляя свой кабинет в ноябре 1873 г., после того как летнее наступление клерикалов своим размахом напугало крестьянство, вызвав страх возвращения Старого порядка, он заменяет министра образова-

⁶⁸ См. об этом: *Chasteney J. Cent ans de la République*. P.199.

⁶⁹ *Ibid.* P. 196. (Курсив мой. — Е.О.)

⁷⁰ *Ibid.* P. 197.

ния из легитимистов представителем бонапартистов, которые считались антиклерикалами.

Второй раз де Брольи был призван президентом Мак-Магоном возглавить министерство в 1877 г. Поводом для возвращения к политике “морального порядка” стал конфликт, спровоцированный обращением папы к французскому президенту, верному католику. Папа просит у Франции поддержки в борьбе против либерального большинства депутатов итальянского парламента, принявшего резолюцию об “осуждении духовенства” в ответ на ультрамонтанские претензии и антипарламентские призывы римской курии. Обращение папы вызывает бурю возмущения большинства Национального собрания Франции, которое тогда уже было антиклерикальным и республиканским. Хотя де Брольи не был серьезно замешан в религиозный конфликт и, более того, был убежденным сторонником галликанизма, отвергавшего вмешательство Рима во французскую политику, он соглашается возглавить правительство. Целью двух герцогов (де Брольи и Мак-Магона, герцога де Мажента) был роспуск Национального собрания в надежде ослабить политические позиции республиканцев.

Последние обозначили свою антиклерикальную позицию предельно четко, объявив войну клерикально-монархической партии, но отмежевываясь от атеистической непримиримости времен Дехристианизации⁷¹. В своей программной речи 1877 г. “Клерикализм — вот враг!” Гамбетта разъясняет, что антиклерикальная борьба республиканцев не направлена против религиозной свободы: “Когда мы говорим о клерикальной партии, мы не касаемся ни религии, ни искренних католиков, ни национального духовенства. Мы хотим лишь вернуть духовенство в церковь, не позволить, чтобы кафедра превращали в политическую трибуну, заставить уважать свободу избирателя, обеспечить *свободную игру политических мнений*, у которых нет ничего общего с клерикальными вопросами, строгое соблюдение законов, принятых для защиты наших *свобод и духовной независимости*”⁷². В итоге именно этот, в сущности либеральный, но отстаиваемый теперь республиканцами принцип уважения свободы совести стал осново-

⁷¹ Дехристианизация — антирелигиозная политика революционного якобинского правительства, провозглашенная осенью 1793 г. под лозунгами рационализма и атеизма. Речь шла о полном запрете христианского богослужения, а в дальнейшем — и всех проявлений христианского культа на территории республики. Позже эксцессы этой террористической политики осудил сам Робеспьер, казнивший весной II года (1794) наиболее активных проводников и инициаторов Дехристианизации. Клерикалы в борьбе против идеи светского государства вызывали призыв Дехристианизации, апеллируя к религиозным чувствам верующих.

⁷² Discours et playdoyers de L. Gambetta. P. XXVI. (Курсив мой. — Е. О.)

полагающим в светской республике в результате проведения серии антиклерикальных законов конца XIX — начала XX в.⁷³

Что касается орлеанистов де Брольи, их косвенная связь с аристократическо-клерикальной реакцией решила их политическую судьбу. Поскольку раскол между двумя Франциями — Францией обновленческой и Францией традиций — происходил именно по религиозному вопросу, двойственность позиции либералов-орлеанистов в этом споре старой и новой Франций и крайняя непримиримость самого этого спора не оставляли им возможности найти прочных союзников в общенациональном конфликте. Следовательно, они не могли надеяться на лидерство ни в одном из враждующих лагерей. Ф. Фюре писал по этому поводу: “Не разделяя ни одной из роялистских страстей (религиозных или политических), орлеанисты никогда не смогут прийти к главному соглашению с правыми; поскольку они не последовали за Тьером в его открытости республиканской идее, у них нет поля для маневра слева”⁷⁴. Естественно, что в условиях всеобщего избирательного права, когда исход политической борьбы зависел от массового электората, либералам-орлеанистам угрожала потеря влияния на главном поле их деятельности — в депутатском корпусе. Д. Алеви в “Конце нотаблей” так объяснил политическое поражение орлеанизма в лице де Брольи: “Герцог Брольи не имел личного контакта ни с одной из различных семей французского народа. Существовал республиканский народ. Брольи его сурово осуждал. Был народ бонапартистский. Брольи его презирал. Был в сельских районах Запада, в Провансе народ легитимистский. Брольи не был легитимистом. Нигде не существовало ничего, что можно было бы назвать орлеанистским народом, а Брольи был орлеанистом”⁷⁵. Алеви этим образным высказыванием выделяет одну из главных причин исчезновения орлеанизма как целостного идейно-политического течения, своего рода партии, объединявшей французских либералов на протяжении нескольких десятилетий XIX века, с конца 20-х годов. Это потеря орлеанистами опоры в избирательном корпусе.

Они проиграли в борьбе за избирателя, поскольку острота конфликта не благоприятствовала симпатиям к их невнятной, половинчатой позиции практически по всем важнейшим общенациональным вопросам. Сельская Франция, в которой прежде были сильны позиции либеральных нотаблей, усмотрев в союзе монархистов с Ватиканом опасность возврата к Старому порядку, переходит на республиканские позиции. Родившаяся в годы про-

⁷³ См. выше — о секуляризации государства и образования.

⁷⁴ Furet F. La Révolution. P. 498.

⁷⁵ Halévy D. La fin des notables. P., 1934. P. 134.

мышленного подъема предпринимательская буржуазия не прощает орлеанистам их стремления с элитизму и аристократических пристрастий. В то же время либерал де Брольи не мог рассчитывать на электорат легитимистов.

* * *

Орлеанисты не смогли добиться ведущего места в новой республике, упустив идейную инициативу в ключевых спорах своего времени. Новый политический порядок также был утвержден во многом вопреки их замыслам. Однако конечное республиканское здание было плодом синтеза либеральной мысли и демократических стремлений, хотя в этом была заслуга не либералов, а республиканцев-демократов, поскольку республиканцы “перехватили” и развили идею прав и свобод личности, в то время как на долю орлеанистов, пребывавших во власти в драматические годы рождения новой республики, выпала задача утверждения консервативного порядка, служащего преодолению революции. Реализация этой задачи обнажила возможно не существенные, но специфические черты либеральной партии орлеанистов — ее аристократические корни, элитизм и династические привязанности, отеснив на второй план черты, составлявшие собственно либеральную идентичность — защиту прав и свобод личности и стремление к общественному обновлению на рациональных началах. Могущественная партия антидеспотической оппозиции времен Второй империи, либералы-орлеанисты, превратилась в консервативную силу, ослабленную внутренним расколом, лишившуюся союзников слева, в бледного попутчика клерикально-монархической реакции, сблизившегося с последней не из-за идеологических пристрастий, а следуя логике борьбы за власть, против наступления демократии.

Политический конец либерального орлеанизма не означал поражения либеральной идеологии. На ее вездесущность указывают многие качества нового общественно-политического устройства Третьей республики. Известный французский историк С.Берстайн как-то в разговоре заметил, что если во Франции времен Третьей республики не сложилось сильной исполнительной власти, то это оттого, что подавляющее большинство политического класса в ней не нуждалось⁷⁶, исповедуя либеральное представление о “государстве-гаранте”, “ночном стороже”, не вмешивающемся в частные дела граждан.

⁷⁶ Архив автора.

Осколки политического и идейного наследия либералов-орлеанистов впоследствии можно найти в ведущих политических объединениях, образованных в начале XX века. Республиканская федерация унаследовала консервативную приверженность “моральному порядку” де Брольи, но в сочетании с активным национализмом и враждебностью светскому государству. Подобно орлеанистам, она примирилась с республикой только благодаря институту Сената, способного сковать власть всеобщего голосования. Республиканско-демократический альянс, близкий к правым кругам предпринимательской буржуазии, с большим основанием можно было бы назвать либеральной партией, приверженной медленной и осторожной социальной эволюции, щадящей мир мелких хозяев — основу французского общества, однако бескомпромиссная приверженность республике делает ее сомнительным наследником орлеанизма⁷⁶. Не случайно в названии партии нет и намек на возможную преемственность. Идеологи Республиканской партии радикалов и радикал-социалистов называли себя “социальными либералами”, а на деле были радикальными наследниками Гамбетты с его демократизмом и антиклерикализмом. Они отвергали одновременно и борьбу классов и чистый либерализм, настаивая на вмешательстве государства в распределение общественного богатства на стороне слабых⁷⁷. Единственным политическим объединением начала XX века, назвавшимся либеральным, стало Либеральное народное действие, отстаивавшее либеральную республику, административную децентрализацию, свободу культов и образования и социальную политику на базе профессиональных ассоциаций в духе д’Оссонвиля. Однако основу ее идентичности составляло объединение католиков, принявших республику, что не исчерпывало главных характеристик орлеанизма, хотя определяло схожесть положения в политической системе: Либеральное народное действие, так же как прежде орлеанисты, вызывало у республиканцев подозрения в скрытом клерикализме и неприятие в клерикальном лагере из-за уступок в пользу республики⁷⁸.

Можно предположить, что это дробление либерального наследия и даже то, что имя либерализма не удержалось на авансцене французской политики, является следствием неоспоримости либеральных достижений — укоренения понятия прав и свобод личности в национальном гражданском сознании и в законодательстве. Социально-политические потрясения XIX века сделали

⁷⁶ Remond R. Les droites en France. P., 1982.

⁷⁷ См.: Канинская Г.Н. Радикалы и радикализм в послевоенной Франции. М., 1999. С. 4.

⁷⁸ Bernstein S., Milza P. Histoire de la France au XX-e siècle. P., 1995. P. 38.

притягательным в глазах французов либеральный стиль поведения — апелляцию к закону, состязательность в отстаивании политических и экономических интересов, приверженность к эволюционному развитию в противовес революционному насилию. Но либерализм не мог быть знаменем, способным сплотить массы избирателей. В последней трети XIX века антитеза либерал—консерватор (реакционер) во Франции “не работала”. К консерваторам, противостоящим республиканцам-антиклерикалам, относили и легитимистов, и орлеанистов (да они и сами так себя называли). Либералы перестали быть одним из ключевых понятий общественной антитезы, поскольку они не предлагали принципиального решения ни одного из острых вопросов, расколовших Францию. Дальнейшая борьба за общественное обновление, за гарантии прав личности, как показало, в частности, дело Дрейфуса, шла под флагом укрепления демократии и республики, но ни то, ни другое не было страстью французских либералов.

ФРАНЦУЗСКИЕ ЛИБЕРАЛЫ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

Изучение либерализма XX в. — непростое дело. По справедливому замечанию французского политолога Н. Русолье, никакое другое политическое течение не испытывало столько сложностей из-за семантических затруднений (экономический или политический либерализм), из-за ассоциации идей (либерализм — центризм, модернизм — “золотая середина”) или из-за схожести его политических организаций (от партии радикалов и группы Демократический Альянс времен III Республики до Союза за французскую демократию В. Жискара д’Эстена)¹.

В первой половине XX в. идеи либерализма наиболее последовательно отстаивали группировки “умеренных”, в первую очередь Демократический Альянс и Республиканская федерация.

Возникший в 1901 г. Демократический Альянс именовал себя сторонником “либеральной, демократической, антиэтатистской... светской республики” и в своей деятельности исходил из принципа “ни реакции, ни революции”². Политические заявления лидеров Демократического Альянса (Р. Пуанкаре, Л. Барту, позже — П. Рейно, П. Фландена и др.) включали, прежде всего, требования защиты “принципов 89 года”, всеобщего избирательного права и демократии. Не возражая против отделения школы от церкви, а церкви от государства, Демократический Альянс оговаривал, что осуждает монополию государственного образования и является защитником частных религиозных школ. В социальной области, допуская возможность проведения ряда реформ как способа примирения классов и установления социального мира, лидеры Демократического Альянса предупреждали об опасностях этатизма — “первого шага к коммунизму”³. Под “этатиз-

¹ Dictionnaire historique de la vie politique française. P., 1995. P. 585—586.

² О Демократическом Альянсе см. подробнее: Ibid. P. 49—53; Siegfried A. Tableau des partis en France. P., 1930; Bert E. La politique et les partis. P., 1932; Histoire des droites en France. P., 1992. V. 1—3.

³ Le Temps. 1932. 20 mars.

мом” умеренные тогда понимали любое государственное вмешательство в экономику и социальную сферу, особенно различные проекты национализации предприятий и попытки применения планового начала в организации производства. Поскольку таких реформ в 20-е годы требовали левые партии, умеренные и их главный рупор — крупнейшая газета правого толка “Тан” видели в этатизме “предвестника социализма”⁴.

В экономической области Демократический Альянс в духе классического либерализма высказывался против государственного вмешательства в хозяйственную жизнь, за развитие частного предпринимательства, рыночных отношений, бюджетное равновесие и “дешевое государство”. Хотя руководители Демократического Альянса, в первую очередь Фланден, иногда называли себя “левыми республиканцами”, пытаясь привлечь на свою сторону электорат партии радикалов, эта политическая группировка умеренных прочно заняла место правого центра⁵. Демократический Альянс представлял интересы части крупной промышленной и торговой буржуазии, предпринимательских союзов. Вплоть до начала 30-х годов он являлся осью всех правоцентристских правительственных коалиций, в том числе Национального блока (1919—1924 гг.) и Национального единения (1926—1929 гг.), руководимых лидером Демократического Альянса — Р.Пуанкаре.

Другим крупным политическим объединением умеренных либерального толка являлась Республиканская федерация, расположенная на политической сцене несколько “правее” Демократического Альянса. Ее основные программные положения⁶ включали защиту демократии и “принципов 89 года”, свободу предпринимательства, невмешательство государства в экономическую жизнь. Республиканская федерация объявляла себя “принципиально антиэтатистской” партией⁷. Ей был свойственен социальный консерватизм и нежелание пойти даже на незначительные уступки трудящимся. Первое десятилетие XX в. Республиканская федерация требовала упразднить “светские законы”, отделявшие церковь от государства и от школы, и высказывалась за предоставление государственных субсидий частным, т.е. религиозным школам. Она выступала за увеличение государственных расходов на военные нужды. Основатель Республиканской федерации О. Изаак, а затем ее наиболее известный лидер — Л. Марэн пытались превратить ее в крупную политическую силу,

⁴ Ibid. 1932. 5 févr.

⁵ См.: *Histoire des droites en France*. P., 1992. V.1. P. 548.

⁶ О Республиканской федерации см. подробнее: Ibid. P. 371—373; *Siegfried A. Op. cit.*; *Berl E. Op. cit.*; *Histoire des droites en France*. P., 1992. V. 1—3.

⁷ *Siegfried A. Op. cit.*; P. 182—184.

способную конкурировать с Демократическим Альянсом и противостоять “левой опасности” со стороны возникшей в начале XX в. Социалистической партии (СФИО), а затем Коммунистической партии (ФКП). Республиканская федерация представляла в первую очередь интересы французской финансово-промышленной олигархии, верхушки католической церкви и военных кругов.

Обе группировки умеренных имели много общего. По известной классификации французского политолога Дюверже⁸, Республиканская федерация и Демократический Альянс относились к “партиям кадров”, деятельность которых оживлялась лишь в периоды избирательных кампаний. Группировки умеренных не имели официальных партийных программ и уставов; у них отсутствовала дисциплина голосования в парламенте. Обе они защищали принципы политического либерализма: гражданские права и демократию⁹. Под гражданскими правами умеренные подразумевали права человека не подвергаться насилию, пользоваться свободой слова, печати, перемещения, создания ассоциаций и др. Демократию они отождествляли с правом участвовать в выборах на основе всеобщего голосования. Защита республиканских завоеваний и парламентаризма, который для умеренных был неразрывно связан с всеобщим избирательным правом, сочеталась с требованием провести “реформу государства”, чтобы укрепить исполнительную власть и создать “сильное, стабильное правительство”¹⁰. Позиции Демократического Альянса и Республиканской федерации оказались схожими и в “школьном вопросе”, ибо обе группировки осуждали “государственную монополию в воспитании нового поколения”¹¹.

Экономический либерализм умеренных проявлялся в защите частного предпринимательства и частной инициативы, неприкосновенности собственности, отрицания целесообразности государственного вмешательства в экономику. Правда, первая мировая война внесла некоторую корректировку в представления либералов о роли государства в экономической жизни общества, прежде всего в связи с военными потребностями. В годы войны умеренные не возражали против государственного распределения сырья, заказов, рабочей силы; против строительства государственных военных заводов и национализации части железных дорог. Однако создание системы военно-государственного регулирования экономики умеренные рассматривали как временные меры, вызванные войной.

⁸ *Duverger M. Les partis politiques. P., 1951. P. 84—85.*

⁹ *См. Nouvelle histoire des idées politiques. P., 1987. P. 575—578.*

¹⁰ *Le Temps. 1932. 7 avr.*

¹¹ *Ibid. 1932. 8 avr.*

После окончания войны государственное вмешательство не исчезло. Государство продолжало контролировать часть железных дорог и военных заводов, сохраняло монополию на общественные службы, принимало самое активное участие в ликвидации военных разрушений и восстановлении промышленных предприятий, предоставляло крупные субсидии и заказы монополиям¹².

Проблема роли государства и его функций в современных условиях превратилась в важную тему идейно-политических дискуссий. Наиболее динамичные фракции буржуазии, представляемые группой одного из лидеров Демократического Альянса, А. Тардьё, стремились обновить и модернизировать французскую политэкономическую мысль¹³. Они отрицали старые догмы экономического либерализма и предлагали активизировать государственное вмешательство в хозяйственную жизнь. Однако подавляющая часть умеренных по-прежнему отстаивала неизбежность экономических постулатов либеральной доктрины.

* * *

Мировой экономический кризис 1929—1932 гг. привел к усилению государственного вмешательства в социально-экономическую область. Отдельные представители правящего класса стали осознавать, что политика государственного регулирования экономики носила не временный характер, связанный с кризисом, а была рассчитана на более длительный исторический период. При этом они продолжали резко отрицательно относиться к “этатизму”¹⁴.

Большинство умеренных, в первую очередь лидеры Республиканской федерации, пытались максимально ограничить государственное регулирование экономики. Признав право государства на вмешательство в “исключительных условиях” затяжного экономического кризиса, они стремились свести его к минимуму, “не дать ему превратиться в систематический этатизм”, пойти по пути “парализующего и разрушительного интервенционизма”¹⁵. Умеренные предлагали бороться с кризисом путем оздоровления

¹² См. подробнее: *Перович М.М.* Государственно-монополистический капитализм во Франции. Киев, 1969.

¹³ См. подробнее: *Ставила И.М.* Внутренняя политика правого блока и борьба партий во Франции (1929—1932 гг.) Дисс. на соиск. ученой степени к.и.н. М., 1987.

¹⁴ См., например, выступление г. Жермен-Мартэна, министра финансов в правительстве Тардьё: *Le Temps*. 1930. 1 juin.

¹⁵ *Le Temps*. 1930. 6 mars; 1931. 1 juin.

финансов за счет бюджетной дефляции — сокращения расходов главным образом на социальные нужды и содержание государственных служащих¹⁶.

В условиях кризиса и обострившейся классовой борьбы особенно большое значение приобрели социальные вопросы. В 20-е годы французское социальное законодательство существенно отставало от других стран. Во Франции отсутствовала общенациональная, государственная система социального страхования, и ее введения энергично требовали профсоюзы и другие левые силы. В среде умеренных велись горячие споры о возможности и целесообразности создания системы государственного страхования. Они особенно усилились, когда весной 1928 г. Палата депутатов приняла закон о социальном страховании, который должен был вступить в силу в феврале 1930 г. По мнению его противников, главным образом членов Республиканской федерации, но и части Демократического Альянса, появление закона о социальном страховании, который заставит предпринимателей платить обязательный страховой взнос, “нарушит принцип свободного размещения доходов, а значит и принцип собственности”. Они предрекали, что “чрезмерное бремя” социального страхования превратится в “смертельную угрозу” для национальной экономики¹⁷. Защитниками системы социального страхования в среде умеренных стали видные государственные деятели, члены Демократического Альянса — председатель Совета министров Франции А. Тардье и министр финансов в его кабинете П. Рейно. В своей правительственной программе, оглашенной в ноябре 1929 г.¹⁸, Тардье уделил большое место роли государства в экономическом развитии страны в рамках предложенной им “политики национального оснащения”. Учитывая снижение жизненного уровня, “особенно менее имущего класса”, он пообещал “как можно быстрее” ввести в действие закон о социальном страховании.

Сторонники Тардье полагали, что современное государство обязано взять на себя часть ответственности за риск и негативные стороны быстро развивающегося “индустриального общества”, а предприниматели — часть расходов на социальные нужды. При этом лидеры Демократического Альянса подчеркивали вынужденный характер социальных законов и невозможность для государства идти на дальнейшие “безумные расходы”¹⁹. Тем не

¹⁶ Ibid. 1932. 7, 17 avr.

¹⁷ Ibid. 1930. 23 janv.

¹⁸ Ibid. 1929. 8 nov.

¹⁹ Ibid. 1932. 8 avr.

менее, это был отход от традиционных постулатов экономического либерализма, чуждого идее государственной деятельности в социально-экономической сфере.

Расхождения среди умеренных по социально-экономическим вопросам свидетельствовали о появлении в их лагере двух тенденций: либерально-реформистской и консервативной. В политической области также наметились некоторые новые тенденции. Отступая от классического парламентаризма конца XIX в., умеренные требовали “ревизии конституции” с целью усилить исполнительную власть. Они предлагали ограничить prerogatives парламента и сократить число его депутатов; осуществить на практике право президента распускать Палату депутатов и назначать новые выборы; запретить государственным служащим вступать в профсоюзы и устраивать забастовки²⁰.

Объединял умеренных антисоветизм и антикоммунизм. Несмотря на заявления о терпимости к “чужим порядкам и идеям” (“моральный либерализм” по терминологии французского социолога Кольма)²¹, умеренные резко отрицательно оценивали деятельность ФКП и советского правительства. Они характеризовали ФКП как антинациональную организацию, которая пытается “организовать восстание против государства” и “развязать гражданскую войну”, ведет “шпионскую деятельность в пользу Советов”. Советский Союз они обвиняли в “кровавой диктатуре” и “полном попрании человеческой личности”²².

В целом, межвоенный период можно охарактеризовать как время политического расцвета либеральных группировок. В это же время проявились первые различия в подходах умеренных к определению роли государства в экономическом развитии общества, хотя по-прежнему все либералы рассматривали этатизм как “главное препятствие” для “естественного функционирования рыночного механизма капиталистической экономики”²³. В социальном вопросе также наметился отход от традиционных постулатов классического либерализма в сторону социального либерализма. Частью умеренных допускалось вмешательство государства в социальную область как вынужденная мера, целью которой являлось смягчение классовых противоречий и постепенная интеграция рабочих в буржуазное общество.

Эволюция взглядов французских либералов, наблюдавшаяся в конце 20-х — 30-е годы, была прервана второй мировой войной,

²⁰ См., например: *Le Temps*. 1932. 8, 29 avr.

²¹ См.: *Nouvelle histoire des idées politiques*. P. 578.

²² *Le Temps*. 1929. 18 juillet; 1918. 31 déc., 8 nov.; 1927. 9 déc.

²³ *Ibid.* 1931. 6 nov., 28 déc.

которая внесла существенные изменения во многие традиционные представления, образ жизни и политические пристрастия французов.

* * *

Вторая мировая война резко изменила положение французских либералов. После немецкой оккупации Франции летом 1940 г. их организации фактически распались, а многие политические лидеры умеренных поддерживали сотрудничавший с оккупантами режим Виши и его главу — маршала Петэна. 10 июля 1940 г. депутаты Республиканской федерации почти единодушно высказались за предоставление всей полноты власти Петэну, хотя наиболее известный их лидер Марэн не скрывал своей враждебности к вишистскому режиму²⁴. Виднейший руководитель Демократического Альянса Фланден, наоборот, стал министром в правительстве Виши. И хотя часть умеренных отказалась от сотрудничества с Виши и потом их представители — А.Мюттер от Республиканской Федерации и Ж.Ланьель от Демократического Альянса — даже входили в Национальный Совет Сопротивления, их участие в Сопротивлении было невелико.

После освобождения страны умеренные оказались в полной растерянности: их позиции были серьезно поколеблены сотрудничеством с правительством Виши, партийные структуры распались, многие известные лидеры подвергнуты судебному преследованию за сотрудничество с оккупантами. В глазах общественного мнения умеренные выглядели главными виновниками поражения Франции в 1940 г. и вынуждены были нести ответственность за участие в правительстве Виши и неучастие в движении Сопротивления. По словам крупного французского политолога Р. Ремона, в 1945 г. они были “отвергнуты избирателями, покинуты своими бывшими сторонниками, оттеснены от власти; казалось, им больше нечего ждать от будущего”²⁵. Произошла серьезная дискредитация идейно-политических основ правоцентристских партий: их идеалов, политической традиции, идейных установок. “Старые — на свалку!” — подобные лозунги звучали в 1945 г. на одном из собраний новой политической партии Народно-Республиканское движение (МРП), требовавшей объединить «все прогрессивные силы против попыток “ретроградов” повернуть вспять историю»²⁶ (речь шла о полуразва-

²⁴ См. подробнее: *Ferro M. Pétain. P.*, 1987. P. 150.

²⁵ *Rémond R. La droite en France de la Première Restauration à la V République.* P., 1968. V. 2. P. 239.

²⁶ Archives du MRP. MRPS 36. Elections législatives. Dossier 1.

лившихся группировках Демократического Альянса и Республиканской федерации. — *Н.Н.*)

В освобожденной Франции, жаждавшей политических перемен и широких социально-экономических реформ, где у власти находилась левоцентристская трехпартийная коалиция (ФКП, соцпартия, МРП и голлисты), выдвигавшая лозунги политического и социального переустройства общества, в котором большая роль отводилась государству, “традиционным правым” не было места. Складывалось впечатление, что “предвоенные правые партии... умирали”, а вместе с ними и их либеральная традиция²⁷.

Следуя основным положениям программы НСС, трехпартийная коалиция и глава Временного правительства генерал де Голль намеревались наказать вишистских преступников и их сообщников, национализировать крупные предприятия, банки и даже некоторые отрасли промышленности, ввести широкую систему социального обеспечения. Все эти правительственные мероприятия шли вразрез с либеральными установками “традиционных правых”.

Умеренные попытались интегрироваться в изменившуюся, пугающую своим “радикализмом” действительность. Но рассчитывать на поддержку избирателей в послевоенной Франции могли лишь те партии, которые открыто высказывались за перемены. Умеренные же оказались неспособными адаптироваться к условиям нового морально-психологического и политического климата в стране. Все их усилия воссоздать или, может быть, объединить Демократический Альянс и Республиканскую федерацию не дали желаемых результатов²⁸.

Итоги муниципальных выборов весны 1945 г. оказались для них столь катастрофическими (в 1935 г. Демократический Альянс и Республиканская федерация контролировали 51 % коммун, а в 1945 г. — только 11,5 %) ²⁹, что становилось ясно: умеренным необходимо создать новые, “обновленные”, по словам А. Мюттера, политические формирования, во главе которых стояли бы лидеры, известные своим участием в движении Сопротивления; сделать более привлекательными для избирателей идейные установки, не отказываясь от главных постулатов либеральной доктрины³⁰. И хотя Демократический Альянс и Республиканская федерация официально еще продолжали существовать и даже участ-

²⁷ *Richard G.* Le Centre national des indépendants et paysans de 1948 à 1962, ou l'échec de l'union des droites françaises dans le parti des modérés. P., 1998. P. 24.

²⁸ Подробнее см.: *Histoire des droites en France...* P. 342—343.

²⁹ *L'Année politique, 1944-1945.* P., 1946. P. 203.

³⁰ См. *Mutter A.* Les idées essentielles du PRL. P., 1946. P. 4.

вовали в выборах, в 1945—1946 гг. на их обломках возникли сразу три новые организации умеренных: Республиканская партия свободы (ПРЛ), Крестьянская партия и движение “независимых республиканцев”.

* * *

Наиболее представительной и влиятельной организацией умеренных в первые послевоенные годы являлась ПРЛ, образованная в декабре 1945 г. бывшими членами Демократического Альянса Ж. Ланьелем и А. Мюттером. Она претендовала на роль “четвертой крупной партии Франции” после политических объединений, входивших в трехпартийную коалицию, — ФКП, соципартии и МРП.

Своей главной целью ПРЛ объявила “борьбу с господством трипартизма” и “защиту экономического либерализма”³¹. В соответствии с либеральной традицией ПРЛ выступала за “соблюдение всех свобод”, всеобщее избирательное право, сильную исполнительную власть, “индивидуализм”, “защиту частной собственности” и антидирижизм. Она резко критиковала “тотальный дирижизм в экономике, который неизбежно приведет к дирижизму в политике... а потом и к новой диктатуре”. Государству программа ПРЛ отводила традиционную, с точки зрения сторонников экономического либерализма, роль “ночного сторожа”: “наблюдать, дополнять, согласовывать, предусматривать, информировать, но никогда не управлять”. По мнению лидеров ПРЛ, “государственное управление не способствует ни развитию, ни увеличению производительности труда”. Однако ПРЛ допускала одно “исключение из правил”, позволявшее государству вмешиваться в экономику, а именно — “отсутствие частной инициативы”, т.е. те случаи, когда частные предприниматели не проявляли заинтересованности в развитии тех или иных отраслей промышленности. Это могли быть дорогостоящие, не всегда рентабельные предприятия. Несколькими годами спустя Ланьель открыто заявил об изменившемся отношении либералов к роли государства в экономической жизни: “Классический либерализм не позволял государству вмешиваться в экономику. Сейчас обстоятельства стали другими, и мы призываем к неолиберализму”³², который признает позитивную роль государства в экономике.

³¹ Цели ПРЛ изложены по ее программе: *Le Programme du PRL*. P., 1946. P. 1—41.

³² *L'Echo républicain de la liberté*. 1950. Juillet.

Осуждая политику национализации, проводимую трехпартийной коалицией, ПРЛ требовала вернуться к “нормальной экономике, основанной на рыночном механизме саморегулирования”, в которой должны существовать не “тресты”, а предприятия средних размеров как наиболее доходные. По мнению ПРЛ, именно национализация привела к “образованию чудовищных трестов-гигантов” в государстве и к “грабежу мелких акционерных предприятий”.

Программа ПРЛ предлагала организовать “ассоциацию труда и капитала”, призванную сгладить классовые конфликты, требовала государственного финансирования частных школ, выдвигала семью в качестве основной ячейки общества. Пропаганда защиты “старых моральных устоев” и “гражданственности” была обращена в первую очередь к средним слоям.

Вопреки устоявшейся практике умеренных периода III Республики ПРЛ ввела систему оформленного членства, приняла Устав, но так и не сумела превратиться в крупную политическую партию, хотя и французская пресса 40-х годов, и французские историки справедливо называли ее “самой солидной организацией традиционных правых”³³.

Две другие новые группировки умеренных — Крестьянская партия и “независимые республиканцы” — действовали независимо от ПРЛ, хотя в их программных установках было много общего: защита личности и политических свобод; приверженность к принципам демократии и парламентаризма; “свобода образования”, т.е. сосуществование государственных и частных школ и право их свободного выбора; резкая критика “административного и экономического дирижизма”, национализации и социального законодательства; требование снизить государственные расходы; антикоммунизм³⁴. Все три партии называли себя продолжателями либеральных традиций и последовательными борцами против “врага либеральной экономики — дирижизма”³⁵.

Попытку объединить силы умеренных в один крупный политический центр предпринял летом 1948 г. Р. Дюше, которого впоследствии французский историк Ж.-Л. Пиноль назвал “главным организатором послевоенной либеральной правой”³⁶. Основой центра стало малочисленное, но довольно известное своими лидерами — П. Рейно, А. Пинэ, Л. Марэн, Л. Жакино, Р. Коти — движение “независимых республиканцев”, образованное в 1946 г. из представителей Республиканской федерации, которая посте-

³³ Le Monde. 1946. 2 févr.; Histoire des droites en France P. 343.

³⁴ L'Année politique, 1946. P., 1947. P. 123.

³⁵ См., например: La Déclaration du Parti paysan de l'union sociale. P., 1946. P. 1.

³⁶ Histoire des droites en France P. 337; О создании СНИ см. подробнее: *Martinez G. Le Centre national des indépendants et paysans de 1948 à 1962.* P., 1994.

пенно сошла с политической сцены. Дюше дал своей организации и название — Национальный центр независимых (СНИ) — и заявил, что его главной целью является “объединение правых либеральной ориентации”³⁷. По словам П.Рейно, базовые принципы программы нового движения включали в себя “осуждение административного дирижизма с его двумя главными прислужниками — мошенничеством и коррупцией, а также требование реформы национализированных предприятий и системы социального страхования, которые злоупотребляют государственными средствами”³⁸. В январе 1949 г. СНИ принял Устав, а с 1950 г. начал издавать печатный орган — газету “Франс эндепандант” (“Независимая Франция”), чье появление многие французские ученые расценивают как свидетельство “возрождения либеральной силы”³⁹. С возникновением СНИ умеренных все чаще стали называть “независимыми”.

Из-за противоречий не принципиального, а, скорее, личного характера часть ПРЛ и Крестьянская партия вошли в СНИ только в 1951 г., незадолго до парламентских выборов 17 июня 1951 г., после чего СНИ был переименован в Национальный центр независимых и крестьян (СНИП). После окончания войны прошло семь лет, многие страсти поутихли, и новая “умеренная правая группировка... действовавшая в более благоприятных условиях... уверенно смотрела в будущее”⁴⁰. Это было связано в первую очередь с изменившейся международной и внутривнутриполитической обстановкой во Франции. В результате начавшейся “холодной войны” еще весной 1947 г. из французского правительства были исключены коммунисты, и во Франции произошел сдвиг вправо. Руководители коалиционных кабинетов, состоявших из социалистов, радикалов и членов МРП, стали приглашать на министерские посты представителей группировок умеренных, которые постепенно интегрировались в систему IV Республики. “Холодная война”, разгул антикоммунизма, колониальные проблемы, возникшие в связи с нараставшим национально-освободительным движением, отодвинули на задний план многие вопросы недавней истории, связанные с участием умеренных в правительстве Виши или поддержкой его, и сблизили все антикоммунистические силы от социалистов до умеренных. Накануне всеобщих выборов лета 1951 г. позиции объединенных “традиционных правых” выглядели довольно прочными, позволяя их лидерам надеяться на хорошие результаты.

³⁷ Duchet R. La république épinglée. P., 1975. P. 13.

³⁸ Цит. по: L'Année politique, 1949. P., 1950. P. 323.

³⁹ См., например: Histoire des droites en France... P. 358; Richard G. Op. cit. P. 91—120.

⁴⁰ Histoire des droites en France... P. 361.

На парламентских выборах 1951 г. СНИП выступал с традиционными для всех умеренных лозунгами, о которых уже не раз говорилось: “реформа Конституции” в сторону усиления исполнительной власти, “отход от политики национализации”, “приведение в порядок финансов”, “целесообразность политики экономического либерализма”, принцип “свободы образования”⁴¹. “Независимые” обещали “защищать свободу, демократию и мир”, преградить дорогу коммунизму, который, по их мнению, “неизбежно ведет к тоталитаризму” и “предает национальные интересы”⁴².

Главными избирателями СНИП являлись представители мелкой и средней буржуазии, а само политическое объединение, по словам известного специалиста по истории либеральной правой во Франции С. Гийом, “отождествлялось с французским средним классом, вновь взявшим на вооружение либеральную идеологию”⁴³. Именно в его интересах лидеры СНИП обещали проводить свою экономическую и социальную политику, “которая избавит средний класс от бюрократизации, убивающей свободное предпринимательство, и проведет фискальные реформы, освобождающие его от грабительских налогов”⁴⁴. Газета “Монд”, не отрицая поддержки СНИП средними слоями, отмечала также “значительный интерес французских деловых кругов” к его деятельности⁴⁵.

На парламентских выборах 1951 г. СНИП получил около 14 % голосов избирателей (для сравнения: ФКП — 26,5, соцпартия — 14,5, МРП — 12,8%)⁴⁶. Благодаря мажоритарной системе голосования он стал одной из главных политических сил Национального собрания и вошел в правоцентристскую коалицию, правившую во Франции в годы II легислатуры (1951—1955 гг.).

СНИП создавался как типичная “партия кадров”, или нотаблей. Однако, находясь в окружении массовых организаций как левого лагеря (соцпартия и ФКП), так и правого (голлистское Объединение французского народа и совершившая эволюцию вправо к началу 50-х гг. МРП), СНИП взял на вооружение некоторые характерные черты “партий масс” — оформленное членство, устав, программу, съезды. Вместе с тем в духе либеральной традиции “независимые” заявили, что отказываются от жесткой

⁴¹ France Indépendante. 1951. 19 mai, 2 juin.

⁴² Ibidem.

⁴³ Guillaume S. Le CNIP et les classes moyennes // Les “modérés” dans la vie politique française de 1870 à 1965. Colloque à Nancy. 1998. Novembre. P. 37.

⁴⁴ France Indépendante. 1954. 21 déc.

⁴⁵ Le Monde. 1951. 21 juin.

⁴⁶ Ibidem.

партийной дисциплины, обязательной деятельности в партийных ячейках, четкого соблюдения всех пунктов программы. Строгое следование партийным решениям, по словам генерального секретаря СНИП Дюше, не соответствовало “духу движения и пониманию индивидуального либерализма его членов”⁴⁷. Подобно либералам XIX в., “независимые” превыше всего ценили “автономность человеческой личности”, “свободу самовыражения и принятия решений”⁴⁸. Пожалуй, наиболее ярко эту мысль выразил один из лидеров “независимых”, А.Пинэ, в своем выступлении “Свобода на службе человека” на I съезде СНИП в 1954 г.: “Прежде всего и при любых обстоятельствах мы стремимся к уважению личности человека. Уважение личности — это уважение свободы, свободы самому строить свою жизнь и свою судьбу. Иными словами, это отказ от обезличивания человека”⁴⁹.

Таким образом, приверженность свободе самовыражения и разномыслию, лежащим в основе либерализма, оказала большое влияние на складывание организационной структуры СНИП, характеризовавшейся размытостью, аморфностью его строения, отсутствием единого лидера — вождя партии и дисциплины голосования, принуждавшей депутатов подчиняться воле руководителей. В СНИП никогда не было внутреннего единства, существовали разногласия по тактическим вопросам и в буквальном смысле слова склоки среди лидеров⁵⁰. Каждая из трех составляющих СНИП сохранила собственную депутатскую группу в Национальном Собрании.

“Независимые” считали себя хранителями либеральной традиции и отстаивали либеральные ценности. “Мы открыто заявляем о том, что мы либералы”; “мы должны защитить достоинство либерализма” — такие высказывания часто встречались на страницах “Франс эндепандант”⁵¹. Рассуждая о либерализме, “независимые” всегда отмечали, что “политический” либерализм должен сопровождаться “экономическим”⁵². И если основные положения политического либерализма СНИП — защита свободы и личности, неприкосновенность собственности, республиканизм, всеобщее избирательное право, демократия, как ее понимали еще умеренные времен III Республики — часто совпадали с постулатами политических доктрин других партий, то в экономической области взгляды “независимых” существенно отличались от экономи-

⁴⁷ France Indépendante. 1956. 5 févr.

⁴⁸ Ibid. 1951. 5 avr.

⁴⁹ Ibid. 1954. 21 déc.

⁵⁰ О разногласиях в СНИП подробнее см.: Histoire des droites en France... P. 359, 365.

⁵¹ France Indépendante. 1953. 31 janv.; 1955. 11 oct.

⁵² Ibid. 1953. 31 janv.

ческих программ политических объединений IV Республики (кроме, пожалуй, правого крыла партии радикалов), которые отстаивали идею государственного вмешательства в социально-экономическую жизнь.

Как истинные либералы “независимые” противопоставляли индивидуальную личность коллективу и полагали, что “история опирается более на талант отдельной личности, чем на коллективное действие”⁵³. Они делали ставку на частную инициативу и свободное предпринимательство, которое, по их мысли, невозможно без абсолютного права собственности. “Свобода, — полагал А. Пинэ, — нашла юридическое оформление в собственности”⁵⁴. Частная собственность являлась, таким образом, основой политической и экономической свободы. Именно поэтому программы левых партий — социалистической и особенно коммунистической, базирующиеся на идее коллективизма и общественной собственности, вызывали полное неприятие и резкую критику со стороны “независимых”. А. Пинэ говорил на I съезде СНИП, что “коммунизм — это, прежде всего, как по своим источникам, так и по своей истории, отрицание частной собственности и через это — отрицание свободы”⁵⁵, ведущее к тоталитаризму. “Наше осуждение любой формы тоталитаризма, — продолжил Пинэ, — вытекает из нашего желания защитить либерализм с человеческим лицом”⁵⁶.

Не надо забывать, что послевоенный французский либерализм развивался в эпоху “холодной войны”, наложившей на него свой отпечаток. Идеология “холодной войны” и ее главное детище — антикоммунизм захватили либералов с такой силой, что они приносили ей в жертву некоторые либеральные ценности. Вновь “моральный” либерализм пришел в противоречие с “политическим”: свобода слова и мнений, терпимость и плюрализм оказались неприменимы к коммунистам и всем тем, кто им симпатизировал. СНИП постоянно призывал к “непримиримой борьбе” с коммунистами, “врагами частной собственности, свободы, демократии”, а “независимый” Брюнель на I съезде СНИП даже потребовал “принять антикоммунистические законы”, например о запрещении продажи и распространения прессы ФКП⁵⁷.

Исходя из постулата “отрицание частной собственности есть отрицание свободы”, СНИП воспринимал и проводимую в первые послевоенные годы национализацию. “Независимые” утверждали, что она привела к “тотальному огосударствлению эконо-

⁵³ Ibid. 1954. 21 déc.

⁵⁴ Ibidem.

⁵⁵ Ibidem.

⁵⁶ Ibidem.

⁵⁷ Ibid. 1954. 14 déc.

мики... растущей инфляции и огромному бюджетному дефициту"⁵⁸, к грабежу акционеров мелких и средних предприятий и образованию трестов, подчинивших себе целые отрасли экономики⁵⁹. По мнению "независимых", национализация пагубна вдвойне: как "разрушитель частной инициативы — основы нормальной экономики" и как "неэффективная политика", ведущая к "чрезмерным государственным расходам" и "финансовому краху"⁶⁰. Во всех избирательных программах, в выступлениях с парламентской трибуны, в практической деятельности "независимые" выступали за "дешевое государство". В частности, они предлагали сократить число государственных чиновников, "висевших на шее у государства"⁶¹, которые обвинялись в безынициативности и бесхозяйственности.

Критика политики национализации — "чудовища дирижизма" — исходила также из другого главного положения экономического либерализма — принципа свободной конкуренции. Логика "независимых" заключалась в том, что здоровая конкуренция должна подтолкнуть предпринимателей к увеличению производства, которое, в свою очередь, повлечет за собой экономический рост. В отличие от дирижистов — сторонников государственного регулирования экономики и государственных капиталовложений "независимые" вслед за ПРЛ считали, что государство могло вмешиваться в экономику лишь при отсутствии частного интереса к развитию отдельных предприятий или даже целых отраслей промышленности, обычно дорогостоящих и нерентабельных. Государственное вмешательство, допускавшееся "независимыми", сводилось к тому, чтобы следить за деятельностью "финансовых и экономических монополий и за соблюдением ими законов свободной конкуренции"⁶². По мнению СНИП, "долг государства в первую очередь — сделать все, что зависит непосредственно от него: снизить непроизводительные затраты, бороться с чрезмерными инвестиционными кредитами, стремлением к роскоши и расточительством"⁶³. Только то государство, утверждали "независимые", является демократическим, которое гарантирует человеку свободу проявления его как индивида, что возможно лишь в условиях рыночной экономики: "Рыночная система исходит из естественных человеческих побуждений и укоренена в человеческой сущности. Любое государственное вмешательство, а тем бо-

⁵⁸ Ibid. 1951. 12 mai.

⁵⁹ Ibid. 1951. 26 mai.

⁶⁰ Ibid. 1951. 9 juin.

⁶¹ Ibid. 1951 2 juin.

⁶² Ibid. 1951. 9 juin.

⁶³ Tracts du CNIP//Archives du MRP. MRPS 36. Elections législatives. Dossier 3.

лее планирование предполагают постоянное навязывание и надзирательство, что противоречит свободе индивида”⁶⁴.

Разногласия между либералами и дирижистами по экономическим проблемам затрагивали и способы решения социальных вопросов. После окончания второй мировой войны система государственного регулирования в западноевропейских странах приобрела ярко выраженную социальную направленность, что существенно повлияло на весь комплекс общественных отношений. По справедливому замечанию отечественного политолога Ю. Борко, стало возможным “формирование в западноевропейских странах правительственных коалиций либерального и социал-демократического реформизма, создание институтов социального партнерства (труд — капитал) и трехстороннего сотрудничества (труд — капитал — государство)”⁶⁵.

В послевоенной Франции реформаторские функции взяла на себя сначала трехпартийная коалиция, действовавшая под руководством де Голля, а потом и без него. Даже самая “правая” партия трехпартийного блока МРП требовала активизации социальной политики государства и проведения крупномасштабных социально-экономических реформ (национализации, улучшения социального законодательства, расширения прав профсоюзов и др.), полагая, что они “сделают французскую демократию более истинной, чем в годы III Республики”⁶⁶. По мнению МРП, политические свободы должны были дополниться “реформами организации экономики и трудовых отношений”⁶⁷, что распространило бы демократию на экономическую и социальную жизнь.

Послевоенные либералы из группировок умеренных вкладывали в понятие демократии исключительно политический смысл. Однако “независимые”, признавая, что современное государство “не может не заниматься социальными проблемами”, отошли от классического либерализма. Правда, они выступали лишь за ограниченное вмешательство государства в социальные отношения и сокращение чрезмерных, по их мнению, расходов на социальную сферу, которые, как писала “Франс индепандант”, ведут к “излишнему расточительству” государственных средств, “влекут за собой инфляцию” и “давят на национальную экономику как гора свинца, ускользая при этом от всякого серьезного контроля”⁶⁸. Но “независимые” были вынуждены учитывать новые социально-экономические процессы, развернувшиеся в по-

⁶⁴ Ibidem.

⁶⁵ XXI век: Европейский Союз и СНГ. М., 1998. С. 66.

⁶⁶ *Rémond R. Notre siècle. 1918—1991. P., 1991. P. 364.*

⁶⁷ Ibidem.

⁶⁸ *France Indépendante. 1951. 9 juin.*

слевоенном мире, и изменения в социальной психологии масс. Они видели рост популярности тех партий, которые осуществили широкое социальное законодательство (коммунистов, социалистов, МРП, голлистов). В этих условиях, по признанию одного из лидеров либералов Ж. Ланьеля, было невозможно и не нужно "восстанавливать архаический либерализм III Республики"⁶⁹. Слова Ж. Ланьеля симптоматичны: "независимые" постепенно включают в свои программные документы социальные разделы, посвященные проблемам жизнедеятельности трудящихся, однако они неконкретны, их положения распылчатые, не проработаны. Например, на I съезде СНИП в 1954 г. "независимые" высказывались за "необходимость добиться более интенсивного строительства жилья, стабильности рабочих мест, гарантировать продвижение по службе и повышение оплаты труда"⁷⁰. Однако обещания трудящимся "лучшей жизни" не подкреплялись конкретной программой по их выполнению. Достаточно ясно звучат только две мысли: социальные реформы, если уж их приходится проводить, должны быть недорогими и способствовать установлению классового согласия и социального мира как в стране, так и на производстве.

Либеральные взгляды "независимых" проявились также в их подходе к "школьному вопросу". В программе СНИП, в выступлениях депутатов "независимых" в парламенте, в газетных статьях лейтмотивом звучала идея о "свободе образования", т.е. сосуществования частных религиозных и государственных школ. Когда в Национальном Собрании 10 сентября 1951 г. на голосование был поставлен законопроект депутата МРП Баранже о предоставлении государственных субсидий частным религиозным учебным заведениям, все "независимые" голосовали за него.

В системе образования "независимые" предполагали свести роль государства к минимуму. Оно должно лишь следить за тем, чтобы "уровень и характер образования соответствовал и двум главным национальным задачам: укреплению обороны страны и обеспечению достойной роли Франции среди других стран"⁷¹. Право выбора школы "независимые" считали "личным делом каждого" и предоставляли семье. "Свободный выбор школы — естественная прерогатива семьи. Мы считаем, что сосуществование публичного и частного образований совершенно необходимо"⁷², — говорил один из деятелей СНИП Р.Брюнель. Наличие частных школ представлялось "независимым" прочной гарантией

⁶⁹ L'Echo républicain de la Liberté. 1950. Juillet.

⁷⁰ France Indépendante. 1954. 21 déc.

⁷¹ Ibid. 1951. 9 juin.

⁷² Ibid. 1954. 14 déc.

против “монополии государства на образование, несовместимой с демократическим режимом”⁷³.

Во внешнеполитических вопросах “независимые” выступали за упрочение роли Франции на европейском континенте, резко критиковали СССР, утверждая, что он “представляет большую опасность всему человечеству, т.к. опирается на коммунистическую идеологию, в природе которой лежит захватническая политика”⁷⁴; требовали “сохранения своих [французских. — *Н.Н.*] владений” в колониях и призывали “осуществить репрессии против восставших африканцев” [в Алжире. — *Н.Н.*]⁷⁵. Колониализм и антисоветизм СНИП дополнялся атлантизмом — приверженностью американскому внешнеполитическому курсу и полной поддержкой деятельности НАТО. В США “независимые” видели “гаранта безопасности свободного мира”⁷⁶. СНИП приветствовал начало западноевропейской экономической интеграции в лице учрежденной в 1951 г. шестью странами Европейской организации угля и стали, рассматривая объединение Европы как возможность “сообща противостоять давлению Советского Союза”⁷⁷.

Однако, с точки зрения эволюции послевоенного либерализма, прежде всего интересны социально-экономические воззрения “независимых”. Еще до появления СНИП, во второй половине 40-х годов умеренные получили возможность дать бой “не оправдавшей себя модели экономического развития”⁷⁸, предложенной и осуществлявшейся трехпартийным блоком до его распада весной 1947 г. Речь идет о “либеральном повороте”⁷⁹ во французской экономической политике, происшедшем осенью 1947 г. Этот вопрос достаточно хорошо изучен французскими учеными, но практически совсем не освещен в отечественной историографии. Как уже отмечалось, в условиях обострения “холодной войны” на международной арене и классовой борьбы внутри страны⁸⁰ правительственная коалиция “третьей силы” (СФИО, радикалы, МРП) стала остро нуждаться в поддержке правоцентристских группировок. Чтобы “удержать радикалов и умеренных в правительственном большинстве, социалист Рамадье (председатель Совета министров. — *Н.Н.*) был вынужден отправить в от-

⁷³ Ibid. 1954. 21 déc.

⁷⁴ Ibid. 1955. 12 févr.

⁷⁵ Ibid. 1954. 21 déc.

⁷⁶ Ibid. 1954. 14 déc.

⁷⁷ Ibid. 1954. 21 déc.

⁷⁸ L’ECHO républicain de la Liberté. 1947. Décembre.

⁷⁹ Bernstein S., Milza P. Histoire de la France au XX siècle. P., 1995. P. 730.

⁸⁰ Речь идет о всеобщей стачке ноября—декабря 1947 г., организованной ВКТ и приведшей к серьезным столкновениям забастовщиков с полицией и даже войсками.

ставку двух наиболее дирижистски настроенных министров-социалистов А. Филипа (министерство экономики) и Танги-Прижана (министерство по делам сельского хозяйства)⁸¹. С этого момента вплоть до парламентских выборов 1951 г. министерство финансов постоянно находилось в руках сторонников либеральной ортодоксии: сначала правого радикала Мейера, затем — “независимых” Рейно и Петша, которые, по словам известных французских политологов С. Берстейна и П. Мильза, “успешно навязали стране возврат к рыночной экономике”⁸².

В течение 1948—1949 гг. произошел постепенный отход правительства от политики дирижизма, и стал осуществляться курс на возвращение к свободному рынку, либерализацию обмена, свертывание системы социального обеспечения, сокращение дотаций предприятиям государственного сектора и т.д.⁸³. Министры-либералы разработали реформу налоговой системы с увеличением налогов и тарифов, а также существенно ограничили государственные расходы путем ликвидации в 1948—1949 гг. 110 тыс. мест государственных служащих и уменьшения военных кредитов. Однако добиться ликвидации бюджетного дефицита им так и не удалось, хотя в конце 40-х годов во Франции закончился восстановительный этап, и в экономике намечилось некоторое оживление⁸⁴.

Проблемы бюджетного дефицита, непрекращающаяся инфляция, отставание экономического развития Франции по сравнению с другими европейскими странами вызвали в начале 50-х годов жаркие дебаты в Национальном Собрании. Либерально настроенные политики, в первую очередь “независимые”, считали, что только борьба с инфляцией и сокращение государственных расходов приведут к экономической стабилизации⁸⁵. Эту точку зрения разделял и лидер СНИП А. Пинэ, занявший в марте 1952 г. пост председателя Совета министров IV Республики и попытавшийся воплотить в жизнь либеральные идеи своего движения.

* * *

Как же, исходя из доктрины СНИП и заявлений его лидеров, можно охарактеризовать послевоенных “традиционных правых”, объединившихся в Национальный центр независимых и крестьян и открыто защищавших либеральные ценности?

⁸¹ *Berstein S., Milza P.* Op. cit. P. 688.

⁸² *Ibid.* P. 730.

⁸³ *Ibid.*; см. также: *L'Année politique*, 1948. P., 1949. P. 8—12.

⁸⁴ См.: *L'Annuaire statistique de la France*. P., 1961; 1966.

⁸⁵ *Journal officiel de la République Française. Débats parlementaires*. 1950. P., 1951.

Конечно же, либеральные взгляды СНИП отличались от социально-экономических схем умеренных группировок III Республики. Поэтому трудно согласиться с историком В.Н.Чернегой, утверждавшим, что “независимые” сохранили в неприкосновенности “принципы экономического либерализма” довоенных умеренных⁸⁶. В новых исторических условиях, когда роль государства неизмеримо возросла, “независимые”, оставаясь принципиальными сторонниками свободы предпринимательства и частной инициативы, все же признали возможность и даже целесообразность государственного вмешательства, когда оно шло на пользу частному бизнесу, например в случае передачи в управление государству дорогостоящих, нерентабельных предприятий или предоставления необходимых кредитов. СНИП поддержал и некоторые социальные реформы, но при этом подчеркивал, что выступает только за те преобразования, которые не требуют серьезных государственных затрат и ведут к установлению социального мира как на производстве, так и в масштабах всей страны.

“Независимые” называли себя то “убежденными либералами”⁸⁷ (слова А. Пинэ), то “традиционными либералами”⁸⁸, то “неолибералами”⁸⁹. Так кто же такие “независимые” по сравнению со своими предшественниками? Можно ли их охарактеризовать как неолибералов, исходя из заявлений лидеров СНИП о невозможности возвращения к “архаическому либерализму III Республики”, идейно-политических установок и практики государственного управления? Да, если учитывать отступления “независимых” от классических постулатов либерализма и новые условия, в которых развивался послевоенный либерализм. Нет, если сравнить, чего оказалось “больше”: отступлений или верности старым идеям. Одно безусловно — эпоха “классического либерализма” во Франции давно закончилась, XX век внес свои коррективы в это идейно-политическое течение, а “независимые” стали своеобразным связующим звеном между либералами III Республики и неолибералами V Республики.

⁸⁶ Чернега В.Н. Буржуазные партии в политической системе Франции. Третья-Пятая Республики. М., 1987. С. 77.

⁸⁷ Цит. по: *Richard G.* Op. cit. P. 196.

⁸⁸ *France Indépendante*. 1952. 1 mars.

⁸⁹ *L'Echo républicain de la Liberté*. 1950. Juillet.

ЭКСПЕРИМЕНТ ПИНЭ (1952 г.)

Либеральные идеи, которые в послевоенной Франции наиболее последовательно отстаивали “независимые”, объединившиеся летом 1951 г. в Национальный центр независимых и крестьян (СНИП), нашли свое практическое воплощение в политике одного из лидеров СНИП А. Пинэ. Убеденный либерал, искренне веривший, что только борьба с инфляцией и сокращение государственных расходов приведут к экономической стабилизации Франции, Пинэ в марте 1952 г. возглавил Совет министров IV Республики. Для “независимых” сложились благоприятные политические перспективы; теперь они могли на практике применить основные положения своей доктрины.

О Пинэ и его деятельности на посту председателя Совета министров написано немало¹. Практически все исследователи признают, что Пинэ являлся одним из немногих руководителей правительства, “чье имя общественное мнение запомнило и об отставке которого оно сожалело”². Политика Пинэ, “человека классической правой”³, ассоциировалась у французов с “возрождением либеральных ценностей”⁴. Пинэ был одновременно олицетворением “среднего француза” и незаурядной личностью. Скромный, внешне неприметный человек, он стал одним из самых известных политиков IV Республики и навсегда связал свое имя с “экономическим чудом” 1952 г.

Политический путь Пинэ не был простым. После поражения Франции летом 1940 г. он голосовал за предоставление всей полноты власти маршалу Петэну, главе правительства Виши, сотрудничавшего с оккупантами. Много позже Пинэ объяснял свою поддержку Петэна той ситуацией, которая сложилась во Франции

¹ См., например: *Guillaume S. A. Pinay, ou la confiance en politique.* P., 1984; *Rimbaud Ch. Pinay.* P., 1990.

² *Rémond R. Notre siècle. 1918—1991.* P., 1991. P. 454.

³ *Berstein S., Milza P. Histoire de la France au XX siècle.* P., 1995. P. 699.

⁴ *Histoire des droites en France.* P., 1992. V. 1. P. 365.

после военного разгрома: “В стране царила всеобщая паника. Немцы оккупировали $\frac{2}{3}$ Франции. Можно было проголосовать за что угодно, чтобы выйти из этого катастрофического положения”⁵. Пинэ вошел в консультативный Национальный совет Виши, но в его заседаниях участвовал лишь один раз. Впоследствии Пинэ сочувственно относился к движению Сопротивления. Общественное мнение начала 50-х годов, по словам историка Ж.-Л. Пиноля, видело в Пинэ человека, “олицетворявшего собой тех, кто не был ни сопротивленцем, ни коллаборационистом”⁶.

После освобождения Франции Пинэ как член Национального совета Виши был временно лишен политических прав, но вскоре реабилитирован и в сентябре 1945 г. переизбран генеральным советником своего департамента. В ноябре 1946 г. он стал депутатом первого Национального собрания IV Республики. Дальнейшая политическая деятельность Пинэ была связана с правительственной коалицией “третьей силы”, которая состояла из представителей различных партий (социалистов, членов Народно-республиканского движения, радикалов, позднее — “независимых”), выступавших против политики компартии, с одной стороны, и голлистского объединения РПФ — с другой. С 1948 г. Пинэ входил в правительства “третьей силы” сначала в должности генерального секретаря по экономическим вопросам в кабинете правого радикала Кэя, а затем — министра общественных работ и транспорта (1950—1952). “Ничем не выделяясь, — пишет проживший много лет во Франции английский журналист А. Верт, — А. Пинэ занимал ряд экономических постов в правительстве и, казалось, больше интересовался делами своей мэрии в Сен-Шамоне, в департаменте Луары, чем правительственной карьерой”⁷. К нему больше всего подходило слово “честный”, о чем постоянно пишут все биографы Пинэ⁸. Даже став председателем Совета министров, он никогда не пользовался предоставленными ему привилегиями: отказался от специального “премьерского” поезда и от правительственных апартаментов в резиденции правительства — отеле Матиньон. К Пинэ, как и прежде, легко попадали на прием чиновники любого ранга. Говорили, что он “похож на Пуанкаре”, который, не желая расходовать государственные средства, сам оплачивал проезд своей супруги во время

⁵ *Pinay A. Un Français comme les autres. Entretiens avec A. Veil. P., 1984. P. 30.*

⁶ *Histoire des droites en France... P. 364.*

⁷ *Верт А. Франция. 1940—1955. М., 1959. С. 469.*

⁸ См., например: *Richard G. Le Centre national des indépendants et paysans de 1948 à 1962, ou l'échec de l'union des droites françaises dans le parti des modérés. P., 1998. P. 197.*

официальных путешествий и собственноручно покупал марки для писем своей матери⁹.

Оказавшись у власти в результате поддержки партий правого центра и 27 депутатов голлистской РПФ, разделявших либеральные взгляды “независимых”, Пинэ заявил о необходимости проведения “политики экономического и финансового возрождения”¹⁰. В ее основу были положены либеральные идеи, которые некогда принесли успех Тьеру, Мелину и Пуанкаре: управлять финансами Франции, как финансами предприятия или семьи; сократить государственные расходы; защищать денежную систему; бороться с инфляцией; не тратить сверх имеющихся государственных запасов¹¹.

Впервые после освобождения Франции председатель Совета министров назвал себя либералом и, по словам специалиста по истории СНИП Ришара, “открыто присоединился к критике, которую в течение восьми лет вели группировки умеренных против этатизма, дирижизма, чрезвычайно высокого налогообложения, разбазаривания средств государственного сектора и плохого управления системой социального обеспечения”¹². По убеждению Пинэ, “либерализм отрицает господство легких возможностей и алчности. Наоборот, никакой другой режим не включает в себе добровольной экономии и осознания коллективного интереса. Его не устраивает ни надувательство в налоговой сфере, ни мошенничество в коммерческой”¹³. В осуществлении своей политики Пинэ рассчитывал на доверие населения, он осуждал “государственный контроль и принуждение, от которого французский народ уже устал”, и доказывал, что “ресурсы государства складываются скорее из бережливости людей, чем из все возрастающих налогов”¹⁴.

Основные направления своей будущей политики Пинэ изложил 6 марта 1952 г. в программной речи с трибуны Национального Собрания во время обсуждения его кандидатуры на пост главы правительства¹⁵.

Пинэ намеревался “воздействовать на цены, а не увеличивать зарплату и использовать при этом государственные займы, не повышая налоги”. По мнению Пинэ, именно в ходе стабилизации

⁹ Ibidem.

¹⁰ Le Monde. 1952. 7 mars.

¹¹ См.: Rémond R. Op. cit. P. 455.

¹² Richard G. Op. cit. P. 197.

¹³ Цит. по: Guillaume S. Op. cit. Annexe.

¹⁴ France Indépendante. 1952. 13 mars.

¹⁵ См.: Journal officiel de la République Française. Débats parlementaires (далее: J.O.), 1952. P., 1953. P. 1181–1184.

цен должен утверждаться социальный курс правительства, ибо, “когда цены не стабильны, гонку между зарплатой и ценами всегда выигрывают последние”.

Чтобы покончить с бюджетным дефицитом, Пинэ предлагал создать “двойные условия: жесткую экономию расходов и непреклонность в выполнении гражданского долга”, т.е. во взимании налогов. Однако, по мысли Пинэ, “введению в силу мер повышенной жесткости должны предшествовать меры великодушия”. Для установления “столь необходимого климата доверия” он предполагал ввести в стране налоговую амнистию.

Пинэ считал необходимым значительно сократить государственные инвестиции в экономику. “В последние годы Франция предприняла большие усилия по вложению капитала. Это не может продолжаться бесконечно”¹⁶, — заявил он в парламенте под бурные аплодисменты правых.

Сразу же после своего избрания Пинэ сформировал кабинет, в который вошли всего 17 министров вместо 26 в предыдущем правительстве. Чтобы снизить государственные расходы, он упразднил должности вице-президента, двух государственных министров, министра промышленности, министра вооружения. Также исчезли посты министров по бюджету и экономическим делам. Их функции вменялись в обязанность министра финансов, портфель которого взял себе сам Пинэ. Советником по финансам он назначил “независимого” Рюэфа, начинавшего свою карьеру в 1926 г. в кабинете Пуанкаре. Глава правительства назвал министерство финансов “министерством защиты франка”¹⁷. По мнению Ж.-Л. Пиноля, “Пинэ удалось создать вокруг себя команду компетентных и преданных людей”¹⁸. Шестеро министров его кабинета являлись членами СНИП.

Бороться за экономическую и финансовую стабильность правительству Пинэ предстояло в довольно неблагоприятных условиях. Дело в том, что начавшееся было экономическое оживление прервала разразившаяся летом 1950 г. война в Корее. Она привела к внезапному и мощному росту цен на импортное сырье, а следовательно, на многие французские товары. Новый виток инфляции спровоцировал подъем забастовочного движения: рабочие требовали повысить зарплату, а крестьяне — увеличить цены на сельскохозяйственные продукты. Предшествовавшие кабинету Пинэ правительства были вынуждены частично удовлетворить требования трудящихся, что, в свою очередь, “стимулировало рост потребления, вызвавший расширение французского

¹⁶ Ibidem.

¹⁷ Ibidem.

¹⁸ Histoire des droites en France... P. 364.

импорта, результатом которого стал отрицательный торговый баланс"¹⁹. Новые социальные расходы опустошили государственную казну, и Французскому государственному банку в 1951 г. пришлось прибегнуть к эмиссии.

Правительство Пинэ должно было безотлагательно решить вопрос о пополнении государственной казны. Его предшественники пытались это сделать с помощью повышения налогов. Пинэ же пришел к заключению о возможности пополнить казну прежде всего за счет сбережений населения. "Страна должна полностью встать на ноги, используя не контроль и принуждение, а достоинства граждан и бережливость"²⁰, — заявил он в сентябре 1952 г. в интервью газете "Монд".

"Самой ужасной драмой в экономике страны, — полагал А. Пинэ, — является инфляция". Ее основной причиной он считал излишние траты государства. "Государства живут не по средствам, — говорил премьер-министр, — и тратят больше, чем имеют, являясь, таким образом, постоянным должником"²¹. А. Пинэ в лучших традициях либеральной политики Пуанкаре направил все свои усилия на то, чтобы добиться бюджетного равновесия "с помощью существенного сокращения государственных инвестиций, которые все либералы рассматривали как одну из главных причин инфляции"²².

11 апреля 1952 г. Национальное Собрание 270 голосами против 209 приняло выдвинутый правительством закон о **сбалансировании бюджета**. Государственный бюджет урезался на 110 млрд франков²³, 95 млрд из которых составляли государственные инвестиции в экономику. Военные расходы не подвергались ни какому сокращению. Напротив, в 1952 г. они возросли и составили 37% бюджета против 30% в 1951 г. и 20% в 1950 г.²⁴ Правительство оправдывало это повышение военными обязательствами Франции перед НАТО и все возрастающими потребностями войны в Индокитае. Следует, однако, отметить, что как раз в 1952 г. часть расходов на войну в Индокитае взяли на себя американцы, что положительно сказалось на состоянии французского бюджета.

Были урезаны расходы на инвестиции в экономический и социальный сектор: значительно сократились ссуды на строительство дешевого жилья, возмещение ущерба пострадавшим от несчастных случаев, расходы на послевоенную реконструкцию, ра-

¹⁹ *Berstein S., Milza P. Op. cit. P. 733.*

²⁰ *Le Monde. 1952. 5 sept.*

²¹ *Pinay A. Op. cit. P. 63.*

²² *Berstein S., Milza P. Op. cit. P. 735.*

²³ Речь идет о старых франках: сто старых франков = 1 новый франк.

²⁴ *Latre A. La politique économique de la France depuis 1945. P., 1961. P. 439.*

нее полностью оплачиваемые государством. Закон о сбалансировании бюджета изъял 5 млрд франков из кредита сельского хозяйства и промышленности; 3 млрд из средств на развитие железнодорожного транспорта и 14 млрд — из инвестиций в электро-энергетическую промышленность — основу национализированного сектора французской экономики. В целом государственные вложения уменьшились на треть, что позволило правительству избежать введения новых налогов, но “поставило под сомнение будущее французской экономики, нуждавшейся в государственной поддержке”²⁵.

Предложив закон о столь сильном сокращении инвестиций, Пинэ убеждал французов, что это временная мера и часть кредитов можно будет вскоре разблокировать с помощью нового 3,5-процентного государственного займа. Выпуск этого займа сроком на 60 лет явился одним из самых популярных мероприятий фискальной политики, проводимой Пинэ. Новый заем предоставлял его подписчикам два преимущества. Во-первых, он обеспечивался золотом, а значит давал гарантию, что деньги вкладчиков не обесценятся со временем. Во-вторых, эти деньги освобождались от уплаты налога на прибыль и налога на наследство. Это моментально вызвало острую критику со стороны левой оппозиции. Печатный орган компартии “Юманите” назвала заем Пинэ “подарком для богачей”²⁶. Левая газета “Обсерватор” охарактеризовала премьера как “защитника частных интересов”, которые впервые после освобождения Франции “не только терпят правительство, но и поддерживают его”²⁷.

Позицию левых разделяла и часть буржуазной прессы. “Что касается распределения финансовых усилий, — писал 18 мая 1952 г. в “Монд” известный политолог М. Дюверже, — то его [Пинэ. — *Авт.*] выбор рискует повлечь за собой проведение классовой политики в пользу собственников и в ущерб лицам наемного труда”²⁸. Действительно, отмена налога на наследство делала заем особенно привлекательным для обеспеченных людей.

От успеха займа во многом зависел успех всей экономической программы Пинэ, его авторитет. По словам французского историка С. Гийома, “речь шла не о том, чтобы провести технически безупречную операцию, а о том, чтобы сделать ее как можно более притягательной”²⁹. Пинэ видел в займе важное психологиче-

²⁵ *Berstein S., Milza P. Op. cit. P. 700.*

²⁶ *L'Humanité. 1952. 18 juin.*

²⁷ *L'Observateur. 1952. 20 mars.*

²⁸ *Le Monde. 1952. 18 mai.*

²⁹ *Guillaume S. Op. cit. P. 78.*

ское оружие, способное изменить финансовую ситуацию в стране. Для него заем — это демонстрация французами доверия своему правительству и условие успеха всей экономической политики. Через неделю после объявления займа 17 июня 1952 г. А. Пинэ, выступая по радио, объявил о его “ошеломляющем успехе”³⁰.

Однако далеко не все были настроены столь же оптимистично, как глава правительства. “Монд” писала, что финансовые перспективы “остаются беспокоящими”, даже если заем “успешно разбудит дух бережливости”³¹. Известные французские политологи С. Бернштейн и П. Мильза охарактеризовали результаты займа как “весьма посредственные”³². По свидетельству “Обсерватор”, “он принес казне около 200 млрд франков вместо 500 млрд, необходимых, чтобы заделать брешь в бюджете”, да к тому же оказался “слишком дорогостоящим”³³. Благодаря займу государство смогло изъять из обращения только 4,5% бумажных денег.

В рамках политики финансовой стабилизации Пинэ осуществил еще одно мероприятие, направленное на укрепление доверия французского капитала к правительственной политике. В мае 1952 г. Пинэ объявил о **налоговой амнистии**. Одной ее целью являлось разморозить часть скрытых капиталов, с тем чтобы они пошли бы на развитие французских предприятий. Помимо прочего, по словам Пинэ, “это дало бы мошенникам возможность искупить свою вину и забыть прошлое, установив в стране климат доверия на новых основах”³⁴. Другая цель заключалась в возвращении во Францию капиталов, вывезенных в годы второй мировой войны и в период послевоенного экономического кризиса.

Пинэ предложил налоговую амнистию, справедливо рассудив, что взимание неоплаченных в прошлом налогов являлось практически невозможным. К тому же, считал он, излишняя строгость и непреклонность налоговых служб способны подтолкнуть к новому витку укрывания налогов. По мнению Пинэ, нужно было “дать мошенникам последний шанс” вернуть на родину свои капиталы и поставить их на службу французской экономики. При этом премьер подчеркивал, что “в будущем неплательщики будут преследоваться законом”³⁵.

³⁰ Le Monde. 1952. 24 juin.

³¹ Ibidem.

³² Berstein S., Milza P. Op. cit. P. 734.

³³ L'Observateur. 1952. 31 juillet.

³⁴ Pinay A. Op. cit. P. 75.

³⁵ Ibidem.

Самой неординарной из принятых Пинэ мер по борьбе с инфляцией была его программа “добровольного снижения цен”. В основе политики понижения цен лежали не только финансовая и экономическая целесообразность, но и психологические мотивы. Свою программу глава правительства решил осуществить нетрадиционным способом — не устанавливая государственный контроль над ценами, а убеждая производителей и торговцев стабилизировать цены путем добровольного их понижения. Пинэ лично проводил широкую разъяснительную кампанию, используя все возможные средства: выступал по радио, встречался со многими представителями торговых кампаний, ездил по стране. Он предложил французам самим включиться в процесс борьбы с инфляцией и разделить с государством основные трудности: правительство должно гарантировать защиту франка, а производители товаров и продавцы выступить против повышения цен. Призвав французов осознать свой гражданский долг, что, по мысли Пинэ, являлось моральной основой национальной кампании по сокращению цен, он рассчитывал тем самым заключить “пакт между правительством и нацией”³⁶.

Выступления главы правительства дали свои положительные результаты. 19 марта во всех крупных магазинах страны висели огромные плакаты “Защита франка” или “Понижение, организованное Пинэ”. Торговцы добровольно снизили цены практически на все товары: 5% составило это снижение на обувь, изделия из шерсти и трикотажа, 3% — на изделия из хлопка; наиболее ощутимым оно оказалось на продукты сельского хозяйства (мясо, молоко, картофель, вино), а также на источники энергии³⁷. Добровольное снижение цен стало повсеместным явлением. Именно тогда средства массовой информации, благожелательно настроенные по отношению к правительственной политике, заговорили о “чуде Пинэ”³⁸.

Данные французского издания “Экономическая Франция в 1952 г.” показывают, что снижение оптовых цен зависело от движения мировых курсов, но заметное падение промышленных и сельскохозяйственных цен в марте-апреле 1952 г. явилось следствием первых мер правительства Пинэ³⁹. Лето 1952 г. стало “зенитом популярности Пинэ”. Он смог “даже завоевать доверие части народных масс, которая увидела в нем не “либерального доктринера”, как его называли левые, а мудрого политика и рачитель-

³⁶ *Guillaume S.* Op. cit. P. 84.

³⁷ *La France économique en 1952.* P., 1953. P. 23.

³⁸ *Le Figaro.* 1952. 25 mars.

³⁹ *La France économique...* P. 23—24.

ного хозяина”⁴⁰. Премьер приобрел репутацию “нового Пуанкаре” и “чародея финансов”, что породило “миф Пинэ”⁴¹.

После снижения цен Пинэ посчитал возможным обратиться к решению назревшей социальной проблемы — изменению меж-профессиональной гарантированной минимальной заработной платы (СМИГ), повышения которой постоянно и настойчиво требовали трудящиеся Франции. В июле 1952 г. он представил в парламент разработанный еще предшествовавшим кабинетом законопроект об установлении подвижной шкалы зарплаты с помощью автоматического повышения СМИГ.

Правительственный проект был дополнен и подготовлен службой министерства труда, во главе которого стоял “независимый” П. Гарэ⁴². Законопроектом предусматривалось, что “в случае увеличения индекса семейного потребления более чем на 5% СМИГ будет обязательно повышен пропорционально росту этого индекса”⁴³. Индекс семейного потребления, иными словами потребительская корзина, в которую входили необходимые товары и услуги, определялся Высшей комиссией по коллективным договорам совместно с Национальным институтом статистики и экономики по совокупности цен на 213 товаров и услуг⁴⁴. Однако введение в жизнь подвижной шкалы не повлекло за собой немедленного повышения минимальной зарплаты: в правительственном проекте оговаривалось, что СМИГ будет повышен лишь тогда, когда индекс цен потребительской корзины превысит цифру 149. В момент выработки проекта этот индекс составлял 142,3. Поэтому принятие закона о повышении СМИГ явилось скорее декларативной мерой, так как фактическая зарплата трудящихся не увеличивалась. Политика снижения цен делала практически нереальным достижение необходимого для повышения зарплаты индекса потребления. Сам председатель Совета министров считал, что новый закон, принятый 8 июля 1952 г., хорошо вписывался в общую программу дефляционных мер и должен был привести к замораживанию заработной платы. По словам Пинэ, он не верил в повышение цен, “а если бы верил в него, то не принял бы этого дамоклова меча, висящего над уровнем СМИГ”⁴⁵.

Таким образом, в социальной политике правительства Пинэ наиболее четко проявилось желание ограничить социальные расходы государства и “жестко реагировать” на любые попытки про-

⁴⁰ *Richard G.* Op. cit. P. 202.

⁴¹ *Berstein S., Milza P.* Op. cit. P. 699.

⁴² *Le Monde.* 1952. 5 juin.

⁴³ *J.O. Lois et décrets*, 1952. P., 1953. P. 7226.

⁴⁴ *Ibidem.*

⁴⁵ Цит. по: *Chapsal J.* La vie politique en France depuis 1940. P., 1966. P. 221.

явления классового недовольства. Левая газета "Обсерватор" писала, что, "проводя либеральную политику, Пинэ... оказывает услуги только патронату" и "никогда не пойдет на повышение зарплаты"⁴⁶. Когда с конца лета 1952 г., несмотря на все оптимистические прогнозы Пинэ, цены вновь стали расти, его кабинет нарушил один из принципов своей либеральной политики: в сентябре правительство блокировало цены на те товары, которые входили в потребительскую корзину, чтобы не допустить повышения индекса цен до 149.

Последователь Пинэ, видный лидер СНИП Ж. Ланьель, заняв в июне 1953 г. пост председателя Совета министров, вообще отказался от каких-либо уступок трудящимся. В целях экономии он решил сократить численность государственного аппарата и увеличить на два года возраст выхода на пенсию для рабочих и служащих государственных и национализированных предприятий⁴⁷, что привело к массовым забастовкам летом 1953 г. и "политическому параличу страны"⁴⁸.

Внутренняя политика кабинета Пинэ была проникнута антикоммунизмом. 28 мая 1952 г. по приказу правительства была разогнана многочисленная демонстрация, организованная ФКП против приезда в Париж генерала Риджуэя, которого коммунистическая пропаганда обвиняла в использовании в Корее бактериологического оружия. Многие коммунисты, в том числе лидер ФКП Ж. Дюкло и главный редактор "Юманите" А. Стиль, оказались под арестом. Правительство Пинэ обвинило компартию в антигосударственной деятельности⁴⁹ и чуть было не запретило ее.

Во внешней политике кабинет Пинэ демонстрировал свою солидарность с Североатлантическим Альянсом; для нее были характерны ультраколониализм и стремление к углублению западноевропейской интеграции⁵⁰. При Пинэ состоялось подписание договора об учреждении так называемого Европейского Оборонительного Сообщества (ЕОС), создававшего единую западноевропейскую армию с наднациональным командованием. Вместе с тем нельзя не согласиться с распространенным во французской историографии мнением, что "эксперимент Пинэ не внес ничего нового во внешнюю политику Франции по сравнению с предыдущими кабинетами"⁵¹.

⁴⁶ L'Observateur. 1952. 31 juillet; 7 août.

⁴⁷ J.O. Lois et décrets, 1953. P., 1954. P. 7055—7058

⁴⁸ Berstein S., Milza P. Op. cit. P. 701.

⁴⁹ Le Monde. 1952. 31 mai.

⁵⁰ См. подробнее: Grosser A. La IV République et sa politique extérieure. P., 1967.

⁵¹ Richard G. Op. cit. P. 202.

После своей отставки, вызванной в первую очередь нерешенностью многих экономических проблем, а также дебатами вокруг Европейского Оборонительного Сообщества, Пинэ заявил: "Я решил больше не входить ни в какое правительство... Мне необходим отпуск, который я беру с большой радостью"⁴⁶. Однако уже в 1954 г. он продолжил свою государственную деятельность в кабинете Мендес-Франса. В годы V Республики с 1958 по 1962 г. Пинэ занимал пост министра финансов, а затем, разойдясь во взглядах с президентом де Голлем, подал в отставку и посвятил себя муниципальным делам в родном городке Сен-Шамоне, где и умер в 1994 г., не дожив двух недель до своего 103-летия.

Каковы же были итоги "эксперимента Пинэ" и как его оценивать? Французские исследователи С. Бернштейн и П. Мильза указывают на "значительный контраст между психологическими и экономическими результатами этой операции"⁴⁷. Пинэ удалось добиться доверия населения и убедить его, что четкая и продуманная правительственная политика может остановить инфляцию. Пинэ стал "идолом среднего класса мелких вкладчиков и завоевал репутацию "чудотворца финансовой сферы"⁴⁸. Его честность и скромность реабилитировали образ государственного политика, который ассоциировался у многих французов с "болтуном" и "мошенником"⁴⁹.

Экономические итоги "эксперимента Пинэ" оказались не столь удачными. Темпы промышленного развития при Пинэ снизились⁵⁰. Если в 1950 г. ВВП возрос на 7,9%, то в 1952 г. всего на 2,3%. Французский экспорт упал с 6% в 1952 г. до 1,2% в 1953 г., торговый баланс был пассивным. В условиях снижения темпов экономического развития из-за недобора налоговых поступлений увеличился бюджетный дефицит. Сокращение государственных инвестиций привело к стагнации промышленного производства, закрытию многих предприятий и, соответственно, росту безработицы. Необходимость выплат государственных пособий по безработице еще больше усилила бюджетный дефицит⁵¹.

Таким образом, "чудо Пинэ" оказалось всего лишь иллюзией. Проблемы, которые на короткое время были им решены, вновь проявились в полной мере к концу правления "нового Пуанка-

⁴⁶ Le Monde. 1952. 23 déc.

⁴⁷ Bernstein S., Milza P. Op. cit. P. 735.

⁴⁸ Ibidem.

⁴⁹ Richard G. Op. cit. P. 196—197.

⁵⁰ Annuaire statistique de la France de 1944 à 1954. P., 1955.

⁵¹ См. L'Année politique, 1952. P., 1953. P. 139—141.

ре". Вместе с тем нельзя не согласиться с известным французским политологом Р. Ремоном, полагавшим, что "эксперимент 1952 г." стал своеобразной и "весьма своевременной стартовой площадкой для выхода французской экономики из фазы послевоенной реконструкции, финансируемой главным образом за счет инфляции и обесценивания франка"⁵⁸. Долговременная финансовая стабильность, подготовленная политикой Пинэ, началась позже — в июле 1953 г.

Критически оценивая результаты "эксперимента Пинэ", Берстейн и Мильза все же увидели в нем и положительный аспект: "будущие правительства после передышки, данной им Пинэ, вновь могли увеличить государственные ассигнования и возвратиться к политике экономической экспансии... что превратило 1953—1955 годы в период наивысшего экономического расцвета IV Республики"⁵⁹.

По мнению самого Пинэ, в его экономической политике не было ошибок: "Следовало действовать так, как я действовал... если бы инфляцию в тот момент никто не сдержал, она стала бы развиваться с невероятной скоростью"⁶⁰.

Необходимо отметить еще один итог деятельности кабинета Пинэ. С помощью своих либеральных мероприятий, методов и стиля он превратился в популярного руководителя государства и часть своей популярности "перенес" на СНИП, чьи лидеры доселе были мало известны среднему французу. В лице Пинэ СНИП приобрел наконец политического деятеля национального масштаба, способного придать больший вес и значимость либеральному движению "независимых". После своего премьерства Пинэ стал почетным председателем СНИП и, вслед за П. Рейно, "настоящей эмблемой и живой рекламой "независимых"⁶¹. Благодаря инвестируе Пинэ и возросшему влиянию СНИП в него влилась еще одна политическая сила — группировка Республиканского и социального действия, состоявшая из бывших голлистов, которые разделяли либеральные воззрения "независимых".

Вообще, период второй легислатуры (1951—1955) оказался весьма плодотворным и удачным для СНИП, утвердившего свои позиции на партийно-политической сцене и в государственном аппарате IV Республики. В 1953 г. Совет министров возглавил

⁵⁸ *Rémond R.* Op. cit. P. 455—456.

⁵⁹ *Berstein S., Milza P.* Op. cit. P. 700.

⁶⁰ *Pinay A.* Op. cit. P. 89.

⁶¹ *Martínez G.* Le Centre national des indépendants et paysans de 1948 à 1962. P., 1994. P. XII.

другой лидер СНИП – Ж. Ланьель, а в 1954 г. президентом республики избрали “независимого” Р. Коти. И хотя СНИП, оставаясь “партией кадров”, так и не превратился в массовое политическое объединение, а внутрипартийные разногласия и соперничество оказались не преодоленными, он мог по праву считаться одним из наиболее влиятельных политических формирований середины 50-х годов. Именно СНИП ассоциировался у французов с либеральными традициями и с либеральной политикой, в первую очередь с политикой Пинэ, которая показала приспособляемость многих либеральных положений к новым условиям послевоенной Франции. Пинэ и его соратники твердо стояли на защите главных либеральных ценностей: свободы индивида, его частной собственности, рыночных отношений; они последовательно боролись против политики “тотального этатизма”⁶², угрожавшей, с их точки зрения, финансовой стабильности, развитию частного предпринимательства и экономическому процветанию государства.

⁶² France Indépendante. 1954. 14 déc.

ВАЛЕРИ ЖИСКАР Д'ЭСТЕН И ПРОЕКТ "ПЕРЕДОВОГО ЛИБЕРАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА"

Пятая республика была противоречивым периодом в развитии французского либерализма. Наступление технократической администрации, "дирижизм" в экономике, нарастающая поляризация политической жизни, а также многие другие черты деголлевской Франции вели к ослаблению либерального духа в общественном сознании. Но, вместе с тем, именно сложившаяся обстановка стала катализатором политической активности либералов, заявлявших о несовершенстве социально-политического устройства страны, его несоответствии меняющимся общественным потребностям.

В 60-е — начале 70-х гг. либералы переживали стадию организационного и доктринального обновления. Среди них особо выделялся Валери Жискар д'Эстен — молодой амбициозный политик, в свои тридцать с небольшим лет уже занимавший пост министра экономики и финансов. Вокруг Жискара д'Эстена постепенно сложился костяк единомышленников, основавших в 1966 г. Национальную федерацию независимых республиканцев (НФНР). Лидер новой группировки провозглашал своей главной задачей сплочение всех либеральных республиканцев для разработки активной реформаторской политики¹. Результатом политических и доктринальных поисков Жискара д'Эстена и его единомышленников стал проект по переустройству Франции в "современное демократическое общество, либеральное по своей структуре, передовое по высокому уровню экономических достижений и солидарное по качеству социального и культурного развития"².

В 1974 г. Жискар д'Эстен был избран президентом Франции, проект "передового либерального общества" получил статус правительственной программы и проходил апробацию на практике. Это были годы напряженной политической борьбы лидера не-

¹ Цит. по: Colliard J.-C. Les Républicains indépendants. Valéry Giscard d'Estaing. P., 1971. P.338.

² Projet. 1976. № 110. P. 1219.

зависимых республиканцев за либеральную альтернативу голлистскому режиму и социалистической программе левых сил.

Современники и исследователи этого периода в истории Франции существенно расходятся в характеристике идей и политики Жискара д'Эстена. Причем их оценки неоднозначны как в отношении самой сути жискаровского проекта, так и той роли в жизни страны, которую сыграл третий президент Пятой республики.

Чем же на самом деле стал для Франции проект "передового либерального общества"? Был ли он лишь побочным продуктом тонкой политической игры, являлся плодом серьезных раздумий прозорливого, но одинокого политика или представлял собой реально востребованную обществом программу преобразований? Учитывая, что Жискара д'Эстен происходил из политической семьи французских либералов, поставленные вопросы имеют отношение и к более широкой проблеме — эволюции французской либеральной традиции.

Почти все биографии Жискара д'Эстена обычно начинаются с его личностных характеристик. Спектр таких суждений довольно широк, и это не случайно. "Макиавелли низкого пошиба, мучимый амбициями" — по мнению одних, "преданный слуга республики" — по утверждению других³, Валери Жискара д'Эстен часто занимал двойственную позицию не только в политических вопросах, но и по отношению к тем людям, кого лично поддерживал. Подобные характеристики довольно метко отражают перипетии политического пути Жискара д'Эстена, в поступках которого многие исследователи специально выделяют "модель"⁴ и "стиль"⁵ политического поведения, благодаря которым Жискара д'Эстен достиг вершины власти. Бриджит Гаити отмечает, в частности, что особенность стратегии Жискара д'Эстена заключалась прежде всего в опоре на собственные силы и способности: молодость, образованность, компетентность и другие личные качества⁶.

Валери-Мари-Рене-Жорж Жискара д'Эстен родился 2 февраля 1926 г. в г. Кобленце (Германия). Глава семьи — Эдмон Жискара д'Эстен — служил в этом городе начальником финансового отдела Верховного комиссариата по делам Рейнской области, временно оккупированной французскими войсками на основании Версальского договора.

³ Lancel F. Valéry Giscard d'Estaing: de Chamalières a l'Elysée. P., 1974. P.7.

⁴ Kessler M.-C. M. Valéry Giscard d'Estaing et les républicains indépendants: réalités et perspectives // Revue française de science politique. 1966. № 5.

⁵ Gaïti B. Des ressources politiques à valeur relative: le difficile retour de Valéry Giscard d'Estaing // Revue française de science politique. 1990. № 6.

⁶ Ibid. P. 916.

Отец Валери — выходец из провинциальной овернской буржуазии — начал свою карьеру в Генеральной инспекции финансов, но затем оставил государственную службу и перешел в частный сектор. С 1935 г. он становится бессменным президентом “Финансовой компании для Франции и заморских стран” — ядра Индокитайского банка (одного из пяти крупнейших банков страны) и членом административных советов крупнейших электротехнических и химических трестов.

Мать Валери — урожденная Мэй Барду — происходила из семьи влиятельных нотаблей. Род Барду олицетворял собой другую семейную традицию Жискара д’Эстенов — государственную деятельность. Среди его представителей были министры Первой империи, Июльской монархии и Третьей республики. По женской линии Мэй Жискара д’Эстен была наследницей известного рода Жорж-Пико, уходявшего корнями в Орлеанскую династию⁷.

После возвращения из Германии Жискара д’Эстены поселились в Париже, где Валери начал обучение в одном из привилегированных французских лицеев — “Жансон де Сайн”. В 1946 г. Жискара д’Эстен поступает по конкурсу в Политехническую школу — элитарное высшее учебное заведение, основанное еще Наполеоном. Хотя, в принципе, она готовит военных инженеров и офицеров технических родов войск, но открывает путь и к более широкой карьере. Окончив Политехническую школу шестым среди двадцати лучших, Жискара д’Эстен получил право выбора места своей дальнейшей службы. Он решил продолжить учебу и без экзаменов поступает в Национальную школу администрации (ЭНА) — другое чрезвычайно престижное учебное заведение, призванное готовить высшие административные кадры.

В 1951 г. Жискара д’Эстен получил должность инспектора Генеральной инспекции финансов. Будущее молодого “энарха” казалось predetermined. Генеральная инспекция финансов, где ранее служил отец Валери, а теперь и он сам, издавна считалась во Франции “инкубатором” руководящего персонала государственного и частного секторов. Однако Валери Жискара д’Эстен представлял себе жизненный путь иначе: “Я не стану дельцом, — твердо заявил он однажды отцу. — Меня страстно влечет другое — служба государству”⁸.

Подобная установка соответствовала не только честолюбивому характеру молодого человека, но и тенденции, наметившейся во французской политической жизни. Увеличение объема хозяйственных функций государства привело к тому, что многие представители парламента и правительственного персонала стали ис-

⁷ Qui est qui en France. P., 1980. P. 107.

⁸ Bassi M. Valéry Giscard d’Estaing. P., 1968. P. 30.

пытывать острую потребность в компетентных сотрудниках, хорошо разбирающихся в вопросах финансового и технико-экономического характера. Именно с учетом этих качеств подбирались молодые кадры для личных секретариатов парламентариев и членов правительства. Но если для большинства таких “технократов” пребывание на посту референта или советника министра служило всего лишь способом ускорить административную карьеру, то для некоторых из них оно становилось трамплином для самостоятельного выступления на политической сцене.

Человеком, открывшим Жискара д’Эстена путь в политику, был Эдгар Фор — один из виднейших государственных деятелей Четвертой республики. Способный экономист, прекрасный оратор, Фор принадлежал к радикальной партии, но отказывался называть себя правым или левым⁹. Жискара д’Эстен познакомился с ним еще в годы учебы в ЭНА. Возглавив министерство экономики и финансов в правительстве “независимого” Жозефа Лангеля (июнь 1953 г.), Фор вспомнил о Жискаре д’Эстене и пригласил его референтом в свою канцелярию, хотя и на неофициальной основе. В феврале 1955 г., когда Фор сам сформировал правительство, сохранив за собой министерский пост, Жискара д’Эстен уже в соответствии со всеми правилами откомандировывается из Генеральной инспекции финансов на должность заместителя начальника канцелярии председателя Совета министров.

По свидетельству очевидцев, Жискара д’Эстен довольно быстро освоился в новой должности и при случае не упускал возможности демонстрировать свои собственные суждения, причем не только по конкретным вопросам, но и по проблемам стратегического характера¹⁰. В основе большинства таких идей просматривались либеральные принципы. Именно в этот период своей карьеры Жискара д’Эстен начинает впервые подумывать о том, как вернуть термину “либерализм”, ставшему по стечению обстоятельств синонимом консервативных устремлений, его первоначальное идейно-политическое содержание, в том числе терпимость к чужим взглядам, уважение свободы человеческой личности, индивидуальной инициативы. Эдгар Фор так объяснял жискаровский либерализм: “Валери желает приспособить его к условиям времени с учетом экономической необходимости и социальных императивов. Он обладает глубоким чувством социальной справедливости и убежден, что справедливость может быть достигнута только благодаря гармоничному разделению богатства. Но чтобы распределять, необходимо производить. Надо дать людям свободу

⁹ Далин В.М. Тюрго и его новейший биограф // Фор Э. Опала Тюрго 12 мая 1776 г. М., 1979. С. 5--19; Belotti P. Portrait d'Edgar Faure. P., 1978.

¹⁰ Lentin A.-P. Valéry Giscard d'Estaing // Les héritiers du Général. P., 1969. P. 149.

предпринимательства и инициативы. Можно их побуждать, но никогда не принуждать”¹¹.

В декабре 1955 г. правительство Фора пало, Национальное собрание было распущено, и на 1956 г. назначены досрочные парламентские выборы. Жискар д’Эстен решил выставить свою кандидатуру в том округе овернского департамента Пюи-де-Дом, где на протяжении многих десятилетий избирался его дед, Жак Барду. После долгих уговоров Барду согласился уступить “родовой фьеф” своему внуку. Но по не вполне понятным причинам он упрямо отказывался рекомендовать избирателям голосовать за Валери. Гораздо более неприятной неожиданностью для Жискара д’Эстена стал аналогичный отказ со стороны его покровителя Э. Фора, стремившегося удержать при себе молодого и способного сотрудника.

Кандидатура Жискара д’Эстена — на тот момент молодого государственного чиновника — выглядела довольно одинокой в списке для голосования, где значились исключительно лица либеральных профессий¹². Но принадлежность к известной в округе фамилии оказалась гарантией успеха. Кроме того, 30-летний аристократ доказал, что он и сам умеет найти дорогу к рядовому избирателю. При этом Валери не стеснялся использовать и такие приемы предвыборной агитации, как игра на аккордеоне в деревенском кафе или терпеливый обход домов влиятельных избирателей. В результате Жискар д’Эстену удалось добиться депутатского мандата.

Спеша закрепить свой успех и застраховаться на будущее, Жискар д’Эстен прибег к классическому приему профессиональных политиков Франции — баллотировался еще и в Муниципальный совет г. Шалона, а затем — в Генеральный совет департамента Пюи-де-Дом. Спустя 11 лет он стал также мэром в местечке Шамальер. Прочные позиции в органах местного самоуправления всегда считались во Франции самой надежной гарантией сохранения места в парламенте и вообще в политике.

В Национальном собрании Жискар д’Эстен записался в группу “Независимых и крестьян социального действия” — парламентскую фракцию одной из крупнейших в Четвертой республике умсренно-либеральной партии Национальный центр независимых и крестьян (СНИП). Молодой депутат прилежно работал в финансовой комиссии Национального собрания и быстро завоевал репутацию серьезного специалиста.

¹¹ Цит. по: *Lancel F. Op. cit.* P.44.

¹² *Dogan M. Les candidats et les élus // Duverger M. et al. Les élections législatives du 2 janvier 1956. P., 1957. P. 27.*

Последующие политические шаги Жискара д'Эстена красноречиво свидетельствовали о его решимости подчеркнуть собственную независимость. Чувствуя, что в парламентской группе, где доминировали люди старшего поколения, быстро пробиться на видное место будет нелегко, он создает на неофициальной основе содружество депутатов моложе сорока лет, принадлежавших к различным правым и центристским партиям. Молодые политики часто встречались в кулуарах Национального собрания, обсуждали наиболее острые проблемы, стоявшие тогда перед страной, и даже выступали с политическими инициативами. Так, в разгар суэцкого кризиса (ноябрь 1956 г.) Жискара д'Эстен от имени молодых депутатов направил президенту Р. Коти письмо, в котором содержалось требование "призвать к власти генерала де Голля и тем самым обеспечить восстановление мощи Франции"¹³.

Условием своего прихода к власти де Голль называл предоставление ему чрезвычайных полномочий и изменение конституции. В мае 1958 г. Жискара д'Эстен вместе с основной массой депутатов от СНИП, стремившихся ускорить смену ослабевшего режима, голосовал за кандидатуру де Голля на пост главы правительства. В сентябре 1958 г. была принята новая конституция. Четвертая республика фактически перестала существовать и была заменена Пятой.

В новом правительстве, сформированном де Голлем, 33-летний Валери получил свой первый "полупортфель" еще не министра, но его заместителя — государственного секретаря по бюджету при министре экономики и финансов, которым был назначен лидер "независимых" Антуан Пинэ.

Сотрудничество де Голля и Пинэ длилось два года, скрывая за собой существенную разницу между голлистами и "независимыми" в подходе к решению основных внешнеполитических и социально-экономических задач. Министр экономики неоднократно выступал против слишком "этатистской и затратной" политики де Голля, выражал недовольство его авторитарным стилем руководства, а также возражал против предоставления Алжиру права на самоопределение. После нескольких столкновений де Голль 12 апреля 1960 г. отправил Пинэ в отставку. С уходом Пинэ возник вопрос о судьбе двух государственных секретарей его министерства. Один из них, Макс Флеше, в знак солидарности с Пинэ подал в отставку, но другой, Валери Жискара д'Эстен, предпочел сохранить свое место, несмотря на настойчивые уговоры партийных друзей и семьи.

Проявление предпочтения де Голлю не осталось незамеченным. В январе 1962 г. Жискара д'Эстен достиг своего первого

¹³ *Lancel F. Op. cit. P. 36.*

крупного успеха на политическом поприще. В возрасте 36 лет он получил портфель министра экономики и финансов — второй по важности в составе французского правительства, став самым молодым (после Р. Пуанкаре в 1884 г.) руководителем этого ведомства.

В том же году де Голль объявил референдум с целью выяснить отношение французов к возможности избрания президента республики путем всеобщего и прямого голосования. Руководство “независимых” с нескрываемой враждебностью отнеслось к этому демаршу президента. Жискара д’Эстен оказался на перепутье: поддержать требования своих коллег по лагерю “независимых” или же вновь сделать ставку на де Голля. На следующий день газета “Монд” поместила обращение Валери Жискара д’Эстена к избирателям округа Пюи-де-Дом, в котором он призывал их поддержать на референдуме проект де Голля. Молодой министр подчеркивал: “Быть против этой конституционной поправки — означает углублять ров, отделяющий нацию от ее политических институтов”¹⁴. Референдум прошел успешно для де Голля: 60,61% избирателей проголосовало “за” его проект и 38,24% — “против”.

После референдума раскол в СНИП стал фактом. На состоявшихся вскоре парламентских выборах те представители “независимых”, которые не разделяли позицию своего партийного руководства (и в их числе Жискара д’Эстен), выступили совместно с голлистами. 6 декабря 1962 г. в Национальном собрании было объявлено о создании новой парламентской группы под названием “Независимые республиканцы”. Ее председателем был избран Р. Мондон, генеральным секретарем — Э. Паке¹⁵. Жискара д’Эстен стал членом фракции Независимых республиканцев, но еще не занимал ведущих постов в формирующейся группировке. 10 декабря в официальном правительственном вестнике появилось парламентское коммюнике Независимых республиканцев. В нем содержались обещания лояльного сотрудничества с де Голлем и его партией “Союз за новую республику” (ЮНР). При этом, провозглашая “индивидуальную свободу выбора при голосовании” и “разумное управление общественными делами”, Независимые республиканцы резервировали за собой право выступать с собственными “либеральными позициями”¹⁶.

Возникает вопрос: почему Жискара д’Эстен, решившись на разрыв со СНИП, не примкнул прямо к голлистам? Политолог

¹⁴ Le Monde. 27 octobre 1962.

¹⁵ Colliard J.-C. Op. cit. P. 43.

¹⁶ Journal officiel de la République Française. Débats parlementaires. Assemblée Nationale. P., 1962. P. 5642.

Ф. Борелла отмечает, что Независимые республиканцы были вынуждены действовать самостоятельно, так как "голлистская фракция в парламенте не приняла бы их в свои ряды"¹⁷. По мнению исследователя А. Потара, Жискар д'Эстен несомненно понимал, что среди "исторических" голлистов он всегда останется чужим и не получит никаких шансов на лидерство. А вторые роли его совсем не устраивали. Молодой министр поэтому считал, что гораздо выгоднее стать младшим партнером ЮДР, выждать момент, когда голлисты утратят абсолютное большинство в Национальном собрании, и тогда продиктовать им свои условия поддержки. Будучи на 10—15 лет моложе ближайших сподвижников де Голля, прозванных "баронами" голлизма, Жискар д'Эстен не без основания полагал, что время работает на него. Пока же позиция союзника давала удобную возможность отмежеваться от непопулярных аспектов политики правительства, привлекая симпатии избирателей и приберегая шансы выступить в будущем как резервная фигура, олицетворяющая одновременно преемственность власти и ее обновление¹⁸.

После референдума 1962 г. три представителя независимых республиканцев — в том числе и В.Жискар д'Эстен — были приглашены в новое правительство, где Жискар вновь занял пост министра экономики и финансов. Эта должность принесла Жискар д'Эстену солидный политический капитал. Но вместе с тем пребывание на одном из важнейших постов правительственной иерархии было делом довольно сложным, а порой и неблагоприятным. Министр, призванный заботиться о сохранении равновесия в бюджете, легко мог навлечь на себя нарекания и стать мишенью для недовольства. Именно так и случилось с Жискар д'Эстеном.

В 1963 г. во французской экономике усилились инфляционные тенденции, грозя нарушить равновесие платежного баланса в тот самый момент, когда де Голль стремился в полном объеме восстановить свободу действий Франции на международной арене. Президент считал Жискара д'Эстена виновным в этих экономических неурядицах. При формировании нового правительства в январе 1966 г. ему был предложен уже не пост министра экономики и финансов, которым стал бывший премьер Дебре, а гораздо менее значимый портфель министра по делам оснащения территории. Жискар д'Эстен, глубоко оскорбленный тем, что его "уволители как прислугу"¹⁹, предпочел отказаться.

¹⁷ Borella F. Les partis politiques de la France d'aujourd'hui. P., 1974. P. 128.

¹⁸ Pautard A. Op. cit. P.49—52.

¹⁹ Цит. по: Pautard A. Valéry Giscard d'Estaing. P., 1974. P. 40.

1966 год был для Жискара, пожалуй, самым трудным. Ему исполнилось 40 лет, пора было подводить некоторые итоги. Столь удачно начавшаяся карьера казалась погубленной — отныне он не был ни министром, ни депутатом, не знал даже, сохранил ли он авторитет политического лидера. Родственники Жискара д'Эстена предложили ему проявить способности на поприще частного предпринимательства, на посту директора фирмы "Форж э асьери дю Крезо"²⁰. Он отказался, предпочитая политику большому бизнесу.

Но вскоре за разочарованием последовала лихорадочная жажда деятельности. Опросы общественного мнения показывали, что популярность Жискара д'Эстена не пошла на убыль. Было даже подсчитано, что телевизионные передачи с его участием собирали больше зрителей, чем выступления премьер-министра, которым к тому времени стал Жорж Помпиду²¹. Все это, несомненно, подбадривало Жискара д'Эстена и создавало благоприятные условия для нового подъема его политической карьеры, что не замедлили отметить и средства массовой информации. Журнал "Экспресс", к примеру, сообщил своим читателям о "рождении наследника престола"²², проча Жискара на пост будущего президента страны. Газета "Комба" в редакционной статье "Ставка на Жискара" писала: "Политические обозреватели, благосклонно относящиеся к нынешнему режиму, с более чем повышенным вниманием наблюдают за ловкой игрой Жискара д'Эстена". Как заключала газета, Жискара, "покрыв себя завесой таинственности, наверняка является одним из козырей власти"²³.

В 1967 году Жискара д'Эстен вновь был избран в парламент и возглавил финансовую комиссию Национального собрания. Однако его главной целью стало создание самостоятельной политической партии, способной проводить в жизнь лозунги "независимых". Об этом свидетельствовало коммюнике совещания Независимых республиканцев, проведенного экс-министром²⁴.

Еще в мае 1965 г. Независимые республиканцы приступили к созданию сети политических клубов — новой и модной формы организации, куда приглашались, главным образом, представители буржуазной элиты молодого поколения: предприниматели, инженерно-технические работники, лица свободных профессий. Первый такой клуб под названием "Перспективы и реальность", был образован в Париже. Вскоре клубы появляются в Ницце,

²⁰ Ibidem.

²¹ Colliard J.-C. Op. cit. P. 121.

²² L'Express. 1966. 21—27 février. P. 13.

²³ Combat. 1966. 15 mars.

²⁴ Le Monde. 27 janvier. 1966.

Дижоне, Лионе, Нанте, Марселе, Монпелье и других городах. Повсюду Жискар д'Эстен предлагал вступившим в них молодым людям задуматься над ориентирами новой французской политики, проблемами современного производства, регионального развития. Объединив клубы в федерацию, Независимые республиканцы созвали в Париже первую общенациональную конференцию этих клубов. Обращаясь к слушавшим его делегатам, Жискар д'Эстен говорил: "Вы — будущие кадры большой умеренной партии, которая появится после голлизма. Вы нарушите монотонность французской политической жизни"²⁵. В итоге 1 июня 1966 г. на французской политической арене возникла новая партия с названием "Национальная федерация независимых республиканцев" (НФНР). Ее председателем с первого дня существования стал Валери Жискар д'Эстен. Хотя партия не имела массового членства, она стала пользоваться поддержкой влиятельных лиц в органах местного самоуправления, доверие которых Жискар д'Эстен сумел завоевать в бытность свою министром экономики и финансов. В первые месяцы после создания НФНР к ней примкнуло около шести тысяч мэров²⁶.

Постепенно Жискар д'Эстен стал демонстрировать свое несогласие с отдельными сторонами политики существующего режима и принципами его функционирования. 10 января 1967 г., в преддверии очередных парламентских выборов, он произнес ставшую вскоре знаменитой формулу "да, но...", которая символизировала двойственное отношение Независимых республиканцев к де Голлю. Жискар д'Эстен объяснял свою позицию как одобрение и поддержку политики президента, но поддержку, сопровождавшуюся стремлением активно участвовать в разработке этой политики и влиять на некоторые ее направления. «Будем откровенны, — подчеркивал он, — наше "но" есть не противоречие, а дополнение. Речь идет о дополнении нынешней политики по трем направлениям: более либеральное функционирование институтов, проведение подлинно современной экономической и социальной политики, европейское строительство»²⁷.

Тем временем правительство столкнулось с серьезными трудностями. В начале мая 1968 г. в ряде городов Франции начались студенческие волнения, участники которых сначала выражали недовольство устаревшей системой высшего образования, а затем распространили критику и на все общество в целом. Демонстрации солидарности со студентами и забастовки протеста быстро

²⁵ Цит. по: *Lancel F.* Op. cit. P. 80.

²⁶ *Colliard J.-C.* Op. cit. P. 75.

²⁷ Texte de la conference de presse de V. Giscard d'Estaing, tenue le 10 janvier 1967 // *Bassi M.* Op. cit. P. 168.

переросли во всеобщую стачку огромного размаха. Экономическая жизнь в стране была парализована. Оценивая причины и значение “красного мая”, видный левый политический деятель Франции Мишель Рокар писал в своих мемуарах: “Май 1968 г. стал выражением широкого возмущения простых людей тем, что их считали лишь винтиками в безликом административном механизме. Народное движение отражало стремление к интеграции общества, отрицание давящей иерархии... Май 1968 г. прежде всего, требовал признания достоинства человека и подлинной свободы слова для всех...”²⁸. Перед политическими силами возникла необходимость безотлагательно включить в свои проекты меры, связанные прежде всего с качественными показателями: предпочтительностью “лучше”, а не “больше”, стремлением к ликвидации социальных барьеров и более справедливому распределению материальных благ, прав и обязанностей, устранением архаичных структур.

События 1968 г. были незамедлительно использованы Независимыми республиканцами, которые представляли их как прямое следствие политики де Голля и его окружения. Сам Жискар д’Эстен на первых порах предпочитал хранить молчание, так как понимал, что доля ответственности лежит и на нем — министре экономики и финансов в 1959—1966 годах. Но, в конце концов, он не выдержал и выступил с заявлением, в котором призвал правительство подать в отставку²⁹.

1969 год внес новые перемены в политическую жизнь Франции. Де Голль объявил о начале воплощения в жизнь задуманного им проекта социально-экономических реформ под лозунгом “участия” населения в управлении предприятиями и учреждениями. В рамках этой перестройки президент решил провести реформу органов местного управления и реформу Сената. Оба проекта были вынесены на референдум, итоги которого де Голль рассматривал как отношение к его политике в целом.

Все оппозиционные силы выступили против президента. Руководство “независимых” — единственных к тому моменту партнеров голлистов по правительственной коалиции — приняло решение о “свободном голосовании” членов партии. Реально это означало отказ в поддержке де Голлю. Сам же Жискар д’Эстен заявил, что будет голосовать на референдуме против президентских проектов, к чему и призвал своих избирателей³⁰. В итоге правительственные законопроекты были отвергнуты большинством голосов (53,2%).

²⁸ Рокар М. Трудиться с душой. М., 1990. С. 46—47.

²⁹ Paulard A. Op. cit. P. 85.

³⁰ Colliard J.-C. Op. cit. P. 219.

Поражение де Голля на референдуме послужило причиной его отставки. 28 апреля 1969 г. в соответствии с ранее сделанными обещаниями президент покинул занимаемый пост. С отходом Шарля де Голля от государственной деятельности и его последующей скорой кончиной была перевернута очередная страница французской истории.

После отставки де Голля перед Жискар д'Эстеном возник вопрос: выставлять свою кандидатуру на внеочередных президентских выборах или отложить до следующего раза, поддержав кого-либо из других кандидатов: А. Поэра или Ж. Помпиду? После некоторых колебаний он решил, что время открытой борьбы за президентский пост еще не настало. Вскоре по всей Франции уже расклеивали афиши с портретом Валери Жискар д'Эстена и подписью: "Либерал и европеец, я поддерживаю кандидатуру Жоржа Помпиду"³¹.

Поддержка Независимых республиканцев была в достаточной мере оценена Помпиду: после его избрания президентом республики семь членов этой партии получили министерские портфели во вновь сформированном правительстве, причем сам Жискар д'Эстен вернулся в министерство экономики и финансов. Вскоре Помпиду возвел Жискар д'Эстена в ранг государственного министра, то есть заместителя премьер-министра, что позволяло тому участвовать в решении многих вопросов, выходящих за рамки сферы собственно экономики и финансов.

В 1972 г. Жискар д'Эстен пишет две специальные статьи, посвященные проблемам экономического роста, где затрагивает и более широкие вопросы общественного развития. Свои взгляды он уточняет в предисловии к вышедшей в этом же году первой программе независимых республиканцев — "Вообразить будущее". Характерными чертами концепции, изложенной в этих публикациях, стали существенное ослабление государственного регулирования экономики и социальный реформизм. В частности, отмечалось, что "для либералов задача политической власти состоит в том, чтобы стимулировать процесс переустройства общества. Именно государство призвано уравнивать игру экономических сил, обеспечивать равенство возможностей и помогать жертвам экономических мутаций"³².

Жискаровская концепция формировалась в значительной степени как попытка осмыслить причины и результаты кризиса 1968 г. Это подтверждает ее первый лозунг — "гуманизация экономического роста". Жискар д'Эстен понимал, что экономический рост

³¹ Paulard A. Op. cit. P. 98.

³² Imaginer l'avenir: Propositions libérales établies par le Club Perspectives et Réalités. P., 1972. P. 223.

есть непереносимое условие существования человеческого общества, материальная база и залог социального прогресса. Но, по его мнению, экономический рост не мог быть самоцелью, ибо помимо прочего влек за собой определенные негативные последствия: загрязнение окружающей среды, перегрузку транспорта, бесконтрольную урбанизацию и т.д. Неспособность адаптироваться к быстро меняющимся условиям и нивелировка образа жизни вызывали у людей страх перед будущим, чувство отчуждения, отстраненности от принятия решений, недовольство обезличиванием индивидуальности и стандартизацией культурных ценностей³³. Наконец, экономический рост создавал новые потребности быстрее, чем был способен удовлетворить их, порождая социальную напряженность, чреватую разрушительным взрывом. Отсюда Жиска́р д'Эстен делал вывод о необходимости перехода к более умеренным темпам количественного роста производства с тем, чтобы дополнить его качественными аспектами (культура, здравоохранение, образование, защита окружающей среды и др.) и найти подлинное равновесие в их соотношении³⁴.

Такой взгляд встречал далеко не единодушную поддержку у руководства страны. К началу 1974 г. в правительстве сложились две группы. Представители одной из них, во главе с Ж. Помпиду, требовали мобилизовать все силы, чтобы сохранить высокие темпы экономического роста. Другие, и среди них Валери Жиска́р д'Эстен, предлагали определить новую формулу роста, более «социальную и качественную»³⁵. Но лидер НФНР предпочел не обострять отношения с голлистами. Этот шаг во многом диктовался тактическим расчетом. Жиска́р д'Эстен, стремившийся стать преемником Помпиду в Елисейском дворце, не желал лишний раз конфликтовать с правящей партией.

В апреле 1974 г. неожиданно скончался президент Помпиду, и в мае состоялись внеочередные президентские выборы. В качестве совместного кандидата левых сил выступал Ф. Миттеран. А от голлистской партии баллотировался бывший премьер-министр Ж. Шабан-Дельмас. Валери Жиска́р д'Эстен терпеливо выждал время и 8 апреля в небольшой мэрии городка Шамальер объявил о своей кандидатуре на пост главы государства. При этом он сказал: «Я хочу посмотреть Франции прямо в глаза, высказать ей все, что я думаю, и получить ответ...»³⁶. Жиска́р д'Эстен дал це-

³³ *Giscard d'Estaing V. Humaniser la croissance // Preuves. 1972. №10. P. 10.*

³⁴ *Giscard d'Estaing V. Progrès économique et justice sociale // Revue politique et parlementaire. 1972. № 834. P. 10–12.*

³⁵ *Ibid. P. 14.*

³⁶ Цит. по: *L'Histoire de la France. 1974–1981. Le septennat de V. Giscard d'Estaing. № 79/143. P., 1988. P. 122.*

льный ряд предвыборных обязательств. Он пообещал оградить доходы трудящихся от инфляции; повысить размеры пенсий престарелым; распространить действие системы социального страхования на те группы населения, которые ранее не были ею охвачены; улучшить условия труда и изменить законодательство, регулирующее деятельность предприятий; реформировать систему школьного образования. Программа реформ предусматривала понижение возраста юридической дееспособности, включая право голоса на выборах с 18 лет; легализацию аборт; облегчение процесса развода³⁷.

Независимые республиканцы оказали своему лидеру безусловную поддержку. Ставку на Жискара, как наиболее надежного кандидата от правого большинства, сделала и часть голлистов во главе с Шираком. Жискар д'Эстену удалось пройти во второй тур, где он буквально вырвал победу у Миттерана с перевесом в 424 тыс. голосов (50,6%). Так в мае 1974 г. 48-летний Валери Жискар д'Эстен стал двадцатым президентом Французской республики (самым молодым после Казимира Перье в 1895 г.).

Приступая к исполнению своих полномочий, новый президент считал, что его окончательный успех зависел от того, насколько ему удастся активизировать французское общество. Он стремился придать намечаемым реформам характер "обычного явления, не представлять их как результат конфликта, а, напротив, претворять их в жизнь таким образом, чтобы постепенно они воспринимались как нечто само собой разумеющееся"³⁸. Подобная тактика отражала понимание президентом социальной и национальной психологии его соотечественников. "В ряду великих держав, — писал Жискар д'Эстен в своих мемуарах, — Франция стоит среди тех, кто хуже всего управлял своим общественным развитием: французское общество эволюционировало хаотически, преодолевая многочисленные препятствия и ограничения революционными рывками. Это сформировало определенную стереотипную реакцию французов на любые политические новшества, которые восторженно воспринимаются до того момента, пока не затрагивают интересов и привычек конкретных людей. После этого реформистский запал затухает и общество аккумулирует в себе сумму нерешенных проблем, приводящих в конечном итоге к очередному взрыву"³⁹.

Для постепенной подготовки французского общества к реформам и создания в нем "атмосферы перемен" Жискар д'Эстен уже

³⁷ Textes et documents relatifs à l'élection présidentielle des 5 et 19 mai 1974. P., 1975. P. 40—43.

³⁸ Жискар д'Эстен В. Власть и жизнь. М., 1990. С. 165.

³⁹ То же. С. 167.

в самом начале своего президентства решил прибегнуть к символическим и совершенно нетрадиционным для французской политики шагам. Он посещал тюрьмы и беседовал с заключенными; наведывался в гости в “рядовые” французские семьи, и сам приглашал на завтраки в Елисейский дворец представителей из “низов”; часто появлялся на экране телевизоров в кругу семьи, в элегантном пуловере вместо официального строгого костюма. Некоторые из этих мер хорошо были приняты общественностью. Другие, как считает сам президент, были истолкованы превратно⁴⁰. Об “атмосфере перемен” свидетельствовала и намеренная смена обстановки в Елисейском дворце. Жискард д’Эстен решил не занимать рабочий кабинет де Голя (где после отставки генерала работал и Помпиду). В новых апартаментах Жискард д’Эстен добавил несколько характерных деталей. На комод был выставлен большой портрет генерала д’Эстена (гильотинированного в 1794 г.), а на изящной конторке у окна занял почетное место фотоальбом Джона Кеннеди — одного из кумиров нового президента⁴¹. Эти и другие символические жесты не остались без внимания современников, и вскоре во французском политическом лексиконе появилось новое слово — жискардизм. Сначала им определяли стиль поведения нового главы государства, а впоследствии — всю совокупность доктринальных разработок и практических шагов Жискара д’Эстена.

Важным рубежом в становлении жискардизма стало издание в 1976 году программной книги президента “Французская демократия”. В работе впервые развернуто обосновывалась цель строительства во Франции “передового либерального общества”, а также излагалась суть политической философии Жискара д’Эстена.

Книга состояла из четырех частей. В первой — анализировались итоги развития Франции и характер протекавших в стране социальных изменений, во второй — провозглашались цели “передового либерального общества” (“к единству — через справедливость”), в третьей — декларировались основные гарантии (плюрализм, свобода и собственность), в четвертой — намечались пути достижения поставленной цели — общественного переустройства. “Наш проект, — отмечал Жискард д’Эстен в одной из журнальных статей, написанных специально к моменту издания книги, — это проект современного демократического общества, либерального по плюралистической структуре всех видов власти и передового по высокому уровню развития экономики, социального единения и культурного развития”⁴².

⁴⁰ То же. С. 237.

⁴¹ Jonas J.-J., Noury A. Giscard de tous les jours. P., 1978. P. 14.

⁴² Projet. 1976. № 110. P. 1219.

В своих рассуждениях Жиска́р д'Э́стен берет за точку отсчета 1950 год и считает, что за минувшие четверть века в социально-экономической структуре Франции под влиянием НТР произошли кардинальные изменения, не поддающиеся анализу с помощью традиционных концепций, к которым автор относит "классический либерализм" и марксизм в силу того, что они "сильно упрощают факты" и "абстрагируются от реалий человеческой жизни"⁴³.

При этом Жиска́р д'Э́стен не отрицал принципиальных познавательных возможностей марксизма, считая, что он "помог индустриально развитым обществам лучше понять самих себя, а рабочему классу этих обществ завоевать свои законные права, столь долго не признаваемые". Однако сегодня марксизм "уже не способен более помочь в понимании нашего общества и не может быть руководством в построении общества завтрашнего дня"⁴⁴.

Что же касается классического либерализма, то хотя эта концепция и "не дает универсального ключа к пониманию мира", тем не менее "именно она внесла решающий вклад в наш прогресс". Рассматривая индивидуума как "альфу и омегу общественной организации", классический либерализм "представляет собой основу для самых законченных форм политической демократии". Франция "обязана ему своими главными экономическими достижениями", поскольку "система свободного предпринимательства, конкуренция внутри страны и за ее пределами, хорошее функционирование рынка превосходит авторитарное планирование, даже называемое демократическим"⁴⁵.

Жиска́р д'Э́стен акцентирует внимание на двух главных недостатках классического либерализма. К первому из них относится осуждение государственного вмешательства в сферу экономических и социальных отношений. Классический либерализм не отдает себе отчета в том, что в современных условиях "государство становится не угрозой для свободы, а подлинной гарантией свободы для самых слабых". Ко второму Жиска́р д'Э́стен относил "абстрактное и одномерное восприятие человека", ведущее к "математизации человеческих отношений", что чревато усилением социального неравенства и нарушением внутренней стабильности общества⁴⁶.

Отсюда Жиска́р д'Э́стен заключал, что предлагаемая им новая доктрина — современный или "передовой либерализм", сохраняя

⁴³ *Giscard d'Estaing V. Démocratie française. P., 1976. P. 39.*

⁴⁴ *Ibid. P. 41, 43.*

⁴⁵ *Ibid. P. 43—44.*

⁴⁶ *Ibid. P. 45—46.*

“ясность и силу либеральной мысли”, должен переломить “инстинктивное и стойкое недоверие французов к государству” и привести к торжеству “упорядоченной, сильной и миролюбивой демократии”, базирующейся на плюралистических началах⁴⁷. Построение нового общества “исключает — по мнению автора — иммобилизм и делает ненужной революцию. Оно пролегает через реформы. Точнее говоря, оно предполагает, что социальное тело найдет в себе самом необходимую энергию к изменениям; терпение, чтобы провести реформы; настойчивость, чтобы довести их до конца”⁴⁸. Концепция “передового либерального общества”, представленная Жискар д’Эстеном как третий путь развития Франции, отличающийся как от капитализма, так и от социализма⁴⁹, могла бы, по его мнению, послужить прообразом будущей модели западноевропейского развития.

Подход Жискар д’Эстена принципиально “антропоцентричен”⁵⁰. Он пытается подчинить спонтанные феномены человеческому сознанию и на этой основе реализовать своего рода синтез между развитием индивидуальных свобод и рациональной организацией “коллективистских ценностей” (таких, как, например, “социальная справедливость”).

Характеризуя свой проект, Жискар д’Эстен заявлял, что “передовое либеральное общество” будет состоять из “свободных и ответственных” людей, отношения между которыми будут реализованы “в форме солидарности и братства”⁵¹. Целью такого общества является индивидуальное процветание (*l'épanouissement individuel*) — право каждого развивать свою индивидуальность с одним лишь ограничением — без ущерба свободы других⁵². Для достижения этой цели требуется не только сохранение фундаментальных свобод, за которые боролись первые республиканцы, но и достижение свобод, так сказать “второго порядка”, более конкретных (собственное жилье, право выбирать себе врача и адвоката, право выбирать школу для своих детей и др.)⁵³.

Вместе с тем Жискар д’Эстен осознает, что излишки индивидуализма (*l'excès d'individualisme*) — фактор потенциальной атомизации общества. Поэтому параллельно с провозглашением принципа индивидуализма он призывает к “восстановлению социального диалога, прерванного гигантизмом и обезличиванием

⁴⁷ Ibid. P. 113.

⁴⁸ Ibid. P. 170.

⁴⁹ Ibidem.

⁵⁰ Ibid. P. 47.

⁵¹ Ibid. P. 90.

⁵² Ibid. P. 71.

⁵³ Ibid. P. 72.

предшествующих лет”⁵⁴. В этой связи автор “Французской демократии” считает необходимым решить несколько приоритетных задач. Первая из них — проведение целенаправленной государственной политики по защите и поддержке института семьи — как важного места первоначальной социализации индивида⁵⁵. Второе направление — содействие общественным ассоциациям (клубам, сообществам, кружкам на предприятиях), являющимся “важным средством самовыражения и активности в демократическом обществе”⁵⁶. Третья задача заключается в “кардинальном изменении административной практики”, а по сути дела в борьбе с бюрократизмом во всех его проявлениях: “медлительностью, бумаготворчеством, анонимностью”⁵⁷. Наконец, особую роль в процессе восстановления “социального диалога” Жискар д’Эстен отводит реформе предприятия, цель которой сделать из “безликого механизма подлинное сообщество, поощряющее инициативу, ответственность и общение”⁵⁸.

Фундаментом социального единения французов должен стать принцип социальной справедливости (*la justice sociale*). Это понятие занимает важное место в концепции Жискар д’Эстена, который считает, что дальнейшая “эволюция общественной системы” ведет не к “противопоставлению друг другу двух противоположных антагонистических классов”, а к “разрастанию необъятной центральной группы французов с неясными контурами”, которая впоследствии “интегрирует в себя все французское общество”. Таким образом, должна появиться “социальная реальность нового типа”. Этот новый “социологический центр нации” станет “носителем ценностей, заимствованных частью у пролетариата, частью у буржуазии, которые вместе взятые являются ценностями современного общества”⁵⁹. По мнению автора “Французской демократии”, этот процесс — естественное движение, но его нужно всячески стимулировать. Не случайно главным предвыборным лозунгом Жискар д’Эстена стала фраза “управлять изменениями” (*conduire le changement*).

Однако “стирание классов не означает стандартизации значения и положения самой личности”. Речь идет о том, чтобы, во-первых, “различия в положении не передавались из поколения в поколение автоматически”, а во-вторых, не были бы столь “существенными, чтобы у отдельных людей возникало ощущение

⁵⁴ Ibid. P. 84.

⁵⁵ Ibid. P. 81.

⁵⁶ Ibid. P. 90.

⁵⁷ Ibid. P. 85.

⁵⁸ Ibid. P. 86.

⁵⁹ Ibid. P. 55—57.

ние, что они принадлежат к другому миру". Одновременно Жиска́р д'Э́стен предусматривает существование в обществе такого феномена, как "максимально допустимый социальный разрыв", но лишь как результат неодинакового вознаграждения индивидумов за предприимчивость и таланты⁶⁰. Подобная двойственность — характерная черта социального либерализма XX века, отрицающего механическое уравнильство, но одобряющего идею справедливого перераспределения национального богатства с помощью государства⁶¹.

Жиска́р д'Э́стен также считает, что социальную справедливость в "передовом либеральном обществе" должно обеспечивать государство. Именно оно призвано уничтожить нищету, привилегии и дискриминацию, гарантировать гражданам защиту от сбоев социальной системы, не допускать, чтобы естественное соперничество индивидов приводило к росту несправедливости. Применительно к ситуации во Франции 70-х годов Жиска́р д'Э́стен указывает, что в число приоритетных входит несколько государственных задач. Недопущение социальной маргинализации наименее обеспеченных слоев общества (людей пожилого возраста, инвалидов, безработных вследствие экономических причин)⁶². Устранение монополизма, финансовых спекуляций, уклонения от налогов⁶³. Борьбу с дискриминацией женщин, работников физического труда⁶⁴. Проведение политики уравнивания шансов в системе образования⁶⁵. Таким образом, автор предлагал сделать "необходимое неравенство" более выносимым — предоставить французам "как можно больше минимальных гарантий, за пределами которых должны проявляться личная инициатива и ответственность"⁶⁶.

Как и все либералы, Жиска́р д'Э́стен считает основной гарантией свободного общества право его граждан на обладание собственностью (*la possession d'un patrimoine*). "Наша цель, — пишет автор "Французской демократии", — сделать французам собственниками Франции — обеспечить всем гражданам конкретную возможность доступа к минимальной собственности, своего рода социальной собственности" (*le patrimoine social*), через системы сбережений и кредита⁶⁷.

⁶⁰ Ibid. P. 53, 54.

⁶¹ См.: *Согрин В. В. и др.* Либерализм Запада. XVII—XX века. М., 1995. С. 160.

⁶² *Giscard d'Estaing V.* Op. cit. P. 58—59.

⁶³ Ibid. P. 61—62.

⁶⁴ Ibid. P. 63—65.

⁶⁵ Ibid. P. 67.

⁶⁶ Ibid. P. 62.

⁶⁷ Ibid. P. 108.

Еще одной важной гарантией свободы во французском обществе Жискар д'Эстен называет принцип плюрализма (*la pluralité*). Он сознательно использует термин, который, по его мнению, не содержит идеологического оттенка, но одновременно символизирует всю полноту демократических свобод. В трактовке сути плюралистической демократии Жискар д'Эстен идет дальше традиции классического либерализма, для которого плюрализм подразумевал, прежде всего, определенную форму политической власти. Для Жискар д'Эстена плюрализм интегративен и неразделим, должен пронизывать все сферы общественной жизни. Он состоит из четырех ветвей, где проявляет себя по-разному: плюралистическая структура политической власти (поддержание принципа разделения властей), плюрализм в отношении массовых организаций (признание множественности партий, профсоюзов и ассоциаций), плюрализм в средствах массовой информации (уважение свободы печати), плюрализм в области экономики (использование принципа децентрализации хозяйственных структур, уважение свободной конкуренции, неприятие широкой практики национализаций)⁶⁸.

Последнюю часть своей работы Жискар д'Эстен посвящает новым функциям государства как "главного инструмента на службе нации" — гаранта свобод и естественного защитника прав человека⁶⁹. По мнению Жискар д'Эстена, государство не должно замыкаться только в таких функциях, как обеспечение обороноспособности, отправление правосудия и поддержание денежной системы. Любые крупномасштабные социальные задачи, вопросы образования и здравоохранения, проблемы промышленного и сельскохозяйственного развития — все они требуют большего или меньшего вмешательства государства⁷⁰.

Но главное, чтобы при решении этих задач государство не превращалось в бюрократический и дирижистский аппарат. Если частная инициатива окажется неспособной надлежащим образом справляться с задачами экономического или социального характера, то государство может вмешиваться в их решения, используя косвенные рычаги и временные меры. Но при этом государство должно оставаться сильным и независимым от частных интересов. Только так оно может выступать защитником свобод в плюралистическом обществе. Партии, ассоциации и профсоюзы не должны ограничивать деятельность государства⁷¹.

⁶⁸ Ibid. P. 96.

⁶⁹ Ibid. P. 146.

⁷⁰ Ibid. P. 147.

⁷¹ Ibid. P. 148.

Важно подчеркнуть, что в определении функций государства позиция Жискара д'Эстена существенно отличается от концепции классического либерализма. Его взгляды более прогрессивны, а идейный поиск сосредоточен на том, чтобы определить оптимальную роль современного государства в демократическом обществе, не допуская ни этатистских перегибов, ни столь же опасной государственной инертности.

Наглядным уточнением того, как Жискар д'Эстен представлял себе роль современного государства, был предпринятый им анализ механизма регулирования экономических процессов. Жискар д'Эстен провозглашал себя сторонником децентрализованной экономики, основанной на принципе рыночной конкуренции. Однако для обоснованности своей позиции он не апеллирует к постулатам либеральной доктрины. Для него такой подход выглядел бы слишком идеологично. Как уже отмечалось выше, для автора "Французской демократии" поиски лучшего пути социального развития должны иметь характер научного объективного поиска тех закономерностей, которые характерны для современного общества. "Современная экономика, — пишет автор, — чрезвычайно сложная система. Она может действовать только опираясь на мощные автоматические механизмы"⁷². При этом общество должно доверять рыночному механизму заботу о регулировании основной экономической деятельности, а государство — дополнять и подправлять это регулирование. Подобное государственное вмешательство играло бы, так сказать, роль "сознания", в то время как рынок представлял бы собой "биологически саморегулирующийся организм"⁷³. Завершая свою мысль, Жискар д'Эстен характеризует такую экономическую модель как "высшую форму социальной организации общества, позволяющую сочетать сознательность и спонтанность"⁷⁴.

"Французская демократия" вызвала определенный интерес у аналитиков. Однако среди широкой общественности ее резонанс оказался гораздо слабее, чем ожидали Жискар д'Эстен и его соратники⁷⁵. Одни обозреватели отмечали, что "главный недостаток книги в том, что в ней описываются проблемы, но не предлагается никакой действенной стратегии"⁷⁶. Другие считали, что "Французской демократии" явно не доставало энергии, способ-

⁷² Ibid. P. 116.

⁷³ Ibid. P. 119.

⁷⁴ Ibid. P. 103, 115.

⁷⁵ *Granet P.* Ne dites pas au Président que je suis UDF, il me croit socialiste. P., 1981. P. 163.

⁷⁶ *Le Point*. 18 octobre 1976. P. 40.

ной мобилизовать массы на осуществление предложенного им проекта⁷⁷.

Сам Жискар д'Эстен так отзывался об этом в своих мемуарах: "Француз стремится выдать себя за страстного реформатора... Однако аплодисменты реформе сменяются ее неприятием, как только она затрагивает привычки и личные привилегии..."⁷⁸. Может именно поэтому Жискар д'Эстен с самого начала не питал иллюзий относительно беспрепятственного осуществления своих замыслов.

Наиболее успешно были проведены такие мероприятия, как увеличение размеров пособий по безработице, повышение гарантированного минимума заработной платы, увеличение минимальных пенсий престарелым, снижение пенсионного рубежа для некоторых категорий населения. Широкое социальное звучание возымело снижение возраста юридического совершеннолетия с 21 до 18 лет. После долгих и страстных дискуссий были официально разрешены аборт и упрощена процедура развода (при согласии обоих супругов).

Однако проекты других реформ натолкнулись на сопротивление различных социальных групп. Такая судьба постигла реформу предприятия (проект Сюдро). Этот проект предусматривал признание профсоюзов в качестве равноправного социального партнера предпринимателей и рекомендовал ввести представителей персонала предприятий в наблюдательные советы компаний. Под давлением предпринимателей форма "паритетного сотрудничества" в управлении была заменена "соучастием в контроле", что фактически оставляло нетронутой право решений владельца предприятия. Количество представителей персонала не должно было превышать одну треть общей численности наблюдательного совета, а обязательность "соучастия" ограничивалось компаниями с числом работающих не менее 1 тыс. человек. Как подчеркивалось в правительственном официозе, "данная реформа не ставит под вопрос принципы капиталистической системы производства. Вмешательство государства сводится к выработке общей ориентации и процедурных рамок. Остальное и главное является делом социальных партнеров"⁷⁹.

По существу закончилась неудачей и попытка правительства установить налог на личные состояния. После длительного обсуждения закон был одобрен парламентом. Однако в ходе этой процедуры он "оброс" таким количеством поправок и дополнений, что в конечной степени оказался неприменимым. Схожая

⁷⁷ Le Nouvel observateur. 11—16 octobre 1976. P.13.

⁷⁸ Жискар д'Эстен В. Указ.соч. С.168.

⁷⁹ La reforme de l'entreprise // France — information. Décembre 1975. P. 11.

судьба ожидала законопроект о борьбе с земельной спекуляцией и о налогообложении спекулятивной прибыли, получаемой при продаже недвижимого имущества, антикварной мебели, золота и других драгоценных металлов.

От некоторых реформ правительство отказалось по собственной инициативе. Такая участь постигла, в частности, идею реорганизации административно-территориального аппарата путем его "демократической децентрализации". Основной упор в обещаниях Жискара д'Эстена делался на усилении полномочий региональных органов. Однако уже в 1975 году он заявил, что "Франция недостаточно богата, чтобы иметь четыре уровня администрации: коммунальный, департаментский, региональный и национальный"⁸⁰. Еще через год президент признал, что он враждебен "политическому регионализму" и что, по его убеждению, "административная монолитность страны является одним из самых сильных ее мест"⁸¹.

Большое сопротивление вызвала попытка реформировать французскую школу. Предложенный правительством законопроект не обещал ликвидировать ее основные недостатки: неравенство шансов, "книжный" характер школьного воспитания и следующую из этого неподготовленность выпускников к решению сложных вопросов практической жизни. В итоге, против такого проекта выступили сами школьники, профсоюзы учителей и организации родителей, а правительство вынуждено было отсрочить проведение реформы в жизнь.

"Незаконченность" реформизма Жискара д'Эстена выразилась в весьма противоречивом курсе французского руководства в сфере экономики. Сначала план борьбы с безработицей уступил место антиинфляционным мерам⁸². Но вскоре президент объявил о плане "поддержки экономики", по которому государство выделяло из бюджета 30 млрд франков для стимулирования капиталовложений и экспорта, удовлетворения некоторых социальных нужд (13-я пенсия, дополнительные семейные пособия, отсрочка от уплаты налогов)⁸³.

Динамика и результаты реальных реформ, предпринятых в 1974—1981 гг., выглядели весьма невыразительно на фоне многообещающих деклараций Жискара д'Эстена. По-видимому, именно этот факт позволил некоторым отечественным исследователям

⁸⁰ Цит. по: L'Express. 12—18 juin 1978. P.37.

⁸¹ Ibidem.

⁸² Année économique et sociale — 1975: la crise. Supplément aux "Dossiers et documents" du Monde. P., 1976. P. 14.

⁸³ L'Histoire de la France... P. 130.

сделать вывод о “закономерной бесперспективности попыток создать во Франции гармоничное общество на базе капиталистической системы, предполагающей неравенство...”⁸⁴. Однако для полноты картины все же следует отметить, что противоречивый внутриполитический курс французского руководства осуществлялся под воздействием ряда неблагоприятных для него факторов.

На рубеже 1973—1974 гг. Францию, как и большинство развитых капиталистических стран, охватил глубокий экономический кризис. По сути, это было даже переплетение кризисных ситуаций. Впервые после окончания второй мировой войны годовое производство промышленной продукции сократилось на 10%. Франция вступила в период стагнации (спада производства, сопровождающегося ростом безработицы и одновременным увеличением инфляционных процессов). Это был не только очередной циклический спад. Налицо была ситуация из числа тех, что формируются на протяжении нескольких экономических циклов и в итоге обнаруживают существование структурных диспропорций в развитии хозяйства.

Кризис в экономике сопровождался серьезными изменениями в партийно-политической системе французского общества. Перегруппировка сил в левом лагере завершилась в 1972 г. подписанием совместной правительственной программы между коммунистами, социалистами и левыми радикалами. Это соглашение оказало большое влияние на внутриполитическую обстановку в стране: союз левых сил превратился в полюс притяжения для всех недовольных курсом правящего большинства.

Явное недовольство реформаторским курсом Жискар д’Эстена демонстрировала голлистская партия. Известный деятель голлизма А. Сангинетти назвал годы жискарковского семилетия “драмой”, поскольку, по его мнению, “экономический либерализм совершенно не отвечал французскому темпераменту... являясь уделом только протестантских обществ”⁸⁵. Ведущий сотрудник института Шарля де Голля — Ж. Пиллель обвинял “передовой либерализм” в “потребительском видении свободы” и в “неумении уважать человеческое достоинство”⁸⁶. Ж. Ширак, бывший в 1974—1976 гг. премьер-министром, характеризовал период прав-

⁸⁴ Чернега В.Н. Республиканская партия в политической жизни Франции. М., 1981. С. 181.

⁸⁵ Цит. по: Dreyfus F.-G. De Gaulle et le gaullisme: Essais d'interpretation. P. 1982. P. 308.

⁸⁶ Цит. по: Approches de la philosophie politique du general de Gaulle. P., 1983 P. 237.

ления Жискар д'Эстена не иначе, как "ползучий социализм", утверждая, что политика президента "лишь прокладывает левым путь к власти и не содержит сколько-нибудь позитивных идей"⁸⁷.

В свете приведенных характеристик Жискар д'Эстена и с учетом всей противоречивости проводимого им курса задача смысловой идентификации проекта "передового либерального общества" вызывает определенные трудности. В этой связи наиболее плодотворной из всех существующих в отечественной литературе нам представляется мысль Т.М.Фадеевой о том, что "это был несколько запоздалый французский вариант социального либерализма"⁸⁸ — направления, выделившегося в западном либерализме на рубеже XIX—XX вв. и стремительно набиравшего силу после экономического кризиса 1929—1933 годов.

В целом либеральное кредо Жискар д'Эстена не подлежит сомнению. На протяжении всех лет своей общественно-политической деятельности он был и остается либералом в общепринятом значении этого слова, признавая принципы свободы личности, частной собственности и правового государства. Однако специфика экономического развития (при значительном государственном вмешательстве и наблюдающемся замедлении темпа роста), и политической конъюнктуры (сопровождавшейся нарастающей bipolarизацией общества) придавали жискарговскому либерализму явное своеобразие. Оно проявлялось в допущении корректирующего вмешательства государства в экономику, выражалось в подчеркнутой социальной направленности преобразований, содействующих перспективе интеграции французского общества.

Во французской историографии высказывалось мнение о том, что жискардизм стал современным воплощением орлеанистской традиции. Эта оценка дана в одном из первых вариантов известной классификации Р.Ремона, подразделяющего правый французский политический спектр на наследников легитимистов, бонапартистов и орлеанистов⁸⁹. Философией орлеанистского движения была проповедь индивидуализма, высшим проявлением которого, критерием и гарантом одновременно, являлась собственность; вера в принцип естественной эволюции общества, понимаемой как отсутствие революционных катаклизмов. Очевидно, что Жискар д'Эстен усвоил основные черты орлеанизма. Тем не менее, совершенно разные социально-экономические

⁸⁷ Le Monde. 12 février 1981.

⁸⁸ *Согрин В.В. и др.* Либерализм Запада. XVII—XX века. С. 210.

⁸⁹ *Remond R.* La droite en France de la Première Restauration à la Ve République. P., 1963. P. 286.

условия эпох и вытекающие отсюда различия в политической борьбе, характер общественного сознания делают затруднительными такие сравнения. Гораздо важнее выделить тесную связь жискардизма с республиканскими идеалами и кодексом буржуазно-демократических и либерально-реформистских ценностей.

В целом представляется возможным характеризовать проект Жискар д'Эстена как конструктивную альтернативу традиционному голлизму и доктринам левых партий. На наш взгляд, его идейно-теоретические постулаты намечали реалистичные пути разрешения противоречий французского общества начала 70-х годов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В разные периоды исторического развития Франции либералы играли разную роль, а либеральные идеи и ценности имели разное значение. Иногда французский либерализм был консервативным, а иногда, напротив, прогрессивным и даже революционным. Французские либералы подавляли революционные движения, порой препятствовали реформам, но они же участвовали в нескольких революциях, защищали права человека и гражданина, отстаивали политические свободы против диктаторской власти; стремились создать правовое государство.

По-видимому, главная особенность, отличающая французский либерализм от либерализма в других странах, состоит в том, что французская либеральная мысль и деятельность либералов развивались в условиях многих революций: от Великой французской революции конца XVIII в., до революции 1870 г. и Парижской коммуны 1871 г. Идеино-теоретические основы либерализма были рано признаны почти всеми политическими силами, и борьба за политическое преобладание разворачивалась вокруг иных проблем, прежде всего вокруг республики и социальных преобразований.

В силу особенностей исторического развития Франции левые силы были там гораздо влиятельнее, чем в других странах. Они заняли то политическое пространство, которое в Англии и США освоили либералы. С середины XIX в. исторической инициативой во Франции чаще владели не либералы, а другие политические группировки: левые, а не правые, радикалы, а не умеренные, сторонники перемен, а не консерваторы.

Французское общество почти никогда не делилось только на либералов и их противников. Со времен революции 1789 г. деление было гораздо более сложным: левые и правые, монархисты и республиканцы, умеренные и радикалы, социалисты и консерваторы. Разногласия между ними часто были глубже, чем разногласия между либералами и нелибералами; они разделяли французский либерализм, мешали созданию единого либерального течения или партии.

Родившись как политическое течение в годы Великой революции, французский либерализм перестал играть самостоятельную политическую роль в конце XIX — начале XX в., уступив лидерство более динамичным группировкам. В настоящее время либерализм как бы растворился в других политических течениях. По выражению одного из французских политологов, его можно обнаружить “повсюду и нигде”¹. В современной Франции либерализм существует как совокупность либеральных идей и ценностей, фактически признанных всеми политическими силами, но особой либеральной партии во Франции нет.

Значит ли это, что программа либерализма “фактически исчерпана”²? С одной стороны, да, потому что основные идеи либерализма уже нашли свое воплощение во многих странах Европы и Америки, в том числе во Франции; с другой стороны, нет, потому что в странах Третьего мира либеральные ценности отнюдь не являются общепризнанными, и даже в Европе их приходится постоянно отстаивать в постоянной борьбе за свободу и общественный прогресс.

¹ Dictionnaire historique de la vie politique française au XX-e siècle / Sous la direction de J.-F. Sirinelli. P. 586.

² *Фадеева Т.М.* Ук. соч. С. 217.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
<i>Глава 1. Основные этапы истории французского либерализма. Смирнов В.П.</i>	11
<i>Глава 2. Становление французского либерализма: Фельяны. Тырсенко А.В.</i>	32
<i>Глава 3. Либеральные ценности и опыт революции. Бовыкин Д.Ю.</i>	58
<i>Глава 4. Либеральная мысль в период Реставрации. Федосова Е.И.</i>	80
<i>Глава 5. Либералы у власти. Федосова Е.И.</i>	100
<i>Глава 6. Либерализм и демократия. У истоков Третьей республики. Обичкина Е.О.</i>	123
<i>Глава 7. Французские либералы в первой половине XX века. Наумова Н.Н.</i>	159
<i>Глава 8. Эксперимент Пинэ (1952 г.). Наумова Н.Н., Малороссиянова О.А.</i>	179
<i>Глава 9. Валери Жискар д'Эстен и проект "передового либерального общества". Моисеев Г.Ч.</i>	192
Заключение	218

Научное издание

ФРАНЦУЗСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ
В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

Отв. ред. *В.П. Смирнов*

Редактор
Г.М. Степаненко

Обложка художника
В.В. Пономаревой

Дизайнеры
Г.Д. Колоскова, Э.С. Кондрашова

Корректор
Г.М. Левина

Изд. лиц. № 040414 от 18.04.97 г.
Подписано в печать 22.11.2001.
Формат 60 × 90 1/16. Бумага офсетная №1.
Гарнитура Таймс. Офсетная печать.
Усл. печ. л. 14,0. Уч.-изд. л. 13,24.
Тираж 1000 экз. Заказ 4577—01 Изд № 7279

Ордена “Знак Почета”
Издательство Московского университета.
103009, Москва, ул. Б. Никитская, 5/7.

Отпечатано с оригинал-макета заказчика в ЦД МО
121019, г. Москва, Староваганьковский пер., д. 17

***В Издательстве Московского
университета
выйдут следующие книги:***

Новая история стран Европы и Америки. Начало 1870-х годов — 1918 г. Учебник / Под ред. И.В. Григорьевой. — М.: Изд-во МГУ, 2001. — 720 с.(п).

В учебнике освещается история наиболее крупных стран Европы, США и Латинской Америки от начала 70-х годов XIX в. до окончания Первой мировой войны. Рассматриваются также общие проблемы: история международных отношений, международного рабочего и социалистического движения, мировая война 1914–1918 гг., развитие культуры. Насыщенность фактическим материалом сочетается с проблемным подходом к характеристике особенностей данного исторического периода и типологических различий внутри рассматриваемой группы стран.

Для студентов исторического факультета.

Введение в теорию международных отношений: Учебное пособие / Отв. редактор А.С. Маныкин. — М.: Изд-во МГУ, 2001. — (Труды исторического факультета МГУ: Вып.17. Сер.III. Instrumenta studiorum: 8)

В пособии рассматриваются базовые закономерности, изучаемые теорией международных отношений. Показаны подходы основных научных школ к ключевым проблемам этой отрасли знания. Анализируется механизм функционирования системы международных отношений, выявляются факторы (идеологические, экономические, военно-стратегические), воздействующие на этот процесс.

Для студентов, преподавателей, научных работников, занимающихся изучением теории и истории международных отношений.

*По всем вопросам, связанным с приобретением книг,
обращайтесь в Издательство МГУ по адресу:*

103009, Москва, ул. Б.Никитская, 5/7.

Тел./Факс: (095) 939 33 23, 229 75 41.

E-mail: kd_mgu@df.ru